Дата выхода: 11.03.2026 г.

Студенческий электронный журнал «СтРИЖ»

№ 1(66) 2026

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство Эл № ФС77-60273 от 19 декабря 2014 года

ISSN: 2587-7658

Редакционная коллегия:
Коробченко Т.С. - главный редактор
Караваева А.С. - редактор
Спиридонова О.И. - дизайнер

strizh@vspu.ru
8 (8442) 60-28-88

СОДЕРЖАНИЕ

XV Археологические чтения памяти Александра Харламова

ИСАЕНКО С.С. Популяционные связи населения позднесарматского времени Волго-Донского междуречья по данным краниологии 4

САЖИН Я.А. Украшения срубной культуры по материалам В.И. Мамонтова 9

СЕЧИН Б.Г., ТЕМНЫШОВА А.А. Сарматские жезлы и треножники с территории Кубани как шаманская атрибутика 15

СКВОРЦОВА Е.А. Образ птицы на предметах из сарматских погребений 24

ЧАЙКА И.Е. Сравнительный анализ погребальных комплексов алан Центрального Предкавказья и Нижнего Дона 29

Биологические науки

ЖУКОВА С.Д. Характерные особенности наследования окраса шерсти у собак 35

Исторические науки

АРТЕМОВ П.А. Производственная деятельность судостроительных верфей в СССР за период 1931–1941 гг. на примере Сталинградской судоверфи 39

АРТЕМОВ П.А. К вопросу о зарождении и становлении Сталинградской судостроительной верфи в 1930–1941 гг. 46

Педагогические науки

ВАРФОЛОМЕЕВА В.Р. Виртуальная экскурсия как средство формирования патриотической культуры дошкольников 52

КОСТРЫШОВА Е.А., ХРИЧЕНКО Л.В. Работа над речевыми ошибками, связанными с неуместным употреблением разговорных слов 57

СИДОРЕНКО Я.Ю. Духовно-нравственное воспитание детей дошкольного возраста на основе православной культуры 60

ТОЛОКОННИКОВА К.Н. Экспериментальное исследование уровня овладения младшими школьниками стилистическим анализом художественного текста 64

Психологические науки

АРАКЧЕЕВА В.Р. Индифферентный стиль воспитания как наиболее деструктивный фактор психологического благополучия подростков 70

ЗАПАРЕВАННАЯ А.Ю. Сензитивный период для начала обучения иностранному языку 74

СЕРГЕЕВА Е.А. Психологические особенности влияния семейного стиля воспитания на характер межличностного взаимодействия подростков со сверстниками 78

ХОРОШИЛОВА В.С. Влияние прокрастинации на академическую успеваемость студентов младших курсов 82

ЦЫБ В.С. Взаимосвязь идентичности личности и склонности к девиантному поведению у молодежи 85

Филологические науки

ТИХОНОВА Е.А. Приём персонификации в поэзии И.А. Бунина 90

Экономические науки

ЖУКОВ В.Р. Миграция трудоспособного населения как инструмент сбалансирования региональных рынков труда 94

XV Археологические чтения памяти Александра Харламова

УДК 572.08

С.С. ИСАЕНКО
(sveta.isayenko@bk.ru)
Волгоградский государственный университет

ПОПУЛЯЦИОННЫЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ВОЛГО-ДОНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ ПО ДАННЫМ КРАНИОЛОГИИ*

По результатам межгруппового анализа были выявлены популяционные связи населения позднесарматского времени Волго-Донского междуречья. Определено морфологическое сходство исследуемой деформированной и недеформированной серий с краниологическими выборками из могильников Южного Приуралья, Нижнего Подонья и Нижнего Поволжья. Установлена тенденция к разделению групп по наличию или отсутствию следов обычая искусственной деформации черепа, характерного для позднесарматского населения.

Ключевые слова: *позднесарматское население, межгрупповой анализ, Волго-Донское междуречье, краниология, искусственная деформация черепа, антропологический тип.*

Определение популяционных связей является важной частью краниологического исследования, и изучению этой проблемы посвящен ряд работ М.А. Балабановой [1, 2]. Для данного исследования межгрупповой анализ осуществлялся каноническим методом для узколокальной группы из могильников Волго-Донского междуречья. В программу были включены 14 краниологических признаков с высоким таксономическим весом. В результате обработки цифровой информации изучались нагрузки на первые три канонических вектора и на расстояния Махаланобиса.

Всего в сравнительный анализ было включено 43 мужских и 27 женских групп позднесарматского времени, происходящих из обширной территории распространения позднесарматских памятников от Южного Приуралья до Нижнего Дона (табл.).

Таблица

Элементы первых трех канонических векторов при исследовании 43 мужских и 27 женских групп позднесарматского времени

№№ по Мартину и др.	Мужчины			Женщины		
	I КВ	II КВ	III КВ	I КВ	II КВ	III КВ
1	-0.081	**-0.691**	0.403	-0.220	**-0.986**	-0.027
8	**-0.768**	**0.658**	-0.102	**-0.538**	**0.501**	0.180
17	**0.604**	**0.477**	-0.302	**0.638**	0.257	-0.435
9	0.194	0.073	0.445	0.485	**-0.476**	-0.087
45	-0.002	-0.081	-0.116	-0.103	-0.001	**0.504**
48	0.130	0.411	0.306	-0.221	0.285	0.255
55	0.028	-0.389	-0.192	0.237	-0.215	-0.234
54	0.092	0.073	0.081	-0.109	0.040	0.188
51	-0.084	-0.172	0.114	-0.318	**0.477**	**-0.744**
52	**0.482**	0.160	-0.205	**0.530**	0.193	**0.542**
77	-0.090	-0.048	0.203	-0.201	-0.049	-0.134
zm	-0.001	-0.221	-0.345	0.057	0.064	0.163

* Работа выполнена под руководством Балабановой М.А., доктора исторических наук, профессора кафедры истории и международных отношений ФГАОУ ВО «ВолГУ».

© Исаенко С.С., 2026

№№ по Мартину и др.	Мужчины			Женщины		
	I КВ	II КВ	III КВ	I КВ	II КВ	III КВ
SS:SC	-0.361	-0.229	**-0.730**	0.120	0.188	0.146
75.1	0.191	0.294	**0.897**	-0.175	-0.220	**-0.487**
Собственные числа	8.560	4.912	3.890	6.632	4.970	4.486
% дисперсии	30.668	17.597	13.936	23.328	17.484	15.781

Сравнительный анализ мужских групп. Первый канонический вектор в мужской серии описывает около 31% общей межгрупповой изменчивости. Он имеет высокую положительную корреляцию с двумя высотными признаками (17; 52), отрицательную – по широтному размеру мозговой коробки (8). В связи с этим на положительном полюсе оказываются серии, которые отличаются узкой, высокой мозговой капсулой и высокими глазницами. Данный набор признаков встречается в сериях с деформированными черепами, в том числе, и в исследуемой серии из могильников Волго-Донского региона. На отрицательном полюсе изменчивости располагаются серии, которые характеризуется широким поперечным диаметром в сочетании с низким сводом и низкими глазницами (серии без деформации из могильников: Кривая Лука, Старица, Калиновка, Цаган-Усн и др.). Таким образом, первый канонический вектор при анализе межгрупповых зависимостей выполняет функцию разграничения совокупности деформантов и недеформантов, т. к. обычай модификации черепа имел массовый характер распространения у позднесарматского населения, а деформирующая конструкция оказывала сильное влияние на краниологические признаки мозгового отдела краниума [3, с. 110–113].

Второй канонический вектор описывает 17,6% общей межгрупповой изменчивости и коррелирует с тремя тотальными признаками мозгового отдела черепа: 1, 8 и 17. На основе этих зависимостей серии с короткой, широкой и высокой мозговой коробкой попадают на положительный полюс, а серии с длинной, узкой и низкой – на отрицательный полюс изменчивости. Высокие положительные значения имеют только серии с деформацией, а отрицательные включат как недеформированные (Калиновка), так и деформированные черепа (Костарево, Маляевка, Купцын Толга). Таким образом и второй канонический вектор разделяет серии с деформацией и без деформации. Тем не менее, обе исследуемые серии из могильников Волго-Донского междуречья по II КВ имеют отрицательные значения и располагаются вблизи друг от друга.

Третий канонический вектор описывает 14% межгрупповой изменчивости и имеет высокую связь с симотическим указателем и углом выступания носа. При этом серии, у которых низкие носовые кости сочетаются с большим углом выступания носа, соответствуют первому типу. Он выражен в двух сериях с территории Калмыкии (У-85 и Три Брата), в могильниках Ковыльный и Костарево. Второй тип, который характеризуется высокими носовыми костями в сочетании с умеренным углом выступания носа, представлен в деформированных сериях из могильников Покровка и Ровное.

Сравнительный анализ женских групп. В женской серии на первый канонический вектор приходится 23% межгрупповой дисперсии. Положительную корреляцию имеют два краниологических признака: высота свода и высота орбиты (17, 52) и один отрицательную – поперечный диаметр черепа (8). Таким образом, распределение изменчивости первого канонического вектора при анализе мужских и женских групп совпадает. На положительном полюсе локализованы серии, сочетающие узкий и высокий мозговой отдел черепа с высокими глазницами. Максимальные положительные значения имеют серии с деформированными черепами, включая и исследуемую серию из Волго-Донского региона. Отрицательную корреляцию имеют серии, у которых широкий низкий свод сочетается с низкими глазницами. Соответственно, максимальные отрицательные значения имеют серии без деформации из могильников Чиковский, Кузин хутор, Нижне-Донская серия и др.

Второй канонический вектор описывает 17% общей межгрупповой изменчивости. Положительная связь данного вектора установлена по двум широтным признакам (8, 51). Отрицательная связь

© Исаенко С.С., 2026

также с двумя размерами, продольный диаметр и наименьшая ширина лба (1, 9). Такое распределение корреляционных связей позволяет выделить с одной стороны серии, сочетающие короткий широкий череп с узким лбом и широкой глазницей (серии из могильников Старица, Купцын Толга и др.), а с другой – группы с длинным и узким черепом в сочетании с широким лбом и узкой глазницей (Авиловский, Нижнедонская серия и др.). Обе исследуемые серии из могильников Волго-Донского региона имеют отрицательное значение и тем самым тяготеют ко второму типу.

По третьему каноническому вектору наблюдается тенденция корреляции только с признаками лицевого скелета. При этом положительному полюсу изменчивости соответствуют серии с широким лицом, на котором умеренно выступающий нос сочетается с узкой и высокой глазницей (могильники Чиковский и Кузин хутор). Для отрицательного полюса характерен тип с узким лицом, резко выступающим носом в сочетании с широкой и низкой глазницей, который фиксируется на недеформированной серии из могильника Купцын Толга и групп с деформацией из могильников Адрык, Авиловский. Обе исследуемые серии занимают нейтральное положение.

Для представления серий из Волго-Донского междуречья на фоне синхронных групп матрица расстояний близости по Махаланобису обрабатывалась кластерным анализом и методом многомерного неметрического шкалирования. Результаты представлены на графиках отдельно для мужских и женских серий (рис. 1 и 2 на с. 7).

Исследуемая недеформированная серия (на графике обозначена под № 43) из могильников Волго-Донского региона имеет наибольшее сходство и образовала общий кластер с недеформированными группами с территории Калмыкии (Купцын Толга, Джангр), волгоградского Заволжья (Бережновка, Калиновка). Эти же тенденции отражают и значения расстояний Махаланобиса. Деформированная серия (обозначена под № 1) из могильников данного региона обладает близким сходством с деформантами из могильников Купцын Толга, Маляевка и Авиловский. По расстояниям Махаланобиса черепа из Волго-Донского междуречья имеют морфологическое сходство с деформированными черепами из могильников Джангр, Купцын Толга, Зергента и недеформированного черепа из могильника Бережновка I (рис. 1).

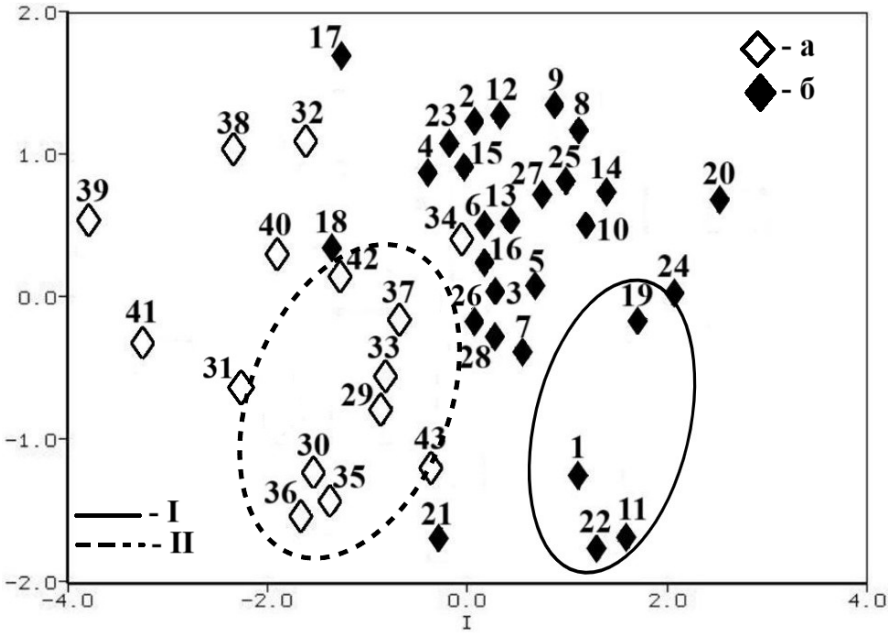

Рис. 1. Положение 43 мужских групп позднесарматского времени в плоскости I-II КВ
(а – недеформированные серии черепов; б – деформированные серии;I – первый кластер; II – второй кластер)

© Исаенко С.С., 2026

В результате кластеризации женских серий был выделен кластер, куда включилась группа с недеформированными черепами из могильников Волго-Донского междуречья (серия под № 17). Близкие расстояния она имеет с деформированными выборками из могильников Дюкер, Новый Рогачик и с недеформированными – Кузин хутор, Купцын Толга. Наибольшее сходство исследуемая группа с деформацией из могильников Волго-Донского междуречья (серия под № 1) имеет с группой из могильника Нагавский (рис. 2).

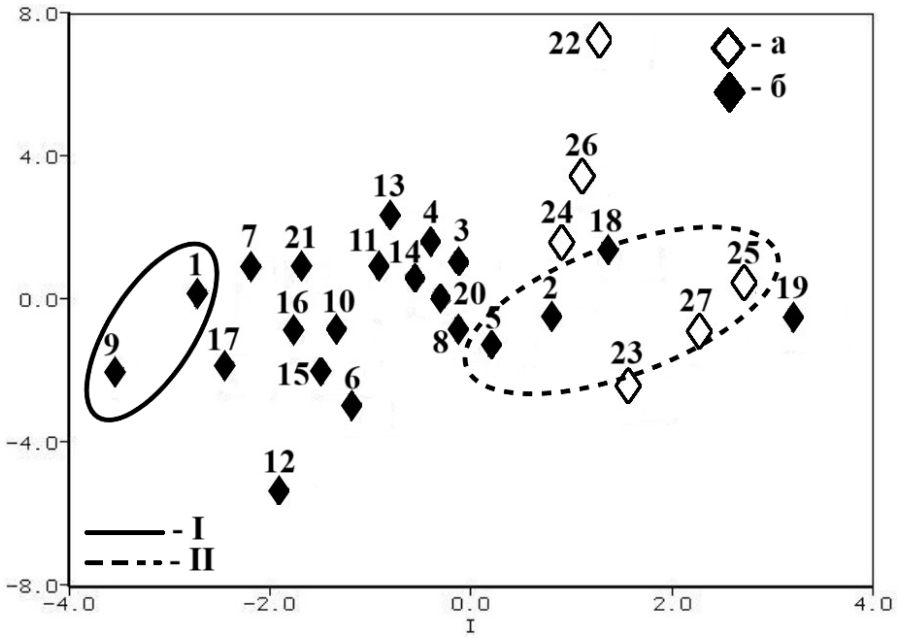

Рис. 2. Результат многомерного неметрического шкалирования 27 женских групп
(а – недеформированные серии черепов; б – деформированные серии; I – первый кластер; II – второй кластер)

Таким образом, межгрупповой анализ позволил выявить популяционные связи исследуемого населения позднесарматского времени с другими синхронными группами как практикующими обычай деформации, так и не практикующими. Эти связи, прежде всего, отражают тесные контакты с различными регионами Нижнего Поволжья, Нижнего Дона, региона Заволжья и Волго-Ахтубинской поймы, а морфологическое сходство со многими группами отражает их единство с остальным населением позднесарматского времени. При этом прослеживается связь у исследуемых серий недеформированных и деформированных черепов не только с группами из географически близких регионов (регион Калмыкии и прилегающих территорий Волгоградской и Ростовской области), но и отдаленных (Заволжье, Волго-Ахтубинская пойма и др.). Кроме того, популяционные связи продемонстрировали то, что обычай искусственной деформации черепа не вносил вклад в антропологическое разнообразие позднесарматского населения, но влиял на формирование комплекса деформации, который четко разграничивал серии по его наличию или отсутствию.

Литература

1. Балабанова М.А. Изменчивость антропологических типов сарматского населения Нижнего Поволжья // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2010. № 1(17). С. 5–14.

2. Балабанова М.А. Новые данные об антропологическом типе сарматов // Российская археология. 2010. № 2. С. 65–77.

3. Балабанова М.А. Обычай искусственной деформации головы у поздних сарматов: проблемы, исследования, результаты и суждения // Нижневолжский археологический вестник. 2001. № 4. С. 107–122.

© Исаенко С.С., 2026

SVETLANA ISAENKO
Volgograd State University

POPULATION CONNECTIONS OF THE LATE SARMATIAN PERIOD IN VOLGA-DON INTERFLUVE ACCORDING TO THE CRANIOLOGICAL DATA

Based on the results of intergroup analysis the population connections of the late Sarmatian period in Volga-Don interfluve were identified. The morphological similarity of the studied deformed and undeformed series with craniological samples from the burials of the Southern Urals, the Lower Don and the Lower Volga region was determined. There were established the trends to the division of groups by the presence or absence of the traces of the custom of artificial cranial deformation that is typical for the late Sarmatian period.

Keywords: *late Sarmatian population, intergroup analysis, Volga-Don interfluve, craniology, artificial cranial deformation, anthropological type.*

© Исаенко С.С., 2026

УДК 902/904

Я.А. САЖИН
(sajin13112006859@gmail.com)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

УКРАШЕНИЯ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ ПО МАТЕРИАЛАМ В.И. МАМОНТОВА*

Статья посвящена анализу и систематизации украшений срубной культуры, обнаруженных в ходе многолетних археологических исследований В.И. Мамонтова на территории Нижнего Поволжья (Волгоградская область). На основе обработки материалов 342 погребений, раскопанных в период с 1964 по 2012 гг., автором приводятся статистические данные о составе, частоте встречаемости и типологии ювелирных изделий.

Ключевые слова: *срубная культура, Нижнее Поволжье, Волгоградская область, В.И. Мамонтов, археологические раскопки, курганный могильник, погребальный инвентарь, украшения бронзового века.*

Владислав Иванович Мамонтов – известный археолог Нижнего Поволжья. На протяжении долгих лет он активно проводил археологические раскопки на территории Волгоградской области, благодаря чему появился обширный археологический материал срубной культуры.

С периода с 1964 г. до 2012 г. Владиславом Ивановичем было раскопано 342 погребений срубной культуры. Ниже представлена таблица с основными статистическими данными (табл.) [1–43].

Таблица

Погребения срубной культуры с различными типами находок

Кол-во погребений	Сосуд	Фрагменты керамики	Бытовые предметы	Фрагменты оружия	Украшение	Фрагменты животного	Иные предметы	%
89	1	0	0	0	0	0	0	26
85	0	1	0	0	0	0	0	24,8
58	0	0	0	0	0	0	0	16,9
19	2	0	0	0	0	0	0	5,5
12	0	2	0	0	0	0	0	3,5
9	1	1	0	0	0	0	0	2,6
6	0	1	0	0	0	1	0	1,7
5	1	0	0	0	0	1	0	1,4
4	1	0	0	0	0	0	1	1,1
3	1	1	0	0	0	1	0	0,8
2	0	1	0	0	2	0	0	0,5
2	0	0	0	0	0	0	2	0,5
2	1	0	0	0	0	1	1	0,5
2	2	0	0	0	0	1	0	0,5
2	1	1	0	1	0	0	0	0,5
2	1	0	0	0	2	0	0	0,5
2	0	2	0	0	1	0	0	0,5
2	1	1	0	0	0	0	1	0,5
2	0	2	1	0	0	0	0	0,5
2	0	1	0	0	1	0	0	0,5
1	1	0	1	1	0	0	0	0,2

* Работа выполнена под руководством Гущиной А.А., ст. лаборанта НИАЛ им. В.И. Мамонтова, ст. преподавателя кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Сажин Я.А., 2026

Кол-во погребений	Сосуд	Фрагменты керамики	Бытовые предметы	Фрагменты оружия	Украшение	Фрагменты животного	Иные предметы	%
1	0	0	0	0	1	0	0	0,2
1	0	1	1	1	0	0	0	0,2
1	0	2	0	1	0	0	0	0,2
1	2	0	0	0	0	1	1	0,2
1	1	2	0	0	0	0	0	0,2
1	2	0	0	0	0	0	1	0,2
1	1	0	0	1	0	0	3	0,2
1	1	0	0	0	0	2	1	0,2
1	2	0	0	0	3	0	0	0,2
1	0	1	0	0	0	0	1	0,2
1	0	2	0	0	1	0	0	0,2
1	1	0	0	0	1	1	0	0,2
1	0	0	0	0	4	0	0	0,2
1	3	0	0	0	2	0	0	0,2
1	3	0	0	0	0	0	1	0,2
1	3	0	2	0	0	0	0	0,2
1	4	1	0	0	0	0	0	0,2
1	0	0	1	0	0	0	0	0,2
1	1	0	1	0	0	0	1	0,2
1	0	1	0	0	0	2	0	0,2
1	0	1	0	0	1	0	0	0,2
1	0	0	0	0	2	0	0	0,2
1	1	4	0	0	0	0	0	0,2
1	0	1	0	1	2	0	1	0,2
1	1	2	0	1	0	0	0	0,2
1	1	1	2	0	1	0	0	0,2
1	2	0	1	0	1	0	0	0,2
1	3	1	1	1	0	0	0	0,2
1	0	1	1	0	0	0	0	0,2
1	0	1	0	0	0	1	1	0,2
1	1	0	0	0	2	1	0	0,2

Общее число погребений с украшениями – 20, т. е. 5,8% от общего числа погребений. Общее число найденных украшений составляет 33, из них бронзовых подвесок или их фрагментов – 16 (48,4%), 9 раз находили бусы в различном количестве (27,2%), бронзовые браслеты или их фрагменты – 5 (15,1%), 1 кольцо (3%), 1 железный браслет (3%), 1 бронзовая пробивка (3%).

Первые свидетельства наличия украшений срубной культуры в материалах В.И. Мамонтова относятся к 1967 г. (Заканальный могильник). В кургане № 4 (погребение № 5) был обнаружен фрагмент бронзовой височной подвески, а погребение № 7 того же кургана содержало более представительный инвентарь: часть узкого бронзового браслета и массивную бронзовую подвеску в полтора оборота с утолщенными краями.

В 1972 г. при исследовании детского захоронения в курганном могильнике у села Сидоры (курган № 36, погребение № 1) под черепом была зафиксирована височная подвеска овальной формы [8].

© Сажин Я.А., 2026

Дальнейшие изыскания 1974 г. на Жутовском могильнике (курган № 67, погребение № 1) позволили обнаружить на груди погребенного пять стеклянных бусин диаметром 4 мм (четыре белого цвета и одну – зеленого) [10].

Комплекс украшений пополнился в 1975 г. в ходе работ на Березовском курганном могильнике. Погребение № 5 (курган № 26) содержало прямоугольную подвеску из толстой бронзовой пластины и полированную костяную бусину, изготовленную из ребра животного, со смещенным отверстием. В соседнем погребении № 6 был найден фрагмент тонкой височной подвески длиной 2,2 см, располагавшийся в районе черепа [12].

В 1980 г. при исследовании могильника у хутора Малый Набатов (курган № 5, погребение № 13) были зафиксированы детали височных украшений: фрагмент и целая бронзовая подвеска в полтора оборота (длина 1,5 см) с характерными утолщениями на концах. Предметы располагались в разных частях захоронения: фрагмент – у левой кисти, а целое изделие – под нижней челюстью погребенной [16].

Работы 1981 г. на курганном могильнике «Химкомбинат» (группа Б, курган № 3, погребение № 2) позволили обнаружить у черепа две крупные височные подвески. Одна из них, длиной 5 см, выполнена из массивного стержня с заостренным концом и тонкой перемычкой в нижней части. Вторая (5,5 см) аналогична по форме, но декорирована шиповидными выступами. Нагрудное украшение в этом же погребении состояло из двух овальных сердоликовых бусин с молочными прожилками и массивного набора стеклянного бисера (278 шт.) средним диаметром 2,5 мм [17].

В том же сезоне на курганной группе Труд-I (курган № 2, погребение № 1) на руках погребенной были найдены остатки двух пластинчатых бронзовых браслетов шириной 0,5 см, украшенных внешними выступами. Дополнительной находкой стала одиночная серая стеклянная бусина диаметром 3 мм, находившаяся за правой лопаткой [Там же].

В 1982 г. в ходе исследования могильника Первомайский-X (курган № 9, погребение № 5) под фрагментами черепа были обнаружены части бронзовой подвески прямоугольного сечения, проволока которой расширялась к окончанию. На левой лучевой кости располагались фрагменты овального бронзового браслета (размером 6,5х4 см). Изделие имело утолщенную среднюю часть круглого сечения и сужающиеся концы, прямоугольные в разрезе [18].

Археологические раскопки 1983 г. в курганной группе у совхоза «Труд» (курган № 1, погребение № 1) позволили выявить в мужском захоронении костяное кольцо, находившееся перед нижней челюстью. Предмет имел следующие параметры: внешний диаметр – 2,3 см, высота – 1,3 см, диаметр отверстия – 1,1 см [19].

В 1984 г. на курганном могильнике Первомайский VII (курган № 14, погребение № 1) у правой кисти погребенного был зафиксирован фрагмент бронзового желобчатого браслета длиной 6,8 см и шириной 0,6 см. Край сохранившейся пластины имел закругленную форму [20].

Работы 1985 г. на Донской стоянке (о. Шелыган) выявили в погребении 15 желобчатую бронзовую подвеску, располагавшуюся под черепом. Украшение высотой 2,3 см отличалось узким округлым верхом и расширяющимися, но приостренными концами. Мелкие фрагменты аналогичного изделия были также прослежены непосредственно на черепе [21].

В том же году в погребении № 23 был выявлен комплекс украшений. Ниже височной кости располагалась бронзовая подвеска в полтора оборота, изготовленная из тонкой широкой пластины с закругленными концами (высота 2 см, ширина 0,8 см, толщина 1 мм). На шейных позвонках была обнаружена аналогичная, но меньшая по размеру подвеска (высота 1,3 см, ширина 0,6 см). За черепом погребенной находилась частично сломанная бронзовая пробивка из витой пластинки (длина фрагмента 1,1 см, ширина 0,3 см). Кроме того, на ключице лежала меловая подвеска прямоугольной формы с треугольным сечением (размеры 2,3 х 1,3 х 1,0 см). В ее суженной части было просверлено отверстие диаметром 0,5 см [Там же].

При исследовании Подгорного курганного могильника в 1985 г. (курган № 6, погребение № 4) на черепе и под ним были найдены две бронзовые подвески (одна из них в виде обломков). Целое изделие представляет собой вытянутое овальное кольцо с расширенными концами и разнонаправленны-

© Сажин Я.А., 2026

ми острыми завершениями. Верхняя часть подвески выполнена из узкого стержня прямоугольного сечения. Общая длина изделия – 3,2 см [21].

В 1990 г. на могильнике Первомайский-VII (курган № 36, погребение № 3) в районе запястий погребенного были зафиксированы фрагменты двух бронзовых браслетов. Изделия имели овальную форму и были изготовлены из прута круглого сечения с заостренными концами. Параметры первого браслета: 7 х 5,2 см (сечение прута 6 мм), второго: 7,4 х 5,2 см (сечение 5 мм). Поверхность обоих предметов покрыта слоем патины [26].

В 1991 г. во время раскопок курганов у пос. Первомайский, в Курганном могильнике Первомайский 12, курган № 2, погребение № 5 найдены ниже черепа две бронзовые подвески. Они имели овальное сечение, а концы их были утолщены. Высота подвесок составила 1,5 см и 1,6 см [27].

Дальнейшие работы на Курганном могильнике Шебалино в 1993 г. позволили обнаружить в кургане № 3, погребении № 3 фрагмент бронзовой подвески, он находился у затылочной кости человека. Его длина 1,5 см. Также были найдены 2 бусины светлого стекла. Они располагались рядом с подвеской [29].

В 1994 г. во время работы на Курганном могильнике у пос. Учхоз-1 в кургане № 1 погребении № 1 были обнаружены бусы, стеклянные цилиндрические пронизки, покрытые серой и темной патиной. Диаметр в среднем 0,3 см [30].

Там же, но в кургане № 3 погребении № 3 найдены бусы стеклянные, сильно патинизированы. Имели цилиндрическую форму, удлиненные и укороченные, всего 39 шт. В погребении № 4 были найдены аналогичные бусы погребению № 3, в количестве 28 шт. [Там же].

Последнее найденное украшение было найдено в 2010 г. в курганном могильнике у поселка Кондраши (курган № 4, погребение № 1). Там обнаружена бронзовая мелкая подвеска, высотой 1,3 см, концы которой немного расширялись. Она лежала у основания черепа. Также были найдены и собраны бусы около шейных позвонков. Всего их было 94 шт., они имели диаметр от 2,5 мм до 4 мм и толщину от 1,5 мм до 2 мм [42].

Археологические материалы срубной культуры из раскопок В.И. Мамонтова (проанализированные по его отчетам) показывают нам, что украшения, найденные на территории Нижнего Поволжья в погребениях срубной культуры, не носили массового характера, встречаясь лишь в 5,8% случаев. Этот фактор может указывать на их роль как маркеров особого социального или половозрастного статуса погребенных. Чаще всего в погребениях встречаются бронзовые височные подвески (48,4%), реже бусы из стекла, сердолика и кости (27,2%), также присутствуют браслеты, выполненные в различных техниках (пластинчатые, желобчатые, проволочные). Использование наряду с бронзой других материалов (стекла, камня, железа) свидетельствует о развитых технологиях металлообработки и о масштабных связях населения срубной культуры с другими регионами. Расположение украшений в области груди, черепа и рук указывает на их назначение как устойчивых элементов костюма.

Таким образом, анализируя погребальный обряд срубной исторической общности (XVIII–XII вв. до н. э.), можно сделать вывод, что украшения выступают не только как декоративные элементы костюма, но и как ценный источник для определения хронологической последовательности памятников и понимания социальной иерархии общества. Их использование в погребальном обряде демонстрирует нам высокий социальный статус и возможность взаимодействия с различными регионами. Изучение форм, состава и техники изготовления украшений имеет ключевое значение для уточнения датировок конкретных захоронений, позволяя проследить переход от ранних к поздним этапам срубной культуры, а также зафиксировать момент появления первых железных предметов.

Литература

1. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1965 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

2. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1966 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

3. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1967 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Сажин Я.А., 2026

4. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1968 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
5. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1969 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
6. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1970 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
7. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1971 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
8. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1972 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
9. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1973 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
10. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1974 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
11. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1975 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
12. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1976 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
13. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1977 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
14. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1978 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
15. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1979 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
16. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1980 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
17. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1981 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
18. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1982 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
19. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1983 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
20. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1984 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
21. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1985 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
22. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1986 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
23. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1987 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
24. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1988 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
25. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1989 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
26. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1990 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
27. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1991 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
28. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1992 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
29. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1993 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
30. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1994 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
31. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1995 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
32. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1996 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
33. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1997 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Сажин Я.А., 2026

34. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1999 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
35. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2000 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
36. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2001 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
37. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2002 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
38. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2004 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
39. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2005 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
40. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2007 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
41. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2008 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
42. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2010 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ»
43. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2012 г. // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

YAROSLAV SAZHIN
Volgograd State Socio-Pedagogical University

DECORATIONS OF THE SRUBNAYA CULTURE BASED ON THE MATERIALS OF V.I. MAMONTOV

The article deals with the analysis and systematization of the decorations of the srubnaya culture, discovered during the longtime archaeological studies of V.I. Mamontov at the territory of the Lower Volga region (the Volgograd region). On the basis of analyzing the materials of 342 burials, excavated in the period from 1964 to 2012, the author gives the statistics of the content, frequency and typology of jewelries.

Keywords: *srubnaya culture, the Lower Volga region, the Volgograd region, V.I. Mamontov, archaeological excavations, burial mound, funeral equipment, Bronze age jewelry.*

© Сажин Я.А., 2026

УДК 902+299

Б.Г. СЕЧИН, А.А. ТЕМНЫШОВА
(boriss.vlg@gmail.com, styatemnyshova@mail.ru)
Волгоградский государственный университет

САРМАТСКИЕ ЖЕЗЛЫ И ТРЕНОЖНИКИ С ТЕРРИТОРИИ КУБАНИ КАК ШАМАНСКАЯ АТРИБУТИКА*

Анализируются сарматские жезлы и треножники с территории Кубани с точки зрения их трактовки как шаманской атрибутики. В ходе анализа применяются данные этнографии и религиоведения. Выявляются признаки данной группы артефактов, характерные для шаманского обрядового инвентаря. Ставится вопрос о возможности трактовки мужских погребений с жезлами и треножниками как погребений вождей-шаманов.

Ключевые слова: *сарматы, Кубань, жезлы, треножники, шаманизм, индоиранцы, Мировое Древо.*

Артефакты, происходящие из сарматских погребений и именуемые жезлами, являются важными находками и яркой частью культовой атрибутики. Они обладают уникальными формами и разнообразными видами изображений на них. По мнению исследователей, эти атрибуты связаны с жреческими или шаманскими ритуальными практиками. В данной статье рассматриваются только сарматские жезлы с территории Кубани. Такой выбор объясняется сильным разнообразием сарматских жезлов, обладающих, зачастую, совершенно разными формами и разной сакральной семантикой (например, артефакты, которые можно определить как жезлы, были найдены в курганах 45 и 51 курганного могильника Перегрузное I, экспедицией Волгоградского государственного университета [10]. Они представляют собой железные стержни/орудия с одним рабочим окончанием, которые, по мнению В.М. Клепикова, могли являться бытовыми предметами, приобретающими сакральные функции непосредственно в магических обрядах [Там же, с. 189], что, по нашему мнению, принципиально отличает их от Кубанских жезлов). Поэтому ограничение в рамках одной культурной и территориальной традиции исполнения данного вида артефактов позволяет дать его более чёткую интерпретацию через археологический, этнографический и религиоведческий материал.

Большая выборка кубанских жезлов вместе с её комплексным анализом представлена в статье Н.Ф. Шевченко [22]. В ней приведено 19 жезлов и треножников (все, поддающихся реконструкции). Не все из них происходят с Кубани, однако все они, по мнению исследователя, имеют общую культурную традицию, которая перекочевала и на северные территории. В данной статье будут учитываться только кубанские жезлы из выборки. Они представляют собой достаточно тонкие вертикальные стержни со сложной конструкцией верхней и нижней части стержня. Исследователем они разделяются по функциональной форме исполнения нижней части (у жезлов внизу заострённый конец, у треножников – распаянные из стержня или припаянные к отдельной пластине ножки) [Там же, с. 141]. Н.Ф. Шевченко выделяет две хронологические группы в данной выборке: раннюю (I в. до н. э.) и позднюю (вторая половина I в. н. э. – III в. н. э.) [Там же, с. 145]. Деление производится по стилистическому сходству исполнения наверший: ранняя группа имеет конструктивно сложное навершие в виде древа (формирующегося из сочетания листовидной пластины на верхушке стержня и сплетения рогов оленей); поздняя группа характеризуется отсутствием древовидного навершия, но у неё встречаются более разнообразные изображения животных (не только олени, как у ранней группы, но и быки, козлы, бараны) и чашевидные навершия (иногда в сочетании с животными). Н.Ф. Шевченко считает, что все приведённые жезлы и треножники символизируют Мировое Древо. Если у ранней группы этот символизм выражается практически напрямую (как, например, у жезла из ст. Новоджерелиевской [Там же, рис. 4]), то у поздней группы символика Древа сохраняется, но трансформируется в новые, более опосредован-

* Работа выполнена под руководством Клепикова В.М., кандидата исторических наук, доцента кафедры истории и международных отношений ФГАОУ ВО «ВолГУ».

© Сечин Б.Г., Темнышова А.А., 2026

ные образы [22, с. 147–148]. По мнению исследователя, с I в. н. э. треножники стали главным атрибутом общественного религиозного культа [Там же, с. 149]. Интерпретируя основные символы и образы, Н.Ф. Шевченко связывает их в первую очередь с представлением о космогоническом устройстве мира, характерным для индоиранцев (и шире для индоевропейцев), в основе которого лежит представление о Мировой Оси (конкретно в виде Мирового Древа). Ранняя группа жезлов и треножников, по его мнению, имеет свои корни в общих и более древних традициях иранских племён евразийских степей, восходящих к эпохе ранней бронзы [Там же, с. 148–149]. Исследователь приводит аналогии подобных атрибутов у шаманов сибирских народов, которые при камланиях использовали деревянные жезлы, символизирующие Мировое Древо. Из этого он делает вывод, что не только жезлы, но и сам образ Мирового Древа связан с ролью важного духовного лица (служителя), являющегося посредником между миром людей и миром богов [Там же, с. 149]. Исследователь указывает на аристократический характер большинства погребений с жезлами и треножниками из данной выборки. Основываясь на приведённых выше аргументах и фактах, Н.Ф. Шевченко приходит к выводу, что данные погребения относятся к представителям аристократического рода, совмещающим в себе светскую и духовную власть (что, по его мнению, в принципе характерно для социального устройства кочевых обществ). Более того, 8 жезлов из выборки происходят из богатых воинских мужских погребений (пол определён только по погребальному инвентарю, антропологический анализ не проводился). Исходя из этого, исследователь делает вывод, что конкретно данные погребения являются погребениями вождей-шаманов [Там же, с. 151–152]. В качестве аргумента Н.Ф. Шевченко приводит жезл из святилища в г. Курганинск [Там же, рис. 1.3], которое, по его мнению, образовалось вокруг погребения вождя (или предка), что напрямую отражало его божественное происхождение [Там же, с. 149–150].

Также можно привести сарматский железный жезл-штырь, найденный в 2015 г. экспедицией И.А. Гордина, в погребении из 2 кургана могильника Дядьковский 45, Краснодарский край [7]. Жезл был обнаружен в женском элитном погребении с богатым набором инвентаря, поперек голеней погребенной и в северо-восточном направлении своей верхней частью [Там же, с. 284]. Его навершие представлено в виде изображений голов оленей [Там же, рис. 3.4]. В.П. Глебов и И.А. Гордин относят данный жезл к I в. до н. э. по классификации Н.Ф. Шевченко [Там же, с. 288]. Однако он является уникальным для выборки Н.Ф. Шевченко, т. к. тут сочетается зооморфное навершие без стилизации под древо вместе со штырём на нижнем конце, что отличает его от остальных кубанских жезлов ранней хронологической группы.

Для того, чтобы дать наиболее достоверную интерпретацию функционального, культового и сакрального назначения данной группы артефактов, необходимо применение аналогий из этнографии. Однако приведённые аналогии допустимы только в том случае, если они будут соответствовать не только внешнему, но и внутреннему содержанию этих атрибутов, связанных с определёнными социальными группами и ролями, социально-историческими процессами, конкретными для каждого отдельного общества. Для интерпретации данной группы артефактов как шаманской атрибутики необходим анализ самого шаманизма как религиозного явления, анализ обществ, у которых он наиболее распространён, а также анализ социального и религиозного устройства сарматского общества в сравнении не только с кочевыми племенами, но и с индоиранскими народами бронзового и раннежелезного веков.

Шаманский инвентарь представляет собой важный личный инструментарий, наделённый магическим смыслом, это важно для понимания его сакральной семантики. Такие вещи, как шаманская одежда, жезлы, бубны, колотушки, кристаллы и минералы, перья, часто стрелы с луком и т. д. «дарованы» шаману в подавляющем большинстве случаев после его инициации и «перерождения в новое по духу существо» (по верованиям многих северных народов России, шаман уже не в полном смысле человек, а существо с иной духовной природой (шаманская душа – пута у ульчей, сюр у якутов) [18, с. 289; 23, с. 105]. Бубны сибирских шаманов, например, «созданы из ветвей (Мирового или Шаманского) Древа» (по рассказам посвящаемых в ходе транса) [23, с. 72–74; 17, с. 124]. Бубен

© Сечин Б.Г., Темнышова А.А., 2026

непосредственно раскрывает потенциал шамана, без него камлания не будут иметь большую часть своей «силы». То же самое можно сказать и о шаманской обрядовой одежде, внешний вид которой либо «открывается шаману духами» в ходе транса, либо диктуется традицией, которая также опирается на «знания», полученные в экстатическом опыте предков: это рога, перья, шумящие подвески, колокольчики, маски, цепи и т. д. [18, с. 271, 275; 23, с. 144–165]. Все эти вещи в каком-то смысле составляют идентичность каждого отдельного шамана, могут заключать в себя какого-то «духа/чью-то душу» [23, с. 145]) и напрямую раскрывают его духовные силы.

Из-за своей простоты и поливариантности жезлы и посохи могут считаться древнейшими атрибутами шаманов. Шаманские жезлы зафиксированы у большинства бесписьменных народов Африки, Индонезии, Северной Америки, Австралии и Севера России [18, с. 275; 23, с. 123, 146–148, 151, 163–164, 177, 199, 252; 13, с. 79–80]. Зачастую жезлы, как и другая религиозная атрибутика, фиксируются в этнографических источниках. Они могут использоваться в различных обрядах, как, например, в путешествии между мирами (на Рукутамском и Невском жезлах, по интерпретации В.Д. Федорчука, это изображается в виде специальных срезов и углублений в навершиях и боковых отростках, что являлось образом коридора в иные миры (Верхний и Срединный) [20, с. 132–134], который очень часто в шаманских камланиях представляется в виде очень узкого или тонкого прохода). У кетов жезлы являлись последним атрибутом, обретаемым шаманом в своей профессиональной деятельности (из-за чего становился показателем высокого социального статуса шамана), они исполняли лечебные функции, использовались в ритуалах купирования эпидемий (ставились у изголовья могилы умершего от эпидемической болезни). У тувинских шаманов жезлы же являлись первым приобретаемым инструментом, они играли большую роль в погребальном обряде и в путешествии в загробный мир, но также могли использоваться для призыва духов и лечения. Очень важно добавить, что на жезлы очень часто вешали шумящие подвески [13, с. 96–97, 122, 226; 9, с. 73].

Определившись с практическим значением шаманского инвентаря в целом и, в частности, с жезлами, можно переходить к рассмотрению конкретных религиозных символов и образов, встречаемых как в шаманских культах всего мира, так и более конкретно в индоиранских культах, которые имеют важные пересечения с шаманскими (т. к., по мнению некоторых исследователей, индоиранские племена оказали большое влияние на формирование сибирского шаманизма [23, с. 322–335; 17, с. 148; 9, с. 29–30]). Многие из этих символов изображаются и на сарматских жезлах и треножниках с территории Кубани.

Для шаманизма (в большей степени территории Сибири) образ Древа является одним из важнейших сакральных символов. В современной этнологии активным образом ведутся дискуссии о роли Мирового древа в сибирском (и не только) шаманизме [2]. Однако образ Древа в принципе является очень распространённым, Мировое оно или Шаманское. Очень часто образ Древа появляется в видениях шаманов при их инициациях и камланиях. На Древе очень часто сидит божество или дух, которое как дарует шаману силы, так и встречает его перед смертью. На различных уровнях миров, существующих на Древе, шаманы встречают разных духов и богов (иногда являющихся синкретичными образами из верований различных народов) [20, с. 133–134; 3, с. 8–9; 23, с. 94, 128–133, 159–162, 175, 184, 189, 318, 332; 13, с. 82–83, 92–97, 105, 222]. Прямая аналогия роли Древа в обрядах шаманов, в контексте данной темы – использование сибирскими шаманами берёзы (или другого священного дерева, зависит от каждой конкретной общности [2, с. 88]). Шаманы взбирались по берёзе в ходе различных ритуалов, часто делая для этого зарубки (ступени), количество которых соответствовало количеству миров («небес»), тем самым буквально воплощая перемещение шамана между мирами и восхождение по ветвям Древа [23, с. 39, 128].

Так, древовидное навершие Н.Ф. Шевченко связывает с Мировым древом, а через него с общим шаманским культом (отсюда и гипотеза исследователя о вождях-шаманах, сосредоточивших у себя сакральные функции). Шаманские жезлы и посохи самого разного вида практически повсеместно имеют связь и прямую аналогию с Шаманским или Мировым древом. Часто по интерпретации исследователей верхушка жезла изображает крону Древа, уходящую в Небесный Мир, его средняя часть символи-

© Сечин Б.Г., Темнышова А.А., 2026

зирует ствол Древа, а его нижняя часть – корни, уходящие в подземный мир. У кетов жезл в камланиях мог втыкаться в землю у входа в чум, из-за чего, по мнению некоторых исследователей, мог символизировать Шаманское или Мировое древо [20, с. 129–134; 13, с. 129–130, 217; 2, с. 83–84, рис. 1, б, г, д].

А.В. Запорожченко считает, что Мировое древо в индоиранской мифологии имеет огромное значение с различных сторон. В первую очередь, с точки зрения космогонического устройства мира (место вне времени, место для общения с богами), особенно сильную связь Древа с мироустройством он выделяет в гимнах Ригведы [9, с. 51–52]). Исследователь считает, что представления о Древе у шаманов Сибири имеют сильное влияние индоиранских традиций: захоронение шаманов в Сибири часто происходит в дереве или на дереве, что дополнительно находит аналогии в ведийской религии; Древо даёт священный галлюциногенный напиток – сома/хаома, у некоторых же Сибирских народов мухомор, использующийся в подобных целях, является символом Древа или приравнивается к нему; Древо Гаокерена в Бундахишне (среднеперсидский зороастрийский текст) даёт напиток хаому в виде белой жидкости; в якутской же мифологии гигантская лиственница стоит рядом с молочным озером. Связь сомы с небесными путешествиями (испив его, муни буквально летают по воздуху) имеет аналогию со странствиями шаманов по небесам. Само Древо как дорога для богов является характерным образом у индоевропейцев и индоиранцев, что могло оказать прямое влияние на путешествия шаманов по Древу [Там же, с. 51–54, 74–78, 106–107, 196]. А.В. Запорожченко также видит важную роль жезлов как шаманской атрибутики у индоиранских народов. Так, с шаманскими жезлами и посохами он сопоставляет жезл Брахмы (Brahma Danda), который и символизировал вертикальную ось в виде Мирового древа [Там же, с. 63]. С шаманскими посохами он сопоставляет и зооморфные навершия из скифских погребальных памятников, которые, по его мнению, являлись навершиями посохов шаманов [Там же, с. 61].

Из всех изображений животных наиболее часто на Кубанских жезлах и треножниках встречаются изображения оленей. Рога оленей у ранней группы треножников буквально образуют крону Древа. Символика рогов оленей как кроны Древа часто встречается у индоиранских народов (и, шире, у индоевропейских). Олени вместе с птицами являются одним из самых устойчивых образов, существующих в контексте Мирового Древа [Там же, с. 61]. Жезл из могильника Дядьковский 45 датируется I в. до н. э. (в том числе на основе сопоставления с датировками остальных артефактов), т. е. относится к ранней хронологической группе. При этом у него отсутствует древовидное навершие. В связи с этими фактами можно предположить, что отсутствие древовидного навершия у поздней группы треножников объясняется заменой его на изображения оленей, позднее напрямую символизирующих уже и само Древо. Зачастую в одежде сибирских шаманов используются оленьи рога, в их камланиях олени выступают в роли спутников, проводников в путешествиях между мирами. На треножнике из пос. Мезмай [22, рис. 1.5] встречаются изображения птичек. Птицы тесно связаны с шаманскими культами во всём мире: Великая птица Карс у обских угров становится помощником шаманов при их инициации (взбирании на Древо); у якутских шаманов встречаются разные образы великих птиц (например, гигантская Птица-мать, которая проводит инициацию шамана. У туруханских якутов создателем первых шаманов является Великий Орёл – Айы, который также связан со Священным Древом и имя которого переводится как Господин света). М. Элиаде связывает образ орла у сибирских шаманов (как самый распространённый образ шаманской птицы) с возможным влиянием иранских традиций (орёл – солнечная птица) [23, с. 93]. А.В. Запорожченко считает, что в индоиранской мифологии птицы являются символом, связанным с верхним (небесным) миром, т. е. кроной Мирового Древа. Возможно, по этой же причине птица напрямую связана и с путешествиями души по небу (полёт души) как в шаманских культах, так и в индоиранских религиозных традициях (у ираноязычных кочевников евразийских степей) [9, с. 46, 52, 73–76, 107–110, 207]. С.В. Сотникова считает, что зороастрийский Симург – птица-защитник Древа – являлся прародителем первых шаманов и был связан с шаманскими практиками [17, с. 148]. С этой точкой зрения соглашается и А.В. Запорожченко, дополняя это параллелями из сибирского шаманизма, когда будущие шаманы воспитываются у Великой птицы на вершине Древа [9, с. 108–109]. Он также отмечает, что Великая птица в арийских

© Сечин Б.Г., Темнышова А.А., 2026

и иранских религиозных текстах приносит священный напиток (который, как мы уже выяснили, сочетается с полётом души в виде птицы) [9, с. 107]. Перья птиц очень часто встречаются в наряде шаманов всего мира (Сибири, Северной Америки и т. д.), при камланиях шаманы часто пародируют птичий полёт (машут руками как крыльями), а в своих видениях буквально перевоплощаются в птиц, чтобы улететь в иные миры. Перья птиц были характерны и для наряда вратьев [18, с. 287; 3, с. 8; 23, с. 69, 93–94, 111, 146, 149–151, 163–164, 184, 243, 323, 365–366; 17, с. 147–148; 9, с. 204]).

К этим сакральным символам и образам добавляются и следующие детали исполнения кубанских жезлов и треножников, также находящие пересечение с шаманской атрибутикой:

1) каждый из жезлов и треножников имеет очень индивидуальные формы и в них не обнаруживается чёткой каноничности изображения, общего строгого исполнения, каждый из них достаточно уникален в своей конструкции (что отмечает также Н.Ф. Шевченко [22, с. 150]), что характерно больше для шаманского религиозного опыта, в котором внешний вид атрибутов открывается шаманам в видениях, чем для религиозных атрибутов аристократов или вождей, которые ещё и обладали особой роскошью. Наряды и инструменты каждого шамана даже в рамках одной ойкумены и религиозной традиции являются индивидуальными и разнообразными;

2) на многих треножниках имеются шумящие подвески и колокольчики, которые напрямую связывают с шаманскими экстатическими практиками/камланиями. Иногда жезлы у сибирских шаманов могли заменять даже бубны, ритм отбивался благодаря шумящим подвескам. Одежда шамана также очень часто обвешана шумящими подвесками, которые отбивают определённый ритм в ходе его прыжков, танцев, «полётов» [18, с. 271; 23, с. 106, 133, 160, 163–165, 199]. Объяснить же наличие шумящих подвесок и колокольчиков на жезлах и треножниках, кроме как их использования для отбивания ритмов, достаточно сложно. А.В. Запорожченко также выделяет данный признак, характерный для шаманской атрибутики, в отношении скифских зооморфных наверший [9, с. 62].

Кубанские жезлы и треножники имеют много общего с шаманскими атрибутами как в способе исполнения, так и в символике. По нашему мнению, такая интерпретация является наиболее достоверной (по крайней мере, на данный момент).

Однако необходимо сказать о том, что при интерпретации данной группы артефактов выступает ключевая проблема – проблема археологической интерпретации. Археологический материал очень неоднороден. В выборке 10 женских погребений и 8 мужских (пол определён по инвентарю, антропологический анализ не проводился) пол никак не связан со временем сооружения погребений и распределяется в обеих хронологических группах практически поровну. По мнению Н.Ф. Шевченко, все погребения носят выраженный аристократический характер [22, с. 151]. Погребальный инвентарь очень разнообразен: часто встречается дорогая импортная посуда, оружие как в мужских, так и в женских погребениях. В «святилище» из г. Курганинска есть вотивные вещи (например, бронзовый шлем), кости рук и черепа [Там же, с. 149]. Мужские погребения, по интерпретации Н.Ф. Шевченко, носят ярко выраженный вождеский характер (богатый инвентарь, взнузданные лошади, копья, мечи, кольчуги) [Там же, с. 152]. Учитывая общую проблему выделения сакральных и культовых вещей из погребального инвентаря, делать определённые выводы о социальной принадлежности погребённых очень сложно. Особенно тяжело определить их точную роль по отношению к религиозной жизни общества. К тому же необходимо сказать о том, что этнографически у всех народов зафиксировано сильное разнообразие в обряде погребения шаманов. К отправлению шамана в загробный мир все народы относились очень внимательно, т. к. его сильный неупокоенный дух мог серьёзно навредить живым людям. Обряды погребений бывают совершенно разными, но можно точно сказать, что они всегда отличаются от погребальных обрядов обычных людей [8, с. 133–134]. Также очень важно отметить, что часто атрибуты шамана хоронили вместе с ним (из-за их сильной связи с самим шаманом, описанной выше). К жезлам и посохам это относится в равной степени [23, с. 164]. Потому, определяя данные артефакты как шаманские, мы, вероятно, должны определять и роль погребённых как шаманов, что на данный момент не представляется возможным.

© Сечин Б.Г., Темнышова А.А., 2026

Исходя из археологического материала, Н.Ф. Шевченко выдвигает гипотезу о том, что все погребённые относятся к представителям аристократии, которые совмещали в своих руках светскую и сакральную власть. Особенно интересна гипотеза о вождях-шаманах, которые забирали себе сакральную власть, традиционно принадлежащую женщинам-аристократкам [22, с. 150–152]. Мы не можем согласиться с тем, что в одном лице могут совмещаться функции вождя и шамана. Данная гипотеза, по нашему мнению, опровергается следующими аргументами:

1) Н.Ф. Шевченко предполагает, что процессы соединения политический и духовной власти связаны с волнами миграции новых племён, у которых вождеская власть была более сильной. Однако больше половины из найденных жезлов и треножников находились в погребениях «сарматских жриц», и их определённо нельзя считать вождескими. Как уже говорилось выше, пол погребённых неоднороден во времени, т. е. не происходит единовременного перехода духовной власти в руки вождей. Усиление политической власти вождей исследователь никак не обосновывает (можно предположить, что речь идёт о новоприбывших аланах, являющихся, по мнению некоторых исследователей, наиболее сильными в политическом смысле представителями сарматских племён [16, с. 14, 18; 5, с. 251–252, 258, 261; 11, с. 274]), однако сам же исследователь отмечает расхождение в датировках между самыми ранними погребениями с жезлами и первыми миграционными волнами [22, с. 152];

2) у индоиранских кочевников бронзового и раннего железного века отсутствуют примеры слияния функций правителя (вождя, царя) и шамана. Так, у скифов существовало чёткое социальное разделение между гадателями и царями, когда появлялась необходимость применения духовных ритуалов, связанных с гаданием (вероятно, сюда можно добавить и иные религиозные практики). Цари пользовались услугами профессиональных гадателей, и при этом у Геродота описан процесс обязательной проверки способностей гадателей, проводимых по инициативе царей, и за непрохождение которой их казнили [6, с. 67–69] (тут интересно отметить, что у народов Сибири также способности шаманы подвергались обязательной проверке, в ходе которой шаман должен был, например, указать на отличительные особенности внешности больного или умершего человека, чью душу он пришёл спасать, в противном случае неудачливый шаман изгонялся с позором не только из своей профессии, но нередко и из деревни). М.А. Петров оспаривает точку зрения, согласно которой скифские гадатели (энареи и гадатели по трубочкам) представляли собой социальный слой жрецов. По его мнению, такие факты, как: отсутствие чёткой культовой практики; отсутствие святилищ как места сосредоточения экономических ресурсов и политической власти (само наличие святилищ как священных мест характерно для кочевников раннего железного века [11, с. 272]); «женская болезнь» энареев (т. е. смена пола, которая также является очень частым явлением для шаманских культов всего мира); отсутствие культовых жертвоприношений (как функции шаманов); сами способы гадания (на мочалке и прутиках) – всё это имеет, в первую очередь, шаманистский либо шаманистско-жреческий характер [14, с. 82, 84–94]. Безусловно, приравнивать шаманов и скифских гадателей нельзя, однако можно говорить о том, что духовная роль и духовные способности скифских гадателей сопоставимы скорее с более архаичными формами духовных лиц, таких как шаманы, знахари и т. д. (в общем, практики, связанные с экстатическими переживаниями, а не с формальным регламентированным ритуалом), нежели со жрецами, которые представляют собой консолидированную социальную группу с чёткими культовыми практиками и божественным пантеоном [Там же, с. 79–84, 94–100]. Роль же скифских царей в качестве шаманов в письменных источниках не зафиксирована, хотя европейская Скифия определяется исследователями как суперсложное вождество или как кочевая империя [4, с. 260].

3) мы считаем принципиально важными психические и ментальные различия между политическим лидером и настоящим духовным практиком (шаманом) в повседневной жизни. Изучая явление шаманизма, этнографы XIX – начала XX вв. приходили к выводу, что шаманы по многим признакам являются психически больными людьми, шизофрениками, «бесноватыми» и т. д., страдающими неконтролируемыми приступами транса (часто трактуемого ими как эпилептический припадок). Встречается огромное множество описаний потенциальных шаманов как задумчивых, молчаливых, странных

© Сечин Б.Г., Темнышова А.А., 2026

и вообще «не от мира сего» людей [18, с. 267–268, 274–275, 279–286; 3, с. 11–12; 23, с. 52–68; 9, с. 8–11]. Отрицая наличие психических заболеваний у шаманов, исследователи-религиоведы определяют их как людей с особенным психическим устройством личности. Такие качества, по нашему мнению, не совместимы с ролью вождя в вождестве и в развитом вождестве, к которым относятся и сарматы [16, с. 14, 19, 76–78; 5, с. 183–184, 190].

В силу того, что погребения с жезлами и треножниками археологически невозможно однозначно интерпретировать как шаманские (особенно погребения с мужским вождеским инвентарём), мы можем предположить вариант интерпретации данной группы артефактов не как шаманской атрибутики, но как атрибутики божественной власти аристократии, которую хоронили с общественными культовыми предметами.

Главными символами у ранней группы треножников выступают Мировое Древо и олени, у поздней же – преимущественно олени с другими животными и с чашевидными навершиями. При рассмотрении этих сочетаний выстраивается многоуровневая нетривиальная связь с индоиранской мифологией, которая может выступить в поддержку версии вождеского (шире, аристократического) происхождения артефактов.

В индоиранской мифологии Мировое Древо – это Древо Бессмертия. Из его семян произрастает растение хаома, из которого делается одноимённый напиток бессмертия – хаома (с которым, по мнению Н.Ф. Шевченко, могут быть связаны треножники с чашевидными навершиями [22, с. 147; 15, с. 141–143; 9, с. 52]. В среднеперсидском тексте Авесты есть два древа: собственно, Хом, и древо, исцеляющее от зла. Но, судя по всему, это поздняя традиция и изначально Древо было одно [17, с. 146]. В нартовском эпосе есть интересное сказание о братьях Ахсаре и Ахсартаге, которые охраняли плоды волшебного древа. На древе росло золотое яблоко, исцелявшее от смерти. В некоторых версиях этого сказания после смерти братьев над их погребениями насыпается курган, а у их головы высаживается золотая яблоня [19, с. 37–39]. Таким образом, Мировое Древо можно рассматривать не только как космогонический образ мироустройства [22, с. 149], но и как образ бессмертия, жизни в нашем мире и в посмертии. Поэтому присутствие Древа в вождеских погребениях может быть связано с символизмом жизни или его божественными (исцеляющими) свойствами вождя [Там же, с. 147].

С образом Мирового Древа у индоиранцев связываются разные животные. Образ оленей, подробно рассмотренный выше, находится в прямой связи с Древом на золотой диадеме из кургана Хохлач, I в. н. э. Вместе с оленями общими являются также изображения козлов/коз и птичек, встречающихся как на диадеме, так и на жезлах и треножниках. В древней религии нуристанцев (являющихся индоиранцами) существует верховная богиня Дизани, живущая в стволе Мирового Древа и принимавшая вид козы [24, с. 147]. Общим же религиозно-мифологическим мотивом для индоиранцев является сочетание Мирового Древа и птицы-защитника/хранителя. В зороастризме такой образ неоднороден во времени (поздняя форма – Симург, о котором было сказано выше), но самая древняя его форма в лице Саэны уходит корнями в Яшты – древнейшие тексты Авесты. Саэна сидит на всеисцеляющем древе. Все вариации великой птицы связаны с целительством и, что очень важно, она является носителем хварны – божественного огня/света/сияния, дарующего благодать, здоровье и материальное благополучие. Сама хфарна (фарн) могла изображаться и в образе птицы [12, с. 46–74; 23, с. 366; 17, с. 146; 21, с. 149–150]. Однако связь оленя с Древом достаточно чётко прослеживается и у индоиранских кочевников раннего железного века (например, золотая диадема I в. н. э. из кургана Хохлач).

Исходя из описанного выше, можно выдвинуть гипотезу, что если жезлы и треножники принадлежат аристократии и связаны с политической властью, то эта связь формируется не через шаманские функции правителя и не через космогоническое устройство мира, а через божественную сущность власти вождя и его божественное посмертие, связанное с такими функциями, как целительство, защита, благосостояние, божественное благословение и т. д.

У кочевых обществ Евразии раннего железного века, находившихся на вождеском этапе социального развития, происходило сосредоточение в руках вождя всех видов и ответвлений власти: адми-

© Сечин Б.Г., Темнышова А.А., 2026

нистративной, военной, судебной и, также, сакральной. Вожди имели божественное происхождение и, вероятно, могли вести свою родословную напрямую от богов. Также вполне вероятно, что они исполняли важные общественные культы, имели прямой контакт с божествами. Однако, по-нашему мнению, эти функции нельзя соотносить с функциями шаманов. Данная проблема осложняется отсутствием чёткого определения самих типов религиозных практик в этнологии и религиоведении (в силу как слишком большого разнообразия их видов, так и из-за различных подходов к их оценке среди исследователей). Развитие данной проблемы нам видится в сужении рамок исследования до этнографии индоиранских и иранских народов (таджиков, осетин, калашей, катов и др.) с целью выявления специфики духовных служителей и особенностей их ритуального служения (например, такой характерной чертой, возможно, является использование бытовых вещей в ритуальной практике, что отмечается и у сарматов [13, с. 189; 11, с. 272, 274; 9, с. 38]). При этом, безусловно, необходимо учитывать хронологический, территориальный и этнический разрыв между данными народами.

Археологическая разработка темы требует более глубокого анализа погребений с целью выявления отличительных особенностей в погребальном обряде (особенно между различными хронологическими этапами (ранними, средними и поздними сарматами)); выявление наличия или отсутствия корреляции этих особенностей с богатством погребений; поиск возможных закономерностей, связанных с полом погребённого, с традицией исполнения самих жезлов и треножников, с их территориальным распространением и с датировками распространения между различными этапами развития сарматской археологической культуры (в частности, вопрос о сопоставлении с началом миграций новых сарматских племен в I в. н. э.).

Литература

1. Авеста в русских переводах (1861–1996) / сост. общ. ред., примеч., справ. разд. И.В. Рака. СПб.: Журнал «Нева»: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1997.

2. Балалаева О.Э., Плужников Н.В., Функ Д.А. [и др.] Миф о Мировом древе в шаманстве народов Сибири. Комментарии: Д.А. Функ. В поисках мирового древа: размышления о том, что, где и как мы ищем; Е.П. Батьянова. Деревья, шаманы и иные миры; А.В. Дыбо. Мировое древо и данные сибирских языков; Т.Д. Булгакова. «Мировое древо» в шаманской картине мира нанайцев; А.А. Бурыкин. «Шаманский театр» и его атрибуты; О.Э. Балалаева, Н.В. Плужников. Ответ оппонентам: размышления о пользе дискуссий (один из ключей) // Этнографическое обозрение. 2019. № 3. С. 80–122. [Электронный ресурс]. URL: http://ras.jes.su/ethnorev/s086954150005293-2-1 (дата обращения: 16.12.2025).

3. Басилов В.Н. Что такое шаманство? // Этнографическое обозрение. 1997. № 5. С. 3–16.

4. Вдовченков Е.В. Гл. 9. Политическая организация иранских номадов в древности // Политогенез и историческая динамика политических институтов: от локальной потестарности к глобальной мир-системе: колл. моногр. / под ред. Л.Е. Гринина. М.: Московск. редакция изд-ва «Учитель», 2019. С. 235–265.

5. Вдовченков Е.В. Этносоциальная реконструкция сарматского общества / отв. редактор В.А. Попов. Ростов н/Д., Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2020.

6. Геродот. История: в 9 кн. / пер. Г.А. Стратановского. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972.

7. Гордин И.А., Глебов В.П. Богатое сарматское погребение из могильника Дядьковский 45 в Краснодарском крае // Элита Боспора и боспорская элитарная культура: материалы междунар. Круглого стола. (22–25 нояб. 2016 г.). СПб., 2016. С. 282–292.

8. Жамбалова С.Г., Суворова А.С. Стереотипы ритуальной погребальной обрядности бурятских шаманов // Гуманитарный вектор. 2013. № 2(34). С. 132–143.

9. Запорожченко А.В. Элементы шаманизма в индоиранской этнокультурной традиции: дисс. … канд. историч. наук. Омск, 2002.

10. Клепиков В.М. Железные «жезлы» сарматских жриц // Шестая междунар. Кубанская археологич. конф.: материалы конф. (г. Новороссийск, 29 сент. – 4 окт. 2013 г.). Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 187–190.

11. Кривошеев М.В. К вопросу об отражении сакрального в погребальном обряде сарматов // Маргулановские чтения – 2018. Духовная модернизация и археологическое наследие: сб. материалов Междунар. науч.-практич. конф. (г. Актобе, 19–20 апр. 2018 г.). Актобе: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2018. С. 272–276.

12. Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн: К ист.-культурным связям племён южной России и Средней Азии. Душанбе: Дониш, 1968.

13. Нам Е.В. Космология и практика сибирского шаманизма. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2017.

14. Петров М.А. Проблемы социально-политической организации скифского общества в VI–IV вв. до н. э. Ростов н/Д.: Изд-во Южного федерального университета, 2016.

15. Рак И.В. Мифы Древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). СПб., М.: Журнал «Нева»: «Летний Сад», 1998.

© Сечин Б.Г., Темнышова А.А., 2026

16. Скрипкин А.С. Сарматы (проблемы происхождения, расселения и политической организации) // Нижневолжский археологический вестник. 2014. № 14. С. 7–20.

17. Сотникова С.В. Образ мифической птицы на гравировках раннего железного века: опыт сопоставления обско-угорской и иранской традиций // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 141–151.

18. Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. М.: Политиздат, 1990.

19. Туаллагов А.А. К интерпретации сюжета на серебряной пиксиде из Косикского погребения // Археология Евразийских степей. 2017. № 5. С. 36–45.

20. Федорчук В.Д. Шаманские культовые жезлы из оленьего рога с озера Невского // Вестник Сахалинского музея. 1995. № 1(1). С. 127–135.

21. Шауб И.Ю. Из истории языческих верований в Северном Причерноморье: культ фарна у скифов // Вестник Православного Свято-Тихоновского богословского института. 2004. № 2. С. 149–158.

22. Шевченко Н.Ф. «Сарматские жрицы», или ещё раз к вопросу о материнском роде у сарматов // Вестник древней истории. 2006. № 1(256). С. 141–154.

23. Элиаде М. Шаманизм и архаические техники экстаза / пер. с фр. А.А. Васильевой, Н.Л. Сухачёва. отв. ред. Е.С. Новик. М.: Ладомир, 2015.

24. Яценко С.А. Боги сарматов // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2022. № S1. С. 143–184.

BORIS SECHIN, ANASTASIYA TEMNYSHOVA
Volgograd State University

THE SARMATIAN RODS AND TRIPODS FROM THE TERRITORY OF KUBAN AS THE SHAMANIC ATTRIBUTES

The Sarmatians rods and tripods from the territory of Kuban from the perspective of their representation as the shamanic attributes are analyzed. The data of ethnography and religious studies is used in the process of analysis. There are revealed the specific characteristics of this group of artifacts that are specific for the Shamanism sacral `equipment. The issue of the possibility of representation of men burials with rods and tripods as the burials of the shaman leaders is considered.

Key words: *the Sarmatians, Kuban, rods, tripods, shamanism, Indo-Iranians, World tree.*

© Сечин Б.Г., Темнышова А.А., 2026

УДК 902/904

Е.А. СКВОРЦОВА
(flattershy2016@gmail.com)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ОБРАЗ ПТИЦЫ НА ПРЕДМЕТАХ ИЗ САРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ*

Статья посвящена анализу одного из наименее изученных аспектов сарматского звериного стиля – образу птицы в предметном мире кочевников. На основе археологических находок из различных могильников, автор прослеживает типологию орнитоморфных изображений. Рассматриваются различные категории инвентаря. Особое внимание уделяется иконографическим особенностям и их семантическому значению. Исследование позволяет расширить представления о духовной культуре сарматов.

Ключевые слова: *птица, звериный стиль, изображение, бляшка, подвеска, поза, орел.*

Звериный стиль являлся важным элементом в культуре сарматов. Животные встречаются в виде изображений на предметах, а также в качестве отдельных частей погребального инвентаря. Среди них наиболее популярны кошачьи хищники, кабаны, медведи, волки. Однако наиболее малоизученным на сегодняшний день остается образ птицы на предметах сарматской культуры.

Изучение сарматского звериного стиля имеет более чем столетнюю историю, однако орнитоморфные образы в рамках этого направления исследовались неравномерно.

Первый этап (конец XIX – первая половина XX вв.) связан с именем М.И. Ростовцева [5], который заложил основы изучения сармато-аланской культуры и её художественного языка. В его трудах птицы упоминались преимущественно в контексте греко-сарматских контактов и влияния эллинистического ювелирного искусства на культуру кочевников.

Второй этап (середина – вторая половина XX в.) характеризуется масштабными раскопками и накоплением материала. Фундаментальный вклад в систематизацию сарматских древностей внес К.Ф. Смирнов [8]. В своих работах он не только классифицировал вещевой инвентарь, но и выделил основные мотивы прикладного искусства сарматов. Тем не менее, даже в его трудах изображения птиц рассматривались как сопутствующие или эпизодические элементы. Особое значение для понимания семантики образов птиц имеют работы по общескифскому звериному стилю С.И. Руденко [6] и В.А. Ильинской [4]. Несмотря на то, что их исследования больше касались скифской и сакской эпох, предложенные ими интерпретации хищной птицы как символа небесного мира и солярного божества легли в основу анализа сарматских находок.

Третий этап (конец XX – начало XXI вв.) ознаменован переходом от простого описания к глубокому семантическому и иконографическому анализу. Крупные исследователи сарматской эпохи, такие как А.С. Скрипкин [7] и Т.Н. Троицкая [10] в своих монографиях и статьях опубликовали уникальные находки из могильников Нижнего Поволжья и Северного Кавказа, включая детали конской узды и навершия с птичьими головами.

Среди современных исследователей особого внимания заслуживают: И.П. Засецкая [3], чья работа посвящена рассмотрению сарматского звериного стиля в целом, а также труды А.Н. Дзиговского, А.С. Островерхов [2] и М.А. Бакушева [1], которые анализируют образы птицы на конкретных изделиях.

Несмотря на значительный объем литературы, комплексного исследования, посвященного исключительно эволюции и типологии образа птицы во всем хронологическом диапазоне сарматской культуры (от раннесарматского до позднесарматского времени), на данный момент недостаточно, что и определяет актуальность данной статьи.

Птица очень редко встречается, в качестве изображения на предметах, и тем не менее есть ряд вещей, где мы можем ее наблюдать. Концом III в. н.э. датируются амулеты-подвески в виде птиц. Одна из подве-

* Работа выполнена под руководством Гущиной А.А., ст. лаборанта НИАЛ им. В.И. Мамонтова, ст. преподавателя кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ»,

© Скворцова Е.А., 2026

сок, найденная на могильнике Хадага Кайтагского района Республики Дагестан, изображает птицу с длинной шеей, коротким туловищем, высоким и широким хвостом, глаза птицы сделаны в виде двух налепов. Фигурка птицы находится на основании, в котором проделано отверстие для подвешивания (см. рис. 1.1). Вторая подвеска, найденная в том же могильнике, сделана в виде птицы с вытянутой шеей, коротким клювом и деталью-налепом снизу, символизирующим лапы птицы. Глаза также как и у первой птицы сделаны в виде двух налепов по бокам головы (см. рис. 1.2) [1]. Интересной является подвеска из склепа № 1 Урцекского могильника Карабудахкентского района Республики Дагестан. Птица изображена схематично, с короткой шеей и туловищем, в котором проделано отверстие для подвешивания (см. рис. 1.3). [Там же].

Еще одним примером является подвеска-амулет, найденная в гробнице № 1 Калкинского могильника Лакского района Республики Дагестан (см. рис. 1.4). Она сделана в виде трех птиц, напоминающих голубей. Они соединены между собой грудками. У птиц короткие туловища и шеи, маленькие аккуратные клювы и сложенные крылья. Между ними посередине проделано отверстие для подвешивания. Голубь мог олицетворять связь с предками [Там же].

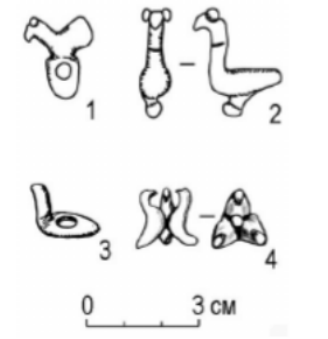

Рис. 1. Подвески-амулеты, изображающие птиц

Если говорить о позах птиц, то следует упомянуть, что для сарматского звериного стиля характерны сцены борьбы и терзания. Здесь примечательна вещь, найденная в Южном Приуралье (Новый Кумак). Это бляшка, на которой орел терзает травоядное животное. В верхней части находки мы видим орла с массивным изогнутым клювом, коротким туловищем и сложенными крыльями, который наклонившись и вцепившись когтями в животное, терзает его. Орел в данном случае мог быть символом власти и могущества, но ряд исследователей все же предполагают, что данная хищная птица могла олицетворять и душу человека (см. рис. 2) [10].

Рис. 2. Бляшка в виде орла, терзающего животное

© Скворцова Е.А., 2026

К.Ф. Смирнов утверждает, что очень часто в качестве отдельных предметов (бляшка, обвес, подвеска, навершие предмета) изображались отдельные части птицы (хвост, клюв). Здесь в качестве примера, можно привести, найденные на территории Приуралья, золотые обкладки деревянных кубков, схематично изображающих головы орла [8].

Навершия предметов в виде птиц также характерная находка, например, была найдена ложка, конец ручки которой сделан в виде птицы с большим изогнутым клювом и короткими туловищем и сложенными вдоль него крыльями, птица находится в естественной позе [Там же].

На Нижнем Поволжье (Сазонкин бугор, Ивановка) были найдены бронзовые навершия и бляшки конского головного убора виде схематично изображенных птиц [Там же].

Ярким примером можно считать изображение птицы на железной плакированной золотой фольгой пластине (предположительно украшение центральной части конского нагрудника) (см. рис. 3), найденной в кладе у села «Веселая долина» в Раздольненском районе Республики Крым. В верхней части пластины изображен летящий орел с широко распахнутыми крыльями. Ниже по бокам расположены еще две птицы (орлы) с распахнутыми крыльями, изогнутыми клювами и слегка наклоненными туловищами. В когтях у нижних птиц находятся рыбы, предположительно из семейства карповых. В данном случае орел мог символизировать могущество и силу [2].

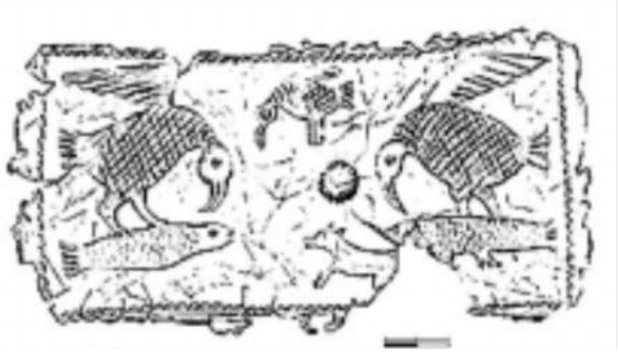

Рис. 3. Железная плакированная золотой фольгой пластина

Среди других видов вещей, где встречаются изображения птицы, можно выделить диадемы. Особенно интересной является диадема из кургана Хохлач Ростовской области (северная окраина города Новочеркасск) с изображением орла. Фигуры птиц находятся по сторонам от центрального изображения, у них сложены крылья и как будто «поджаты» нижние лапы, также выделяется массивный клюв, из чего мы делаем вывод о том, что птица хищная. Грудь птиц отмечена вставкой коралла, а верхняя часть крыла – бирюзой в углубленных гнездах. Еще две пары птиц расположены симметрично на верхнем крае боковых пластин новочеркасской диадемы. У птицы сложены крылья вдоль туловища и заметен массивный клюв. Фигуры полые внутри, а оперение передано чешуйчатым гравированным орнаментом (см. рис. 4 на с. 27) [3].

К сарматской эпохе I века н.э. относятся фигуры птиц (предположительно орлов), украшающие серебряные чаши из кургана 28 у станции Жутово Октябрьского района Волгоградской области. Две малые чаши полностью идентичны по форме, размеру, технологии изготовления и художественному решению фигурок-«птиц». Они выполнены методом выколотки с последующей обработкой на токарном станке и шлифовкой; край чаш загнут внутрь, образуя узкий валик. Литые ручки припаяны в виде лап, цепляющихся за край чаши. Сами фигуры выполнены в обобщенной манере, а контуры тела и головы подработаны резцом. На одной из фигурок в глазном углублении сохранилась вставка из темного стекла (см. рис. 5, на с. 27) [Там же].

© Скворцова Е.А., 2026

Рис. 4. Изображение птицы на диадеме из кургана Хохлач

Рис. 5. Ручка серебряной чаши в виде птицы

У еще одной чаши особое внимание привлекает декор её литой ручки, представляющей собой фигуру птицы. Оперение на шее, голове и ногах птицы детализировано тонкой гравировкой, выполненной прямыми, дуговидными линиями и короткими штрихами. На плечевой части крыльев размещен орнамент из фигур с дуговидными элементами и вертикальной линией, создающий впечатление густого оперения. Нижняя часть крыла, образованная длинными перьями, изображена полосками с косыми черточками. Голова птицы качественно смоделирована. Ручка прочно прикреплена к чаше с помощью двух заклепок (см. рис. 6 с. 28) [3].

В целом можно сделать вывод, что наиболее часто встречающиеся птицы в сарматском зверином стиле – это орлы и голуби, которые в отличие от предмета, на котором они изображены могут иметь разное сакральное значение. Однако помимо власти, силы и связи с предками, птица имела связь и с исцелением. Согласно индоиранской мифологии, иранская мифическая птица Саэна/Сенмурва/Симурга упоминается прежде всего с его чудесной способностью к исцелению. Целительные способности Симурга во многом связаны с чудодейственными свойствами его перьев, нужно лишь добавить истолченное перо Симурга в лечебную смесь, и оно сотворит чудо. Также, считалось, что данной птице «открыто» будущее и она знала человеческий язык [9].

© Скворцова Е.А., 2026

Рис. 6. Литая ручка чаши в виде птицы

Таким образом, птица на предметах погребального сарматского инвентаря встречается редко и является одним из самых уникальнейших изображений среди зооморфного сарматского стиля.

Литература

1. Бакушев М.А. Подвески-амулеты, изображающие животных с территории Северо-Восточного Кавказа албано-сарматского времени // Научная мысль Кавказа. 2012. № 2(70). С. 119–126.
2. Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. «Странные комплексы»: о семантике предметов и памятников в целом // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2010. № 3. С. 145–174.
3. Засецкая И.П. Искусство звериного стиля сарматской охи (II в. до н.э. – начало II в. н.э). Симферополь: ООО «Антиква», 2019.
4. Ильинская В.А. Современное состояние проблемы скифского звериного стиля. М.: Наука, 1976.
5. Ростовцев М.И. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль. Прага: Seminarium Kondakovianum, 1929.
6. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.: Академия наук СССР, 1953.
7. Скрипкин А.С. Сарматы и Восток. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010.
8. Смирнов К.Ф. Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.
9. Сотникова С.В. Образ мифической птицы на гравировках раннего железного века: опыт сопоставления обско-угорской и иранской традиций // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 141–151.
10. Троицкая Т.Н. Сцены терзания в скифо-сибирском и хунно-сарматском искусстве // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1997. № 1. С. 35–38.

EKATERINA SKVORTSOVA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE IMAGE OF BIRD AT THE OBJECTS FROM THE SARMATIAN BURIALS

The article deals with the analysis of one the less studied aspects of the Sarmatian animal style – the image of bird in the object world of the nomads. On the basis of the archaeological findings from the different burials the author traces the typology of the ornithomorphic images. There are considered the different categories of inventory. The iconographic features and their semantic significance are emphasized. The study allows to expand the views of the spiritual culture of the Sarmatians.

Keywords: *bird, animal style, image, plaque, pendant, position, eagle.*

© Скворцова Е.А., 2026

УДК 902

И.Е. ЧАЙКА
(iv4nchaika@yandex.ru)
Волгоградский государственный университет

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ АЛАН ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ И НИЖНЕГО ДОНА*

Были проанализированы погребальные комплексы двух регионов с целью определения культурной принадлежности погребальной практики Кавказа и Дона.

Ключевые слова: *Центральное Предкавказье, Нижний Дон, аланы-танаиты, Т-образные катакомбные погребения, сравнительный анализ.*

Согласно устоявшимся в науке представлениям, проникновение алан на территорию Нижнего Дона фиксируется со второй половины II в. н. э., что находит подтверждение как в данных танаисской ономастики, так и в археологических источниках [7, с. 80–93]. Последние свидетельствуют о стремительном распространении и последующем доминировании в регионе катакомбного обряда погребения. С момента идентификации данных памятников и установления их связи с миграционными процессами, в научной дискуссии одним из центральных мест занимал вопрос о территории-источнике распространения катакомбного обряда на Нижнем Дону.

К.Ф. Смирнов считал, что катакомбный обряд сформировался в результате внутреннего развития сарматов на реке Илек, а затем его распространения на запад в результате миграции [6, с. 22–23]. Д.Б. Шелов, в свою очередь, допускал возможность прихода традиции катакомбного обряда с мигрантами из районов Нижнего Поволжья или Каспия, хотя оставил данный вопрос открытым [7, с. 80–93]. М.Г. Машкова и В.Ю. Малашев выдвигали идею о кавказском происхождении катакомб на Дону [5, с. 173–201]. Необходимо сказать, о том, что теория исследователей о кавказском происхождении катакомб на данный момент является доминирующей.

Сравнительный анализ необходим для проверки господствующей в науке гипотезы, которая объясняет широкое распространение Т-образных катакомб на Нижнем Дону влиянием кавказских погребальных традиций. В качестве ключевого памятника для Кавказа рассматривается «Могильник Брут-2», состоящий из обширного городища и прилегающего к нему некрополя с многочисленными катакомбными захоронениями, что подчеркивает его важность как исторического памятника. Для сравнения были взяты наиболее типичные погребальные комплексы II–III вв. н.э., хронологически предшествующие предполагаемому времени прихода кавказских мигрантов на Дон [3, с. 12–68, 69]. Нижнедонских катакомбных памятников брались комплексы середины III – первой половины IV вв. н.э. Для анализа были привлечены следующие комплексы: курган 4 близ Новочеркасска, курган 4 могильника Валовый I, а также группа погребений, обнаруженных в зоне строительства Донской оросительной системы в Цимлянском районе Ростовской области – Центральный IV курганы № 9 и № 14, Романовский II курган 4 и Потайной II курган 13. Нужно так же отметить, что все анализируемые катакомбы были ограблены в древности, из-за чего определить некоторые черты обряда не представляется возможным.

Основой для анализа материала комплексов стали особенности погребального обряда и материальной культуры.

1) Сравнение высоты и диаметра курганных насыпей.

2) Выявление наличия и характерных особенностей ритуальных ровиков.

3) Определение характерных черт ступенчатых конструкций, таких как количество ступеней и их месторасположение в погребении.

4) Выделение общего и специфичного в погребальном инвентаре обеих групп.

* Работа выполнена под руководством Коробковой. Е.А., старшего преподавателя кафедры истории и международных отношений ФГАОУ ВО «ВолГУ».

© Чайка И.Е., 2026

Сравнительный анализ погребальных памятников показывает, что для большинства курганов могильника Брут 2 характерны незначительные высота, что подтверждается материалом данного могильника. В качестве примеров рассмотрим параметры нескольких объектов (курганы 1, 3, 6, 8, 9, 19) (см. табл. 1).

Таблица 1

Высота и диаметр курганов могильника Брут 2

Погребальный комплекс	Высота насыпи	Диаметр насыпи
Курган 1	~0,06 м	~15 м
Курган 3	0,38 м	34 м
Курган 6	Не установлена	Около 10 м
Курган 8	~0,06 м	~20 м
Курган 9	~0,35 м	31 м
Курган 19	Не установлена	10–11 м

Материал подтвердил гипотезу о незначительной высоте курганов, но при этом имеют диаметры, варьирующиеся от малых от 10 метров до более крупных в районе 30 м. Незначительную высоту курганов В.Ю. Малашев и Т.А. Габуев объясняют двумя основными причинами. Во-первых, многолетней распашкой полей, на котором находился могильник. Во-вторых, как, представляются, насыпь создавалась за счет грунта, извлеченного из камер катакомб и из ровиков, курганы окружавших, т. е., изначально насыпи были небольшой высоты [3, с. 69].

Иная ситуация наблюдается на Нижнем Дону. Согласно приведенным далее данным, высота варьируется от 0,5 м и более, а диаметр характеризуется большими значениями, доходя в максимальном примере до 50 м. Для иллюстрации приведем данные по нескольким курганам (см. табл. 2).

Таблица 2

Высота и диаметр курганов на Нижнем Дону

Погребальный комплекс	Высота насыпи	Диаметр кургана
Центральный IV кург. 14	0,78 м	28 м
Центральный VI кург. 9	0,4 м	23 м
Романовский II, кург. 4	1,54 м	40 м
Потайной II, кург. 13	0,59 м	24 м
Погребение у г. Новочеркасск кург. 4	1,85 м	42 м
Могильник Валовый I, кург. 4	2 м	50 м

В основу анализа конструкций ровиков положены материалы могильника Брут-2. Все изученные ровики имеют стандартизированную конструкцию, что иллюстрирует пример Кургана 1 (см. рис. 1 на с. 31). Его ровик характеризуется кольцевой формой в плане, трапециевидным сечением, углублением в материк и двумя перемычками (расположенными с юго-юго-запада и северо-северо-востока). Эти параметры являются типичными и подчеркивают отсутствие существенных различий между данными конструкциями. Внимания заслуживает погребение 19, где сохранилась лишь восточная часть ровика, что, тем не менее, позволяет уверенно реконструировать его первоначальную конструкцию. Для данного региона можно сказать существует стандарт строительства ровиков, который прослеживался на всех конструкция данного типа.

© Чайка И.Е., 2026

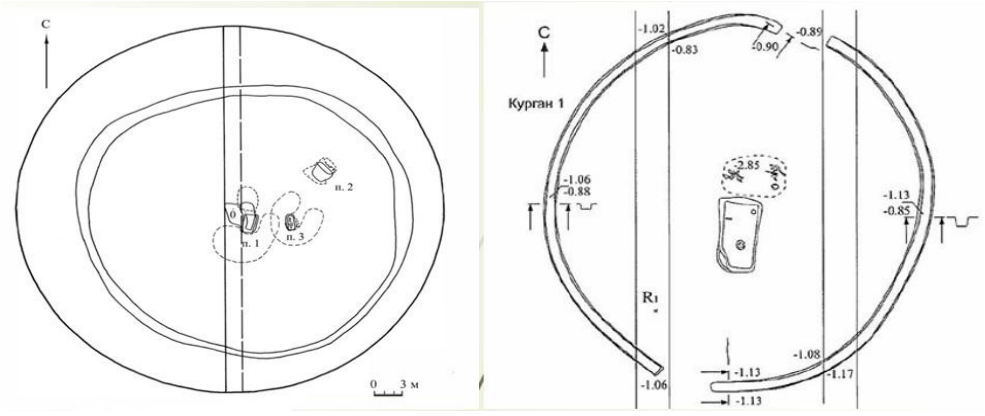
Из рассматриваемого материала ровик встречается только в двух погребениях Валовый I, курган 4, и Потайной II, курган 13. Данные погребения дают малую информацию о строении ровиков. В погребение Валовый I, говорится о том, погребение выполнено в 2 этапа и только второе погребение было обнесено ровиком. Диаметр ровика 38 м, ширина 0,7–2 м на уровне материка и глубиной 2,6–2,9 м от вершины кургана (см. рис. 1). Группа Потайной II, кург. 13 – курган был окружен ровиком, не заглубленным в материк, поэтому ровик был прослежен на небольшом отрезке, не дающем представлении о его форме.

Важным аспектом для рассмотрения является строение ступенчатых конструкций (см. табл. 3).

Таблица 3

Строение и особенности ступенчатых конструкций могильника Брут 2

Курган	Количество и расположение ступенек	Высота ступеньки в камеру
1	В юго-западном углу находилась овальная ступенька, доходившая до дна ямы	Вертикальная ступенька высотой 0,63 м
3	В западном углу и вдоль северо-западной стенки была сооружена лестница. Сохранилось 4 ступеньки	Ступенька высотой 0,49 м
6	В юго-восточном углу находилась ступенька, нижняя часть которой была прослежена в яме, а верхняя – выше уровня материка	Вертикальная ступенька высотой 0,39 м
8	У южной стенки располагалась лестница сложной конфигурации. Обнаружено 3 ступеньки	Ступеньки общей высотой 0,67 м
9	Вдоль северо-западной стенки была построена лестница. Зафиксировано 9 ступенек	Наклонная ступенька высотой 0,27 м
19	У задней стенки находились две ступеньки: одна примыкала к западному углу, другая располагалась по всей ширине стенки.	Ступенька высотой 0,43 м

А Б

Рис. 1. А. План кургана 1 могильник Брут-2. Б. План кургана 4 могильника Валовый I

Конструкции погребальных курганов имели ступеньки, расположенные как во входных ямах, так и ведущие непосредственно в погребальную камеру. В нескольких курганах (3, 8, 9) (см. рис. 2 на с. 32) во входных ямах были сооружены целые лестницы с количеством ступеней от 3 до 9. Высота отдель-

© Чайка И.Е., 2026

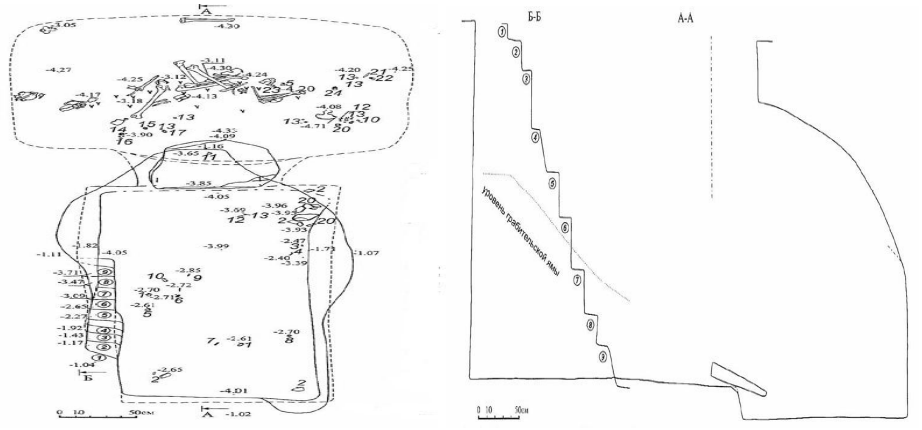
ных ступенек варьировалась от 0,13 до 0,67 м. Спуск в камеру чаще всего оформлялся в виде одной вертикальной ступеньки, высота которой в разных курганах составляла от 0,27 до 0,67 м.

Донские погребения демонстрируют иную картину: для них характерны уменьшение количества ступеней и упрощение их конструкции, в результате чего ступени часто встречаются лишь при входе в погребальную камеру (см. табл. 4).

Таблица 4

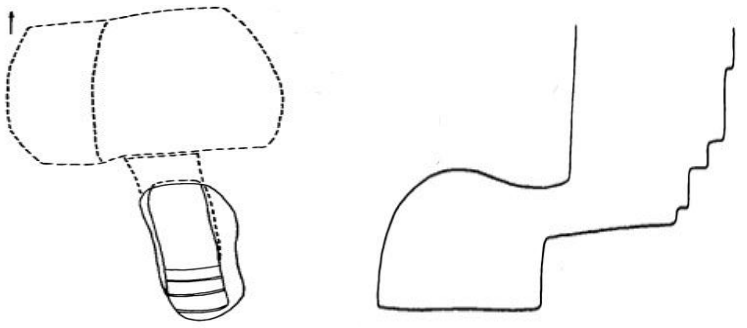
Строение и особенности ступенчатых конструкций Донского региона

Погребальный объект	Количество и расположение ступенек	Высота ступеньки в камеру
Могильник Валовый I, погребение 4	В камеру вела одна ступенька	0,5 м
Центральный IV кург. 14 (см. рис. 3)	Во входной яме прослежены 4 ступеньки	От 0,2 до 0,4 м
Романовская II, курган 4	Во входной яме сооружены три ступеньки	От 0,22 до 0,3 м
Потайной II, курган 13	Во входной яме прослежена одна ступенька.	От 0,26 до 0,45 м

А Б

Рис. 2. А. Т-образная катакомба погребение 9 могильник Брут-2
Б. Разрез катакомбной ямы курган 9 могильник Брут 2

А Б

Рис. 3. А. Т-образная катакомба погребение 14, Центральный IV.
Б. Разрез катакомбной ямы Центральный IV, курган 14

© Чайка И.Е., 2026

Сравнительный анализ вещевого материала был сосредоточен на керамических сосудах и оружии, поскольку эти категории артефактов сохраняют идентичные характеристики на протяжении длительного хронологического периода. Необходимо сказать о том, что в материале будут приведены вещи, которые наиболее близко сближают погребальный комплекс двух регионов и наоборот. Анализ погребального инвентаря демонстрирует системное влияние кавказских традиций на материальную культуру Дона. Это выразилось в заимствовании ключевых технологических стандартов – на Дону широкое распространение получили характерные для Кавказа виды гончарной керамики, серолощеная и чернолощеная. Одновременно происходит усвоение кавказской эстетики через геометрический орнамент и престижные формы, включая культовые предметы вроде зооморфных ручек, что свидетельствует о переносе не только вещей, но и ритуальных практик. Принципиальное отличие донских погребений от кавказских заключается в наличии характерных элементов: пифосообразных сосудов, квадратных курильниц, стеклянных кубков и светлоглиняных амфор.

Прежде чем перейти к выводам, обобщим ключевые положения сравнительного анализа погребальных комплексов двух регионов.

Проведенный анализ не выявляет сходства в морфологии курганных насыпей Кавказа и Нижнего Дона. Существенные различия в их высоте и технологии сооружения свидетельствуют против теории о кавказском влиянии в этом аспекте. Полученные данные скорее указывают на развитие в донском регионе самостоятельной, традиции строительства погребальных памятников.

На основе проведенного анализа можно заключить, что традиция сооружения ровиков в кавказских погребениях отражает устойчивый культурный канон, тогда как в донском регионе она носила заимствованный и фрагментарный характер. Отсутствие стандартизации, упрощение конструкции и редкая встречаемость ровиков на Дону свидетельствуют об их периферийном положении и постепенной утрате сакральной значимости в местной погребальной практике. В связи с этим, рассматривать вопрос о сильном влиянии Кавказского типа на донской регион достаточно затруднительно.

Проведенный анализ позволяет рассматривать наличие ступенчатых конструкций в погребальных сооружениях на территории Дона в качестве одного из вероятных маркеров культурного влияния, исходящего из Кавказского региона. Характер этого влияния не был однородным и проявлялся в двух основных формах: от прямого заимствования сложной катакомбной архитектуры до адаптированных и упрощенных локальных вариантов. Данная вариативность может объясняться целенаправленной трансформацией обряда в сторону избавления от сложных ступенчатых конструкций в пользу утилитарности данного элемента.

В погребальном инвентаре Донского региона отчетливо прослеживаются черты, имеющие кавказское происхождение.

В заключение следует отметить, что, хотя кавказские мигранты, по-видимому, инициировали распространение катакомбного обряда, их влияние не было определяющим для его дальнейшего развития. Ключевым фактором становления местной погребальной традиции скорее всего стал процесс смешения и синтеза культурных практик двух регионов. Возникновение катакомбного обряда на Дону стало следствием не механического копирования, а творческой адаптации кавказского образца местной культурной средой.

Литература

1. Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I). Ростов н/Д.: Медиа-Полис, 2009.

2. Безуглов С.И., Копылов В.П. Катакомбные погребения III–IV вв. на Нижнем Дону // Советская археология. 1989. № 3. С. 171–183.

3. Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа / отв. ред. Д.В. Деопин. М.: ТАУС, 2009.

4. Мелентьева Г.М. Курган позднесарматского времени на Нижнем Дону // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 133: Железный век Восточной Европы. М.: Наука, 1973. С. 124–128.

© Чайка И.Е., 2026

5. Мошкова М.Г., Малашев В.Ю., Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железа и средневековья. Сер.: Научные школы Волгоградского государственного университета. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 1999. С. 172–212.
6. Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975.
7. Шелов Д.Б. Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II–III вв. н. э. по данным танаисской ономастики // Вестник древней истории. 1974. № 1. С. 80–93.

IVAN CHAYKA
Volgograd State University

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF BURIAL COMPLEXES OF THE ALANS OF THE CENTRAL PRE-CAUCASUS REGION AND THE LOWER DON

The burial complexes of two regions are analyzed to find out the cultural background of the burial practice of the Caucasus and the Don.

Keywords: *the Central Pre-Caucasus region, the Lower Don, Alans-Tanaites, T shaped catacombal burials, comparative analysis.*

© Чайка И.Е., 2026

Биологические науки

УДК 575.174:599.74

С.Д. ЖУКОВА
(sonya.zhukova.02@mail.ru)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЛЕДОВАНИЯ ОКРАСА ШЕРСТИ У СОБАК*

Изучены теоретические вопросы генетики собак в отношении наследования пигментации, экстерьерных признаков, шерстяного покрова и болезней. Определены механизмы формирования тех или иных наследуемых признаков. Расписана генетическая формула по выявленным закономерностям наследования окраса шерсти у собак.

Ключевые слова: *собака, наследование генов, окрас шерсти, генетическая формула, локус.*

Окрас – основная характеристика, наряду с формой тела, общего внешнего вида животного, которая возникает в результате отражения или излучения света от его поверхности. Благодаря селекции человек сумел открыть и закрепить у собак заложенную в их генотипе гамму цветов и расцветок, которые обернулись бы против них, живя они в дикой природе [6].

В настоящее время дано описание генетических особенностей 118 пород собак разного направления, для которых выявлено 29 аллелей пигментации. У охотничьих и декоративных собак варьирование окраса шерсти довольно значительно. Например, по фенотипической и генетической изменчивости мастей наибольшая вариация выявлена у коккер-спаниеля (18 фенотипов), у пуделя (14 фенотипов) и у пинчера (10 фенотипов). Значительно меньшая изменчивость окраски шерсти наблюдается у собак служебных, к коим относится боксёр, и сторожевых.

Генетический анализ показывает, что такое разнообразие окрасов обусловлено действием комбинативной изменчивости и несколькими генами с сериями множественных аллелей в результате многократной мутации основного гена, т. е. наследование окраса у собак осуществляется по принципу множественного аллелизма. Так, кроме основных доминантного и рецессивного, появляются промежуточные аллели, ведущие себя по отношению к доминантному как рецессивные, а по отношению к рецессивному – как доминантные, причем между иными аллелями доминирование может отсутствовать, и наблюдается кодоминирование.

Также известно, что большинство генов обладают плейотропным действием – влиянием одного гена на развитие двух и более признаков. Не составляют исключения и гены, обусловливающие окрас шерсти, например, ген Мерля. Явление плейотропии объясняется тем, что гены плейотропного действия контролируют синтез ферментов, участвующих в многочисленных обменных процессах в клетке и в организме в целом и, тем самым, одновременно влияющих на проявление и развитие многих признаков [4].

Однако при анализе наследования окраса шерсти у собак возникает ряд затруднений, что и определило проблематику и цель исследования.

Цель работы – исследовать характерные особенности наследования окраса шерсти у собак.

Материалы и методы. На первом этапе была определена актуальность выбранной темы, цель и задачи исследования, изучена научная литература по теме.

На втором этапе в ходе экспериментальной работы составлена общая классификация генов, обуславливающих окраску шерсти у собак, проанализированы 352 собаки из 34 пород, по выявленным закономерностям наследования расписана генетическая формула.

Третий этап включал в себя обработку и интерпретацию полученных экспериментальных данных, оформление результатов проведенного исследования, формулирование выводов.

* Работа выполнена под руководством Бакрадзе Н.Ю., кандидата педагогических наук, доцента кафедры эколого-биологического образования и медико-педагогических дисциплин ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Жукова С.Д., 2026

К основным методам изучения наследственности окраса шерсти у собак относят: генетические – анализ генов, отвечающих за формирование окраса, использование генетических формул; статистические – анализ данных об окрасах у конкретной породы или семейств собак; ДНК-исследования – определение наличия различных аллелей генов, отвечающих за окрас, выявление носителей генов.

Результаты и их обсуждение. Исследование наследования окраса шерсти у собак породы немецкий боксер проводилось нами в следующей последовательности: а) сбор необходимых сведений; б) составление графических родословных; в) анализ родословных.

Изучение окраса собак проводилось с помощью выборки сук и кобелей породы немецкий боксёр из двух питомников г. Волгограда – «Из Мира Ангелов» и «Айс Ван Винкель», в количестве 183 особи [2]. Использование генеалогического метода было направлено на исследование особенностей наследования окрасов шерсти данной породы и заключалось в составлении и изучении родословных, включающих 75 особей, а также дополнительно проанализированных еще 108 собак [Там же].

В ходе анализа родословных были выявлены: статистическая частота проявления того или иного окраса и, следовательно, закономерности наследования данного признака; особенности наследования окраса шерсти у немецких боксеров; генотипы всех особей (без учета остальных аллелей); анализ отдельных представителей (семей) данной породы, подтверждающий выявленные ранее закономерности и особенности [2].

Для понимания формирования окраса у собак были собраны и проанализированы материалы разных авторов, занимающихся данной проблематикой.

Приведем наиболее значимые из них: 1. Субъективность восприятия одного и того же окраса, что вызывает ошибки при описаниях. 2. Характер наследования одного и того же окраса может быть альтернативным у разных пород. 3. Изменение оттенков окраса из-за различий в длине и фактуре шерсти, по-разному отражающей свет [1].

Ключ к понимаю генетики окрасов собак заключается в пигментах – меланинах, определяющих весь спектр окрасов у собак и в зависимости от химического состояния находящихся в форме эумеланина и феомеланина.

Эумеланин – черный пигмент. Все черные области на собаке вызваны клетками, продуцирующими эумеланин. Однако существуют гены, которые превращают эумеланин в другие цвета (мутантная форма эумеланина) – коричневый или голубой (серый). В некоторых случаях эумеланин отсутствует в шерсти, что обычно видно по неокрашенному в черный цвет носу.

Феомеланин – красный пигмент, охватывающий все окрасы от темно-красного до светло-кремового, включая рыжий и желтый. Феомеланин производится только в шерсти, поэтому любые гены, влияющие на этот пигмент, не будут влиять на цвет глаз или носа [3].

Помимо типа пигмента, окрас шерстного покрова зависит от распределения его по волосу, образуя характерный рисунок, например, сплошной или зонарный окрас, а также от формы пигментных гранул, т. к. пигмент в волосе содержится в виде зерен различной формы. Восприятие цвета зависит от преломления света при прохождении его через зерна пигмента, поэтому оно может быть разным при его различных формах.

Равномерное (незонарное) распределение пигментов в волосе обуславливает сплошные окраски собак. Они бывают четырех цветов различной интенсивности: черный, коричневый, рыжий и белый (волосы лишены пигментов).

Что касается расцветок, существует две основные группы: белая и желтая пятнистость.

Белая пятнистость варьирует от небольших белых отметин на груди, концах лап или животе до практически сплошной белой окраски с небольшим черным пятном на голове. В том случае, когда основной фон темный, расцветку принято называть пегой, при белом фоне расцветка пятнистая. К разным вариантам белой пятнистости относят и такие окрасы, как крапчатый, чалый и мраморный.

Желтая пятнистость выражена в виде подпалин различной интенсивности и протяженности, чепрачности, тигровости [7].

Все гены, оказывающие влияние на формирование окраса собак, разделяются на следующие группы:

1. Инициирующие синтез пигментов, образующих собственно цвет (B).

© Жукова С.Д., 2026

2. Распределяющие пигменты по волосу и всему корпусу (E, A, K).
3. Обусловливающие разную степень интенсивности окраса (I, C, D, G).
4. Определяющие появление пятнистости (S, T, M) [2].

В табл. представлена общая классификация генов, обуславливающих окраску шерсти у собак.

Таблица

Основные гены окрасов шерсти у собак (составлено автором)

№	Ген	Действие гена
1	TYRP1 (Локус B)	Отвечает за форму пигментных пятен. Аллель B – черный эумеланин, аллель b – коричневый
2	MC1R (Локус E)	Отвечает за наличие эумеланина и распределяет его по корпусу собаки. Аллель E – равномерное распределение пигмента, аллель E^m – наличие эумеланиновой маски, аллель e – ингибитор выработки эумеланина
3	ASIP (Локус A)	Распределяет меланин по телу собаки и вдоль отдельных волосяных стержней. Аллель A^y – доминантный рыжий (соболиный) окрас, аллель a^w – зонарно-серый (дикого типа) окрас, аллель a^t – подпалый (двухцветный) окрас – наличие подпалин, аллель a – сплошной черный азонарный окрас, а также аллель A^{ys}– затемненный рыжий окрас и аллель a^{sa} – чепрачный окрас
4	CBD103 (Локус K)	Способствует запуску сигнала синтеза эумеланина. АллельK (K^B) – «доминантный черный» – равномерное распределение эумеланина и образование однородного черного или коричневого окраса, аллель k^{br} – тигровый окрас, аллель k (k^y) – не препятствует проявлению аллелей A-локуса
5	MFSD12 (Локус I)	Влияет на синтез феомеланина. Аллель I – позволяет синтез феомеланина в полной мере, аллель i – препятствует этому процессу и приводит к осветлению феомеланина
6	SLC45a2 (Локус C).	Аллель C – обеспечивает основу синтеза пигмента, аллели c (c^1, c^2, c^3) – рецессивные аллели, приводящие к альбинизму
7	MLPH (Локус D)	Играет роль в связывании меланосомы с цитоскелетом актина в меланоцитах. Аллель D – определяет нормальную форму меланоцитов с отростками и не влияет на основной окрас, аллель d – укорачивает отростки меланоцитов, что приводит к неравномерному распределению пигментных гранул в волосе и как следствие ослаблению (разбавлению) окраски
8	MITF (Локус S)	Контролирует развитие и миграцию меланоцитов. Аллель S – обусловливает однотонный окрас, аллель s^i («ирландская» пятнистость) – депигментация легкой или умеренной степени, аллель s^p – промежуточная пегость (около 60–80% белого в окрасе), аллель s^w – экстремальная белая пятнистость
9	USH2A (Локус T)	Определяет крап и чалость: аллель T – доминантный тиковый, аллель t – рецессивный прозрачный (отсутствие крапа и чалости), аллель T^R – неполный доминантный чалый
10	PMEL17 (Локус M)	Регулирует транспорт пигментных гранул с волос. Аллель M –проявление мраморного окраса, аллель m – отсутствие мрамора.
11	Локус G	Аллель G – способствует возрастному осветлению окраса, аллель g – обеспечивает стойкую в течение всего онтогенеза окраску шерсти.

© Жукова С.Д., 2026

Выводы. В процессе исследования было выявлено, что окрас шерсти обусловлен наличием 11 генов с сериями множественных аллелей, для некоторых из которых наблюдаются явления: плейотропии (M), неполного доминирования (I, S, T, G) и кодоминирования (E, T).

Проанализировав информацию о каждом локусе подробнее, пришли к выводу о возможности расписывать генетическую формулу окраса собак интересующей породы, например, генетическая формула окраса рыжей собаки с маской и белыми пятнами будет иметь следующий вид – BBCCDDggmmttA^{y}A^{y}k^{y}k^{y}E^{m}E^{m}s^{w}-II.

Литература

1. Блохин Г.И., Блохина Т.В., Бурова Г.А. [и др.] Кинология. 9-е изд., стер. СПб.: Лань, 2023.
2. Жукова С.Д. Исследование наследования окрасов шерсти у собак породы боксёр // Естественные, математические и технические науки. Образование. Технологии. Инновации: материалы Всерос. науч.-практич. студен. конф. (г. Липецк, 07–11 апр. 2025 г.). Липецк: Липецк. гос. пед. ун-т им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2025. С. 194–198.
3. Свириденко С.И., Назарова Е.Н. Генетика и селекция собак. 3-е изд., стер. СПб.: Лань, 2024.
4. Сотская М.Н., Московкина Н.Н. Племенное разведение собак. М.: Аквариум-Принт, 2004.
5. Тарасенкова Н.А., Коптев В.В. Значение ДНК-маркеров для развития современного собаководства // Вестник АПК Верхневолжья. 2015. № 1(29). С. 44–52.
6. Уиллис М.Б. Генетика собак. М.: Центрполиграф, 2000.
7. Шабалот Н.Е. [и др.] Собаководство (биология размножения и развития, генетические основы племенного дела, патология органов размножения и воспроизводства, технология выращивания собак). Пермь: ФГК ВОУ ВПО «Пермский военный институт ВВ МВД России», 2014.

SOFIA ZHUKOVA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

CHARACTERISTIC FEATURES OF DOGS' FUR COLOR INHERITANCE

The article examines the theoretical aspects of dog genetics in relation to the inheritance of pigmentation, external features, coat, and diseases. It identifies the mechanisms underlying the formation of certain inherited traits. The article also provides a genetic formula based on the identified patterns of hair color inheritance in dogs.

Keywords: *dog, gene inheritance, coat color, genetic formula, locus.*

© Жукова С.Д., 2026

Исторические науки

УДК 908

П.В. АРТЕМОВ
(umniwi@gmail.com)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДОСТРОИТЕЛЬНЫХ ВЕРФЕЙ В СССР ЗА ПЕРИОД 1931–1941 ГГ. НА ПРИМЕРЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ СУДОВЕРФИ*

Данная исследовательская работа включает в себя изучение истории производственной деятельности Красноармейской судоверфи в период с 1931 по 1941 г. Основным материалом исследования послужили архивные данные, хранящиеся в Центре документации новейшей истории Волгоградской области. Были выяснены основные производственные успехи и трудности, с которыми столкнулась судоверфь. Было определено ее значение в рамках всего военно-промышленного комплекса Советского Союза в довоенный период.

Ключевые слова: *Красноармейская судоверфь, судостроение, танкостроение, индустриализация, первые пятилетки, промышленность, история Сталинграда.*

Сталинград – это город не только боевой, но и трудовой славы советского народа. Большинство горожан знает свои «заводы-герои» – Сталинградский тракторный завод, выпускавший новейшие «тридцатьчетверки», металлургический завод «Красный Октябрь», который снабжал высококачественными сталями не только предприятия города, но и всю страну, завод «Баррикады», производивший орудийные системы калибром от 76 до 305 мм. Однако, для истории нашего города и страны не менее, а, возможно, даже сравним по значимости, завод – Красноармейская судостроительная верфь.

Актуальность работы заключается в малоизученности деятельности судоверфи за период 1931–1941 гг.

Целью исследования является изучение работы судостроительной верфи в довоенные годы, как она помогала стране готовиться к войне, какую продукцию выпускала и какое место занимала в системе производственных мощностей Советского Союза.

Строительство завода «Красноармейская судоверфь» (получивший в 1939 г. индекс № 264) [9] было начато в 1929 г. [6, Л. 3], а первые производственные успехи верфь встретила в 1932 г., когда был выполнен первый квартальный план [14, с.11].

Запуск предприятия прошел не без затруднений, основным из которых был недостаток квалифицированных и рабочих кадров [Там же, с. 9].

11 мая 1934 г. верфь спустила на воду первую нефтеналивную баржу «Понура», построенную в Сталинграде [Там же, с. 15]. Вскоре были спущены еще 2 баржи [14, с. 16].

В производство активно встраивали и новые технологии – была внедрена технология электросварки. С 1935 г. многие баржи изготовлялись полностью цельносварными [Там же, с. 16].

К 1936 г. на верфи было построено 5 барж, 4 бензовоза, 9 буксирных пароходов, несколько разборных барж, что можно считать значительным успехом для молодого предприятия [Там же, с. 16].

За 1936 г. план по товарной продукции был выполнен всего на 48%, а за 1937 на 38%. В натуральном выражении план на эти два года был выполнен следующим образом: из 34 плановых судов было построено и спущено на воду только 14 шт. [11, Л. 112].

Очень важным стало решение СГО от 17/V/1936 года, по которому было постановлено создать на базе верфи производство корпусов и башен танка Т-26 [13, Л. 97]. Однако в ближайшие годы работы в этом направлении так и не были начаты, производство никак не готовилось к выпуску принципиально новой продукции.

* Работа выполнена под руководством Лозина Д.И., старшего преподавателя кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Артемов П.А., 2026

В 1937 г. было продублировано решение о развертывании производства Т-26 уже приказом НКТП № 38сс от 29.4.1937, в котором было предложено Главречпрому создать к 1.6.1938 мощности на 12.5 тыс. комплектов Т-26 [13, Л. 97]. Однако и это постановление выполнено не было.

Эффективность завода в 1938 г. значительно не изменилась по отношению к предыдущим годам. За 10 месяцев 1938 г. завод выполнил производственный план на 37%, множество судов не были закончены.

Выполнение годового плана в натуральном виде представлено в виде таблицы (см. табл. 1) [11, Л. 80].

Таблица 1

Выполнение годового плана в натуральном виде за 1938 г.

Наименование продукта	План на 1938 г. в шт.	Фактическое выполнение в шт.
Разборная сварная баржа 400 тонн	6	6
Разборная клепаная баржа 400 тонн	1	0
Баржа 2000 тонн	7	4
Баржа разборная 500 тонн	12	2
Баржа сухогрузная 500 тонн	2	0
Баржа наливная 1650 тонн	4	0
Разборный рефрижераторный теплоход	2	0

В 1939 г. выполнение плановых заданий осталось на таком же низком уровне.

Рассматривая итоги работы за 9 месяцев, можно с уверенность сказать: результаты деятельности не отличаются значительными успехами:

1. Выпуск товарной продукции – 23.9% к плану.
2. Выпуск валовой продукции – 44.2% к плану.
3. Производство СТЗ-2 (Т-26) – 14.6% к плану.

По этим данным мы можем сказать, что выпуск валовой продукции превалировал над товарным [13, Л. 44].

Несмотря на невыполнение плановых показателей динамика роста производства имела положительный вектор (см. табл. 2) [Там же, Л. 52].

Таблица 2

Динамика роста производства за 9 месяцев 1939 г.

Месяцы (1939 г.)	янв	фев	мар	апр	май	июнь	июль	авг	сен
Динамика по вал. прод. в %	100	118	99	124	139	169	198	156	221

В 1939 г. портфель заказов судоверфи по судостроению был представлен следующими товарами: суда № 1 на плаву, суда «А» самоходные, суда «А» несамоходные, рефрижераторная баржа разборная, баржа 500 тонн на плаву, баржа 500 тонн не разборная, проект 53-у, плавмастерские, катера 1124, баржа 500 тонн разборная, рефрижераторная баржа сварка 1000 тонн, рефрижератор клепаный 1000 тонн, буксир П/Х, бензовоз [12, Л. 18–20].

В отчетах по работе СТЗ содержатся записки касательно работы судоверфи по производству танка Т-26, имеющие следующее содержание: «Красноармейская судоверфь за 20 дней октября (1939 г.) не предъявила ни одного корпуса… Еще раз повторяю, в лучшем случае КСВ (Красноармейская судо-

© Артемов П.А., 2026

строительная верфь) будет давать корпуса и башни не ранее 15 ноября сего года. Необходимо отметить, что завод все же до сих пор не осознал ответственности за выполнение мобпрограммы» [12, Л. 98].

Таким образом, сформировалась ситуация, в которой на СТЗ уже шла сборка танка Т-26 в кооперации с другими заводами, но расчет был на поставки с завода № 264, который еще с 1938 г. должен был им стать, но где даже к осени 1939 г. так и не начали производить бронекорпуса и бронебашни для Т-26 [8, Л. 44].

Итогами работы судоверфи за весь 1939 г. стали следующие показатели:

1. По валовой продукции – 82.7% к плану или 146% к 1938 г.;
2. По товарной продукции – 43% к плану или 133% к 1938 г.;
3. Производительность труда 102% к плану или 113% к 1938 г. [13, Л. 91; Там же, Л. 84].

В натуральном виде план заводом был выполнен следующим образом (см. табл. 3) [Там же, Л. 92].

Таблица 3

Выполнение годового плана в натуральном виде за 1939 г.

	Закладка		Спуск		Отгрузка		Сдача	
	План	Факт	План	Факт	План	Факт	План	Факт
Всего по заводу	52	40	5	5	25	11	28	10

Невыполнение программ и планов на Сталинградской судоверфи в 1939 г. объясняется следующими факторами: необеспеченность производственной программы проектами и чертежами; отсутствие проектов не позволяло вовремя подавать заявки на снабжение; строительство новых цехов для выполнения планов по СТЗ-2 (Т-26) в сроки не было выполнено; недостаток квалифицированных и разнорабочих кадров; необходимость освоения принципиально новой продукции (СТЗ-2); отсутствие штампов по деталям СТЗ-2 не позволяло развернуть производство; неудовлетворительное организационное и техническое руководство заводоуправления работой цехов; неудовлетворительная обеспеченность завода со стороны 4-го главного управления НКСП сырьем и проектной документацией; и ряд других причин [8, Л. 5; 13, Л. 49].

Несмотря на все трудности, в особенности, не зависящие от завода, судоверфь была развивающимся предприятием, которое не стояло на месте, а стремилось к развитию. Об этом нам свидетельствуют показатели динамики производства за 5 лет (см. табл. 4) [13, Л. 86].

Таблица 4

Динамика роста производства за 5 лет (с 1935 по 1939 гг.)

Год	1935	1936	1937	1938	1939
Валовая продукция	100	155	180	239	350
Товарная продукция	100	185	197	229	307

Программа завода на 1940 г. состояла на 96% из заказов оборонного значения. По отношению к 1939 г. план валового выпуска был увеличен на 146%, а по товарному на 273%. Именно с этого года можно говорить о судоверфи, как о предприятии оборонного значения [Там же, Л. 94].

Даже при таком положении заводу было не легко в начале своего боевого пути. На 1 января 1940 г. было совершенно не ясно, а что завод должен производить, к производству какой бронетехники необходимо подготавливать предприятие?

К 1.1.1940 г. на заводе был создан задел по корпусу Т-26 на 295 комплектов корпусов и по башне на 200 комплектов. Однако фактическая потребность в данном производстве уже отпала – на СТЗ 22 де-

© Артемов П.А., 2026

кабря 1939 г. было прекращено производство Т-26. Судоверфь поставила на СТЗ 48 корпусов, однако СТЗ отказался от оплаты за них и также отказался от подписания договора о продлении поставок на 1940 г. [8, Л. 1].

При этом реализовать готовые комплекты на другие предприятия не удавалось – на судоверфи были образцы 1937 г., в то время как все остальные заводы изготавливали и собирали Т-26 образца 1939 г. [13, Л. 102].

Таким образом, завод оказался в тяжелом положении. Еще более усложняло ситуацию назначение завода базой производства нового вооружения – ДШКМ. Руководство завода отмечало, что их сборку завод может начать не раньше апреля 1940 г. [Там же]. Также было принято решение о начале выпуска на верфи нового бронекатера – объекта 1124 [13, Л. 94].

В итоге портфель заказов завода № 264 к 1.4.1940 имел следующий вид: 150 условных комплектов Т-26 россыпью; 60 комплектов А-34 (Т-34); 106 комплектов ДШКМ; 300 комплектов башен Т-26 обр. 37 г.; прочие заказы россыпью 100–150 комплектов [8, Л. 11]; объект 1124 3 шт. [13, Л. 94].

В отчете за пять месяцев 1940 г. по работе судоверфи закреплены следующие показатели:

1. Валовая продукция – 104%;
2. Товарная продукция – 143%;
3. Судостроение – 125% [Там же, Л. 109].

Далее рассматривая в хронологии деятельность завода за 1940 г. важно отметить очередной производственный успех, которого ранее не фиксировалось – досрочное выполнение производственного полугодового плана.

На 10.6.1940 г. завод дал следующие результаты:

1. По валовой продукции 100%;
2. По товарной продукции 104.5%;
3. По товарному выпуску 110.6% [8, Л. 31].

После решения вопроса о переводе производственных мощностей завода № 264 с изготовления Т-26 на Т-34 было издано постановление комитета обороны при СНК СССР от 13 августа 1940 г. № 351сс, согласно которому Наркомсудпром обязан организовать на заводе № 264 производство бронеконструкций танка Т-34 с выпуском в 1940 г. 20 комплектов и в 1941 г. 2000 комплектов [Там же, Л. 56], хотя к первому апреля, согласно вышеприведённому портфелю заказов, завод имел план на 60 комплектов Т-34. Вероятно, что на уменьшение плана выпуска с 60 до 20 единиц было связано с обследованием предприятия и выяснением, что за 1940-й год завод не сможет развернуть производство в таком масштабе.

Завод сразу встретил ряд трудностей, главным образом связанных с невыполнением обязательств контрпоставщиков, чья помощь была необходима для развертывания производства.

СТЗ, обязанный изготовить и поставить 5 штампов деталей Т-34 ни единого в сроки не предоставил. Также задерживалась поставка 180 наименований деталей Т-34. С заводом «Красный Октябрь» был заключен договор на поставку 1000 тонн стали марки И-8с, однако позже он был снижен до 500 тонн. Реальный объем поставок оказался крайне неудовлетворительным – к 12.9.1940 г. завод должен был поставить на судоверфь 100 тонн стали, однако получил завод лишь 20 тонн [Там же, Л. 50].

Следующий 1941 г. оказался переломным моментом в истории завода. Произошло окончательное становление завода как крупнейшей базы бронетанкового производства.

Согласно решению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15.12.1940, на судоверфи должно было развернуться производство бронекорпусов самолета Ил-2 [5, Л. 34]. Первый опытный образец должен был быть изготовлен к 1.5.1941 г. [Там же, Л. 50].

Положение завода в развертывании производства Т-34 оставалось в таком же тяжелом состоянии.

Чертежи деталей Т-34 поступали на завод с большим опозданием и часто некомплектно. О технических изменениях завод узнавал спустя 3–4 месяца. В результате этого получилась ситуация, при ко-

© Артемов П.А., 2026

торой судоверфь работала по чертежам образца 1940 г., хотя уже должны были иметься утвержденные чертежи образца 1941 г. [10, Л. 31].

Начать массовый выпуск корпусов для СТЗ до начала войны судоверфь не успела. За июнь 1941 г. с верфи было выпущено 14 комплектов корпусов и башен Т-34 [1, с. 59].

Была предпринята попытка начала производства нового бронекатера – объекта 1125 [3, Л. 39], однако ввиду отсутствия металла проект не удалось реализовать вовремя – началась Великая Отечественная война и все силы были брошены на дальнейшее развитие бронетанкового производства, которое приобрело характер массового на Красноармейской судоверфи только к началу августа 1941 г.

Таким образом проходило развитие производства на Красноармейской судоверфи в довоенные годы. Мы проследили изменение в продукции завода с исключительно судостроения, до его смешения с бронетанковым производством и дальнейший почти полный переход на него.

Какое же место в общесоюзном комплексе судостроения и танкостроения занял завод № 264?

Сравним данные о росте объема валовой продукции по судостроительной отрасли СССР за 1937–1939 год и аналогичный показатель по заводу № 264 (см. табл. 5) [2, с. 174; 13, Л. 86].

Таблица 5

Динамика роста объема валового производства по СССР и по заводу № 264 за 1937–1939 гг.

Общегосударственная динамика роста производства			
год	1937	1938	1939
Валовая продукция	100%	116%	166%
Динамика роста производства по судоверфи			
Валовая продукция	100%	132%	194%

Согласно данным показателям, мы можем сделать вывод о том, что судоверфь не только имела производственные показатели на среднем по стране уровне, но и превосходила их, т. е. завод № 264 можно считать передовым предприятием своего времени.

В то же время мы не можем однозначно судить об успехах танкового производства на судоверфи. Всего по стране за 1939 г. было сдано 1399 ед. Т-26 [1, с. 44]. Мы имеем данные о 48 корпусах, сданных на СТЗ, 295 комплектах корпусов и 200 комплектах башен, т. е. всего 200 ед. целых комплектов танков выпустила судоверфь за 1939–1940 г. (портфель заказов от 1.4.1940 г. включал в себя 150 комплектов Т-26 россыпью, в которые включались оставшиеся от поставок на СТЗ, произведенные в 1939 г., корпуса и башни). Всего за эти два года в СССР было произведено 3000 Т-26 [Там же]. Процентное обеспечение судоверфью производства Т-26 основными компонентами, т. е. корпусами и башнями, составило порядка 7–10%.

Исходя из данного показателя мы не можем говорить о судоверфи как о главной базе бронетанкового производства. Однако, если учитывать факт того, что производство корпусов и башен на судоверфи только начиналось, причем с большим количеством объективных трудностей, то такой показатель мы можем назвать существенным.

Также об отсутствии главенствующего положения судоверфи в сфере бронетанкового производства говорит следующий факт.

По ранее упомянутому постановлению СНК СССР от 13.08.1940 за 1940 г. завод № 264 должен был изготовить 20 комплектов корпусов и башен Т-34 [8, Л. 56]. В это время СТЗ по постановлению СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 7.6.1940 был обязан выпустить за тот же год 100 танков Т-34 [5, Л. 3]. Таким образом, разница по выпуску была пятикратной, хотя задание уже на 1941-й год было одинаковое – в 2000 шт.

© Артемов П.А., 2026

Причем, если судоверфь начала серийный выпуск комплектов весной-летом, то СТЗ уже в 1940-м году выпустил 23 «тридцатьчетверки» [5, Л. 3], а в январе 1941 г. даже перевыполнил план, дав вместо 25 Т-34 26 шт. [Там же, Л. 6]. Это показывает значительную разницу в оперативности развертывания совершенно нового производства на предприятиях, на тот момент одинаковой специализации.

Красноармейская судоверфь не являлась единичным примером перехода с судостроения и кораблестроения на бронетанковое производство. Из судостроительных предприятий Волжско-Каспийского бассейна особенно выделяется крупный завод «Красное Сормово» в Нижнем Новгороде. Если сравнивать с ним Красноармейскую судоверфь, то одним из важнейших отличий было уделение значительно большей части производственных мощностей военному кораблестроению. Из схожих моментов мы можем выделить переход завода «Красное Сормово» в управление НКТП в 1941 г., после чего вместо производства подводных лодок началось активное осваивание производства Т-34 [4].

Раскрывая тему контрпоставок и их влияния на эффективность работы завода необходимо указать на недостаток металла на судоверфи. Главным поставщиком металла для завода № 264 являлся Красный Октябрь. Однако занаряженное сырье доходило неудовлетворительно (см. табл. 6) [7, Л. 50].

Таблица 6

Данные о поставке металла для завода № 264 на 3.9.1940 г. (в тоннах)

поставщик	Сортовое		Конструкционная углеродистая		Конструкционная легированная	
	занаряжено	отгружено	занаряжено	отгружено	занаряжено	отгружено
КО	100	15	315	220	3077	1383

Всего на судоверфь к сроку было отправлено 46% металла относительно договора. Такое положение дел значительно тормозило любую производственную деятельность предприятия, начиная от невозможности проведения капитально-строительных работ для организации нового производства, так и невозможность самого производства.

Подводя итоги работы, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, был исследован весь путь развития производства Красноармейской судостроительной верфи за период с 1930 по 1941 г. Были выявлены основные трудности, с которыми сталкивался завод. Таковыми являлись: недостаток кадров, отсутствие вовремя поставляющейся технической документации, задержка сдачи пусковых цехов по новому производству, отсутствие налаженных контрагентских поставок.

Во-вторых, мы проследили путь становления предприятия сначала как судостроительной верфи, а потом как базы бронетанкового производства. Исходя из этого можно выделить три периода. Первый период – с 1934 по 1938 г., когда производство носило исключительно гражданский характер. Второй период – с 1939 по конец 1940 г., когда предприятие начало переходить на оборонное производство, в том числе изготовление танка Т-26 и военных кораблей проект 53-у и объект 1124. Третий период конец 1940–1941 гг., когда судоверфь окончательно становится базой танкового производства, где разворачивается мощнейшая база по изготовлению Т-34.

В-третьих, был проведен сравнительный анализ для выявления роли завода в масштабах страны. Так, мы определили, что темпы развития завода № 264 в период с 1937 по 1939 гг. опережал средние по Советскому союзу, поэтому верфь можно считать передовым предприятием своего времени. Однако, вклад судоверфи как бронекорпусной базы танка Т-26 в период 1939–1940 гг. оказался не столь большим. Были найдены и существенные различия при сравнении с заводом «Красное Сормово», где изначально производство было ориентировано на оборонные заказы. Однако между тем судоверфь начала свое превращение в бронекорпусное производство до войны, а вот новгородский завод лишь с ее началом.

© Артемов П.А., 2026

Литература

1. Баженов А.Ю. Организационно-экономические основы создания и развития бронетанкового производства в Сталинграде: 1930–1945 гг.: дис. … канд. экон. наук. Волгоград, 2010.
2. Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М.: ИРИ РАН, 2006.
3. Бюллетени, справки военного, строительного и других отделов обкома ВКП(б) о проведении мобилизационной работы в области, строительстве оборонительных рубежей, о выполнении заказов фронта // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 12. Д. 56.
4. Гинзбург Б.Л., Орлов В.В., Подрепный Е.И. Исторический опыт развития металлургического производства на заводе «Красное Сормово» в предвоенные годы (1937 – июнь 1941 г.) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16. № 3(71). С. 137–149.
5. Копии докладных записок секретаря обкома ВКП(б) в совнарком по вопросам работы СТЗ, завода № 264, об освоении Волго-Ахтубинской поймы. Справки в редакцию газеты «Правда» в связи с опубликованием статьи специального корреспондента «когда решение не подкрепляется практическими делами» и по другим вопросам промышленности, сельского хозяйства, строительства промышленных предприятий // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 12. Д. 11.
6. Материалы к докладу Государственного управления по строительству социалистических городов, по вопросу «работа Сталинградстроя в 1930 году и перспектива капитального строительства Сталинградского промышленного района в 1931 году» // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 104.
7. Материалы по работе заводов № 91, 221 и «Красный Октябрь» // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 11. Д. 163.
8. Материалы по работе завода № 264 // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 11. Д. 162.
9. Предприятия № 251-300. [Электронный ресурс]. URL: https://oboron-prom.ru/page,15,predpriyatiya-251-300.html (дата обращения: 08.11.2025).
10. Сведения справки директоров машиностроительных заводов о выполнении планов по выпуску товарной продукции // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 12. Д. 31.
11. Справки инструкторов отдела, докладные хозяйственников о выполнении программ предприятиями, о ходе работы по ликвидации последствий вредительства по Красноармейской судоверфи, о противопожарных мероприятиях // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 1. Д. 543.
12. Справки о выполнении постановлений бюро обкома ВКП/б/, сведения, отчеты отдела и руководителей заводов СТЗ,22I,264 о проделанной работе, о строительстве и неполадках и о мерах их изжития. Письма обкома ВКП/б/ в ЦК ВКП/б/ и Министерства об оказании помощи заводам и список награжденных по заводу «Баррикады» // Центр документации новейшей истории Волгоградской (ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 11. Д. 78.
13. Справки, сведения, отчеты о строительстве по стройконторе Волгопромстрой при заводе № 264. О работе завода № 264. Справки о работе Красноармейской судоверфи (к протоколу бюро Обкома ВКП(б)) // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 11. Д. 79.
14. Федосеев П. От речных барж до морских судов. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1967.

PAVEL ARTYOMOV
Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE INDUSTRIAL ACTIVITY OF SHIPBUILDING YARDS IN THE USSR DURING THE PERIOD OF THE 1931–1941 S AT THE EXAMPLE OF THE STALINGRAD SHIPYARD

The research includes the study of the history of the industrial activity of the Krasmoarmeysky shipyard in the period of the 1931–1941s. The archive materials of the Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd region are the basis of the study. There were discovered the fundamental industrial success and difficulties that shipbuilding yards had faced. Its significance in the context of the military and industrial complex of the Soviet Union in the prewar period was defined.

Keywords: *Krasmoarmeysky shipyard, shipbuilding, tank building, industrialization, first five years, industry, history of Stalingrad.*

© Артемов П.А., 2026

УДК 908

П.А. АРТЕМОВ
(umniwi@gmail.com)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

К ВОПРОСУ О ЗАРОЖДЕНИИ И СТАНОВЛЕНИИ СТАЛИНГРАДСКОЙ СУДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ВЕРФИ В 1930–1941 ГГ.*

Представлено исследование процесса строительства Красноармейской судоверфи в исторической перспективе в период с 1930-го по лето 1941 г. Исследование было проведено на основе изучения архивных материалов Центра документации новейшей истории Волгоградкой области и вспомогательной литературы. Были выяснены основные причины решения строительства верфи, был изучен весь процесс строительства и ее реконструкции. Проведен сравнительный анализ с другими предприятиями города и страны, выяснена роль строительства судоверфи.

Ключевые слова: *Красноармейская судоверфь, судостроение, танкостроение, индустриализация, первые пятилетки, промышленность, история Сталинграда.*

В период 1930-х гг. одной из главных задач советского правительства стала подготовка промышленности, особенно оборонной, к ожидаемой новой войне. Именно в этот важнейший период в Сталинградской области сформировался один из мощнейших в стране промышленных комплексов. Были построены и реконструированы такие производственные гиганты, как металлургический завод «Красный Октябрь», «Сталинградский тракторный завод им. Ф.Э. Дзержинского», машиностроительный завод «Баррикады», химический комбинат (завод № 91), которые к началу Великой Отечественной войны обеспечивали значительную долю поставляемых на фронт танков, артиллерии, снарядов, а для промышленности страны поставлялась высококачественная сталь и значительный перечень химических продуктов.

Среди данных заводов одной из самых крупных была «Красноармейская судоверфь». Она стала не только базой производства речного и морского флота, причем и военного, но также и крупнейшей базой бронетанкового производства. На данный момент проблематика развития судоверфи в 1930–1941 гг. затрагивалась исследователями в достаточно малой степени. Данный факт делает изучение развития завода в этот период особенно актуальным. В связи с этим, задачей данной работы становится исследование зарождения и строительства Красноармейской судоверфи в период с 1930-го по лето 1941 г. на основе архивных материалов.

Исследовательская работа была проведена на основе архивных данных, которые были изучены в Центре документации новейшей истории Волгоградской области («ЦДНИВО»). Были задействованы архивные материалы из фондов № 71 и № 113. Особенностью работы стало почти полное отсутствие информации по развитию судоверфи с 1933 по 1936–1937 г. Данный пробел был частично устранен благодаря книге П. Федосеева «От речных барж до морских судов» [16], которая раскрывает раннюю историю завода.

Решение советского руководства о создании судостроительного завода именно в Сталинграде можно объяснить следующими причинами:

Сталинград изначально считался промышленным центром. При этом, в дореволюционный период в городе даже развивалось судостроение, однако имело оно ограниченный характер, хотя с существенными достижениями. Так, в 80-х гг. XIX в. на предприятиях братьев Нобелей (Нобелевский городок) и в мастерских Бари сооружались нефтеналивные железные баржи, причем была сооружена и самая большая на тот момент в России баржа. Также сооружались пароходы для транспортировки нефтеналивных барж и морские баржи для перевозки керосина. Важно отметить, что, учитывая все это, самого «судостроения» в промышленных масштабах в городе не было [3, с. 98–99].

* Работа выполнена под руководством Лозина Д.И., старшего преподавателя кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Артемов П.А., 2026

Другая причина – это наличие мощной металлургической базы, которую предоставлял «Красный Октябрь», а также развитой деревообрабатывающей отрасли, наиболее крупным представителем которой являлся деревообрабатывающий комбинат (до революции завод Максимовых, а с 1943 г. завод им. Куйбышева), что в совокупности позволяло минимизировать поставки сырья в виде металла и продуктов деревообработки из отдаленных районов страны.

Третья, более поздняя причина, развития и постройка предприятия – это наличие СТЗ. Еще в 1934 г. был подготовлен первый мобилизационный план для СТЗ по выпуску легкого танка Т-26 [1, с. 36–38], однако близко расположенной базы для подготовки комплектующих не было, их мог поставлять только Харьковский тракторный завод, однако в виду значительного по дальности пути доставки такой вариант являлся нецелесообразным. По итогу именно судоверфи было предрешено стать крупнейшей базой бронетанкового производства не только в Поволжском регионе, но в стране в принципе, однако завод пришел к этому только в 1938–1939 гг.

Ещё в 1927 г. отмечалась необходимость форсированного развития военного судостроения в первую очередь на Черном и Азовском море, а во вторую на Балтийском и Каспийском морях. При этом для Каспийского моря была необходимость производства большого числа нефтеналивных судов, чем судоверфь и занималась, хотя и не в столь значительной степени [5, с. 117]. Советские судостроительные предприятия оборонного значения были крайне перегружены такими коммерческими заказами. В среднем на таких судоверфях соотношение оборонных заказов к коммерческим составляло 1:3, что не позволяло развернуть производство военных кораблей в должном объеме. В связи с этим, было принято решение перенаправить коммерческую нагрузку по незначительным проектам на речные судостроительные верфи, тем самым освободив от данной задачи более крупные предприятия. Как раз Красноармейская судоверфь с этой задачей, в том числе, и справлялась [6, с. 132].

Строительство Красноармейской судоверфи было начато в 1929 г. [8, Л. 3]. Кадровый состав должен был включать 5000 чел. [8, Л. 22]. Одновременно с заводом строился и Красноармейский рабочий городок. Примерная стоимость стройки определялась в 30 000 тыс. руб. Для сравнения, для строительства СТЗ предполагалось истратить сумму в 148 000 тыс. руб. [Там же]. По своему масштабу проектные мощности судоверфи в Сталинграде значительно превосходила судоремонтные заводы своего ближайшего соседа – Астрахани. Например, одна из самых крупных судостроительных верфей им. Кирова в 1941 г. насчитывала 2653 человека [4, Л. 14]. Это говорит о том, что с момента основания перед Красноармейской судоверфью ставились весьма обширные задачи.

Однако с начала строительства происходило отставание от плана. На середину декабря 1930 г. из 8 млн руб. планированных капиталовложений были освоены лишь 4, что являлось крайне неудовлетворительным показателем в условиях ударного развития [12, Л. 7]. Данная тенденция на всем протяжении строительства во многом объясняется нехваткой строительных материалов и техники**.** Как отмечает исследователь Г.И. Ханин, задания по капитальному строительству на 1929 г. в СССР практически не были обеспечены строительными материалами [17].

В 1931 г. на промышленное строительство, транспорт, связь и электрику было выделено 8900 тыс. рублей; на жилищное, коммунальное, дорожное, автотранспортное, здравоохранение, образование, питание, торговое строительство 4778 тыс. рублей [8, Л. 41]. Наиболее большая сумма была ассигнована на строительство больницы – 600 тыс. рублей, судостроительного техникума – 350 тыс. рублей и жилстроительство – 3940 тыс. рублей [Там же, Л. 44].

Согласно П. Федосееву, к началу 1933 г. в строй были введены почти все цеха предприятия [16, с. 12]. Далее до 1936 г. мы наблюдаем полный информационный пробел.

К 1936 г. «Красноармейская судоверфь», согласно отчетам, продолжала находиться в стадии активного строительства. В течение 1936–1938 гг. объемы средств на строительство последовательно увеличивались с 4 млн в 1936 г. [15, Л. 97] до 24 985 тыс. руб. [Там же, Л. 65]. В 1937 г., т. е. более чем в 6 раз. Однако, как и в начале строительства, вложенные средства не осваивались. Так, в 1936 г. было освоено 58% выделенных средств [Там же, Л. 97], в 1937 г. – 25,8% (из них на промышленное

© Артемов П.А., 2026

строительство 8%) [15, Л. 65]. В 1938 г. была освоена сумма в 24 985 тыс. руб. [15, л. 65], из которых половина (12 985 тыс. руб.) была истрачена на промстроительство.

Лишь к 1939 г. план капитальных работ на 1939 г. был выполнен на 96% или в денежном исчислении на сумму в 27 168 тыс. руб. [Там же, Л. 98]. Однако одновременно строительные работы, намеченные на 1939 г., были выполнены только на 39% [Там же, Л. 43].

Причиной такого отставания от плановых заданий стало отсутствие основных строительных материалов: «с 1 марта по 1 сентября 1939 г. на строительстве было получено круглого леса 536 м^3 вместо 6215 м^3 полагающихся по плану, что составляет лишь 8.6% потребности. Из-за отсутствия полного комплекта необходимых профилей сортового железа и швеллеров почти полностью были законсервированы объекты второй очереди промстроительства. Обеспеченность фондами на нефтебитум на 1 сентября составляет всего лишь 15.3%». Полностью отсутствовали на протяжении 1938–1939 гг. электроматериалы, главным образом шнур, что не позволяло сдавать в сроки производственные цеха. При этом наиболее отстающими сферами в строительстве явились социально-культурно-бытовая (22% от плана) и жилищная (36% от плана) [Там же, Л. 43].

Такая активная реконструкция предприятия велась не беспричинно. Основным мотивом проведения работ стало решение СГО от 17.5.1936 г., по которому было постановлено создать на базе завода «Красноармейская судоверфь» производство корпусов и башен Т-26, что запустило процесс становления завода № 264, как одной из важнейших частей оборонного комплекса [15, Л. 97]. Однако первоначально производство комплектов танков развернуть не удалось.

Масштаб модернизации завода при нехватке строительных материалов привел к изменению первоначальных планов. Если изначально предполагалась реконструкция предприятия не только в ключе начала выпуска танков, но и увеличения мощности судостроения, то в итоге направлены работы были исключительно на бронетанковое производство. В связи с этим, первого октября 1939 г. был утвержден генплан реконструкции завода с капиталовложением на сумму 155.6 млн руб. [Там же, Л. 97].

Ключевым моментом в становлении предприятия стало издание постановления комитета обороны при СНК СССР от 13 августа 1940 г. № 351сс, согласно которому Наркомсудпром обязан организовать на заводе № 264 производство бронеконструкций танка Т-34 с выпуском в 1940 г. 20 комплектов и в 1941 г. 2000 комплектов [9, Л. 56]. В дополнение к поставленной задаче по решению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15.12.1940 г., заводу было необходимо организовать производство бронеконструкций Ил-2. Предполагалось произвести капиталовложения для реализации поставленных задач на сумму 66.7 млн руб. [7, Л. 33].

За 1940 г. было реализовано только 17 млн руб. из 19 ассигнованных, или 89% от плана [Там же, Л. 80].

В докладе от 25 января 1941 г., который указывал на необходимость реализации вышеуказанных решений, говорится, что именно СТЗ и завод № 183 (Харьковский тракторный завод) должны снабжать судоверфь спроектированным 8-м проектным институтом Наркомсредмаша необходимыми средствами производства [Там же, Л. 34]. Строительством должен был заниматься стройтрест № 14, а главными пусковыми объектами были: спец. цех, № «И» 110, № 120, № 130, № 140, № 180, № 170, № 150, объект 470 [Там же, Л. 33].

Для реализации планов строительства не было выделено фондов ни на материалы, ни не оборудование [Там же, Л. 47–49]. В итоге, в 1941 г., в целях реализации постановления СНК СССР от 13.08.1940, было постановлено провести капитальную реконструкцию уже на общую сумму 72.5 млн руб., с увеличением против ассигнованной в 1940 г. суммы в 3.8 раза [Там же, Л. 80].

Как и в предыдущие годы не обошлось без значительным проблем:

1. Ни оборудованием, ни фондами для закупки стройматериалов стройтрест № 14 обеспечен не был [Там же, Л. 49].
2. Имелся недостаток квалифицированных рабочих и технического руководства.
3. Отсутствовала налаженная организация работ.
4. Периодически задерживалось обеспечение строительства чертежами.

© Артемов П.А., 2026

5. Отмечался недостаток квалифицированных руководителей [7, Л. 91].

Из-за данных трудностей заводу не удалось вовремя сдать пусковые объекты, в результате чего производство Т-34 на заводе № 264 к началу войны запущено не было, оно началось лишь к началу августа 1941 г. Одновременно, готовившиеся к выпуску комплектующую танков Т-26 оказались не нужны. Так, на 01.01.1940 г. завод имеет значительный задел по корпусу Т-26 в 295 комплектов и по башне в 200 комплектов, и при этом подготовленные к производству цеха пустуют. Выдвинутое решение о необходимости получения заказа, для загрузки кадров и цехов 4-м Главным управлением было проигнорировано. Даже СТЗ, куда комплекты Т-26 должны были поставлять, отказался оплачивать и вывозить уже готовые 48 корпусов, а так-же отказался от заключения договора на 1940 г., ссылаясь на то, что в их программе, утвержденной правительством, на 1940-й г. Т-26 уже отсутствовали [9, Л. 12]. Тем самым завод ставился в положение, когда долгожданные производственные мощности были созданы благодаря огромным усилиям, через огромные денежные и ресурсные затраты, и как только все было готово практического применения созданные мощности не нашли. Это яркий пример отсутствия должной связи как между заводами, так и между заводами и государственным аппаратом.

Обобщая всю историю строительства и реконструкции завода, можно сказать следующее: выполнение планов строительства регулярно срывалось по большому количеству объективных и субъективных причин. Наиболее распространенными и важными явились:

1) необеспеченность стройматериалами, фондами для их закупки, задержка поставок материалов;
2) задержка чертежей, отсутствие четкого плана строительных мероприятий;
3) необеспеченность потребным количеством квалифицированных кадров на стройке;
4) отсутствие координации между заводами Сталинграда в плане развертывания оборонной продукции, в результате чего завод «не знал» к производству чего необходимо быть готовым;
5) значительная нагрузка предприятия постоянными строительными мероприятиями, предполагающими если не полную, то значительную реконструкцию завода, что не давало планомерно развиваться ему.

В целом указанные выше проблемы имелись у всех предприятий Сталинграда, находившихся на этапе строительства или модернизации. Так, по заводу № 221 (завод «Баррикады») стройтрест № 25 за 1937 г. план выполнил на 97%, за 1938 г. из установленной планом суммы в 16 754 тыс. руб. реализовал только 5 111 тыс. руб., т. е. 31%. По заводу № 91 стройтрест № 25 за 1937 г. выполнил план на 71.5%, за 1938 г. из 17 217 тыс. руб. реализовал 9059 тыс. руб. [14, Л. 24], [13, Л. 5]. И только в 1941 г. завод № 221 по финансированию приблизился судоверфи. Было выделено 60 млн руб., однако на 1.6.1941 г. из них было реализовано только 32% [7, Л. 103].

Для сравнения необходимо отметить, что за это же время в Астрахани до 1937 г. были введены в строй следующие предприятия: судоремонтные заводы «Х годовщины Октябрьской революции», им. Ленина, им. Сталина, им. Кирова, им. Фридриха Энгельса, судоверфь «Освода», «Красные Баррикады», реконструировали завод им. III интернационала, мастерские Артема (Сергеева), Астраханский металлозавод. Всего к 1937 г. функционировало 13 судостроительных предприятий. Из них 7 являются судоремонтными мастерскими, при этом и другие заводы в значительной степени занимались именно ремонтом судов, нежели их строительством, а сами предприятия были меньшего, по сравнению со Сталинградской судоверфью, масштаба [11, с. 82–84].

Также имеются данные для сравнения с ленинградским судостроением тех лет. В 1934 г. было выделено 13.5 млн руб., на которые реконструировали 4 судоверфи (т. е. как минимум количественно Ленинград превосходил Сталинград по судостроительным предприятиям уже исходя из этих цифр) [10]. Однако количество средств, выделенных советским государством на создание «Красноармейской судоверфи», значительно превосходило капиталы, выделенные на реконструкцию судоверфей Ленинграда.

Так, из общей суммы капиталовложений по строительству в 5,46 млрд руб. за 1939 г. по всему СССР, вложения по оборонным стройкам и предприятиям составляли 3,2 млрд руб. [2, с. 175].

© Артемов П.А., 2026

Из них судоверфью за этот год было истрачено около 1% бюджета. Мы можем принять даже такой, на первый взгляд, незначительный процент, как уже весомый, т. к. важно учесть – огромное количество предприятий проходили реконструкцию в предвоенный период, что было связано и с подготовкой к военным компаниям и с внедрением новых производственных и оборонных технологий.

Подводя итоги работы, мы можем сделать следующие заключения:

Во-первых, Сталинград обладал значительным потенциалом в оборонной промышленности за счет наличия мощного металлургического завода и нового орудийного завода. Это стало одной из причин строительства в городе крупного судостроительного завода, так – как наличие промышленной базы позволяло осуществлять дальнейшее развитие в Сталинграде необходимых производств. Также строительство судоверфи в Сталинграде заключалась в оборонной необходимости, связанной с перегрузкой крупных оборонных судостроительных заводов коммерческими заказами.

Во-вторых, мы выяснили основные трудности, с которыми столкнулось предприятие во время его строительства на протяжении 10 лет на основе архивных материалов. Можем выделить следующие основные затруднения: необеспеченность стройматериалами и фондами для их закупки, частая задержка их поставок, задержка чертежей, нехватка квалифицированных кадров и руководства, отсутствие координации между заводами Сталинграда и государственными органами. В результате этого за 10 лет мы не можем наблюдать ни одного года, когда бы план строительных работ был выполнен на 100%. Приближаться к полному выполнению плановых заданий завод начал лишь к 1938–1939 гг., когда реализовывалась почти вся ассигнованная сумма. Несмотря на это, заводу удалось в итоге организовать бронетанковую базу по производству сначала Т-26 (к 1939 г.), а позже и Т-34 (к 1941 г.). Если обобщить, то можно определить состояние завода на начало лета 1941 г., как окончание реконструкции для перехода на производство нового вида продукции.

В-третьих, был проведен сравнительный анализ качественных и количественных показателей строительных работ не только среди предприятий Сталинграда, но и других регионов СССР. Мы выяснили, что Сталинград не мог выступать «конкурентом» среди городов-судостроителей, т. к. в Нижнем Поволжье лидерство удерживала Астрахань. Однако, имея общую сумму денежных вложений по оборонным предприятиям страны за 1939 г. можно говорить о большом внимании к Красноармейской судоверфи. Сравнивая капиталовложения среди предприятий Сталинграда, можно утверждать, что среди крупных предприятий города судоверфь являлась одним из самых финансируемых среди других заводов города.

Литература

1. Баженов А.Ю. Организационно-экономические основы создания и развития бронетанкового производства в Сталинграде: 1930–1945 гг.: дис. … канд. экон. наук. Волгоград, 2010.

2. Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М.: ИРИ РАН, 2006.

3. Водолагин М.А. Очерки истории Волгограда. 1589–1967. М.: Наука, 1968 [вып. дан. 1969].

4. Годовой отчет и заключительный баланс по основной деятельности за 1941 г. // Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 3029. Оп. 1. Д. 11. 191 л.

5. История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963: док. и материалы. Т. 3. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Ч. 1 (1927–1932). М.: Терра; Книжный клуб, 2008.

6. История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963: док. и материалы. Т. 3. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Ч. 2 (1933–1937). М.: Терра, 2011.

7. Копии докладных записок секретаря обкома ВКП(б) в совнарком по вопросам работы СТЗ, завода № 264, об освоении Волго-Ахтубинской поймы. Справки в редакцию газеты «Правда» в связи с опубликованием статьи специального корреспондента «когда решение не подкрепляется практическими делами» и по другим вопросам промышленности, сельского хозяйства, строительства промышленных предприятий. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 12. Д. 11. 120 л.

8. Материалы к докладу государственного управления по строительству социалистических городов, по вопросу «работа Сталинградстроя в 1930 году и перспектива капитального строительства сталинградского промышленного района в 1931 году» // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 104. 73 л.

© Артемов П.А., 2026

9. Материалы по работе завода № 264. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 11. Д. 162. 92 л.

10. Петров П.В. Проблемы советского судостроения в предвоенные годы. По опыту ленинградских предприятий // Военно-исторический журнал. 2011. № 4. С. 59–62.

11. Промышленная Астрахань: сб. Астрахань: газ. «Волга», 1959.

12. Протоколы и выводы заседаний комиссии по проверке кадров Сарептской судоверфи, конторы «трансстроя» и списки работников. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 136. 28 л.

13. Справки инструкторов отдела, докладные хозяйственников о выполнении программ предприятиями, о ходе работы по ликвидации последствий вредительства по Красноармейской судоверфи, о противопожарных мероприятиях. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 1. Д. 543. 178 л.

14. Справки, докладные руководителей заводов № 91 и «Красный Октябрь» о строительстве заводов, о выполнении планов, о недостатках в работе заводов и о мерах по изжитию их. Письмо обкома министерству химической промышленности об оказании помощи заводу № 91. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 11. Д. 77. 133 л.

15. Справки, сведения, отчеты о строительстве по стройконторе Волгопромстрой при заводе № 264. О работе завода № 264. Справки о работе Красноармейской судоверфи (к протоколу бюро Обкома ВКП(б)). // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 11. Д. 79. 123 л.

16. Федосеев П. От речных барж до морских судов. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1967.

17. Ханин Г.И. Три варианта первого пятилетнего плана экономики СССР: от реализма к утопии // TERRA ECONOMICUS. 2022. Т. 20. № 3. С. 52–71.

PAVEL ARTYOMOV
Volgograd State Socio-Pedagogical University

CONSIDERING THE ISSUE OF THE ORIGIN AND ESTABLISHMENT OF THE STALINGRAD SHIPBUILDING YARD IN THE 1930–1941S

The study of the process of building the Krasnoarmeysky shipyard in the historical prospect in the period from the 1930s to the summer of the 1941s is presented. The study was conducted on the basis of studying the archive material of the Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd region and the supplementary literature. The basic reasons of solving the building of shipyard were revealed, the process of its building and reconstruction was studied. There was conducted the comparative analysis with the other enterprises of city and country. The role of building the shipyard is revealed.

Keywords: *Krasnoarmeysky shipyard, shipbuilding, tank building, industrialization, first five years, industry, history of Stalingrad.*

© Артемов П.А., 2026

Педагогические науки

УДК 373.2

В.Р. ВАРФОЛОМЕЕВА
(varfolomeeva.valerochka@mail.ru)
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

ВИРТУАЛЬНАЯ ЭКСКУРСИЯ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДОШКОЛЬНИКОВ*

Представлена экспериментальная работа по формированию патриотической культуры у детей старшего дошкольного возраста посредством виртуальных экскурсий. Такая форма воспитания не только расширяет кругозор детей, но и способствует развитию чувства гордости за свою Родину, уважения к подвигам предков и сохранению памяти о значимых событиях отечественной истории.

Ключевые слова: *патриотическое воспитание, патриотическое мероприятие, виртуальная экскурсия, дошкольный возраст, родная культура, познавательный интерес.*

Современное общество отличается высоким уровнем технологизации жизни, увеличением информационных потоков и многообразием культур. Все эти факторы создают серьезные вызовы образованию, т. к. прежние механизмы передачи духовно-нравственных ценностей перестают эффективно функционировать, и приходится искать новые подходы и методы воспитания, способные противостоять негативным тенденциям современности. Одна из ключевых проблем дошкольного образования – формирование патриотической культуры. Патриотическая культура служит основой для сохранения национального самосознания, культурного наследия и исторической преемственности поколений [3].

Несмотря на достигнутые успехи в разработке данной проблемы, остается еще немало вопросов, требующих детального рассмотрения. Например, необходимо выяснить, какими средствами и способами можно эффективно формировать патриотическую культуру у молодого поколения, как преодолеть существующие стереотипы и предрассудки, мешающие развитию здорового патриотизма, какое место в патриотическом воспитании занимает семья. Патриотическое воспитание в дошкольном возрасте крайне важно, т. к. именно в период дошкольного детства закладываются основы гражданской и национальной идентичности.

Цель исследования: изучить особенности формирования патриотической культуры у детей старшего дошкольного возраста посредством виртуальных экскурсий.

В современном мире дети с самого раннего возраста погружены в мир информационно-компьютерных технологий. Именно поэтому виртуальная экскурсия, которая использует цифровые инструменты, становится особенно эффективным средством воспитания [2].

Этапы подготовки и проведения виртуальной экскурсии [4]: определение цели и темы экскурсии; подготовка материала; организация рабочего пространства; проведение самой экскурсии; обратная связь: обсуждение увиденного и услышанного, проверка уровня понимания и заинтересованности воспитанников; заключительный этап: подведение итогов экскурсии, составление рассказов или рисунков по итогам проведенного занятия.

Исходя из цели нашей работы, был проведен эксперимент, который включал три этапа: констатирующий, формирующий и контрольный. Экспериментальная работа проводилась на базе МБДОУ «Детский сад № 29 г. Ельца» Липецкой области. В эксперименте приняли участие 25 детей старшего дошкольного возраста.

Констатирующий эксперимент был направлен на изучение уровня сформированности патриотической культуры у детей старшего дошкольного возраста; были выделены критерии и показатели, а также определены методы диагностики (см. табл. 1 на с. 53).

* Работа выполнена под руководством Паршуткиной Т.А., кандидата педагогических наук, доцента кафедры педагогики и профессионального образования ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

© Варфоломеева В.Р., 2026

Таблица 1

Организация работы по изучению уровня сформированности патриотической культуры

Критерии	Показатели	Методы исследования
Когнитивный	1) наличие познавательного интереса к прошлому и настоящему своего народа, своей семьи и своего Отечества; 2) объем патриотических знаний: знания о Родине, о родном крае, об истории своей семьи.	модифицированная методика «С чего начинается Родина?» (автор: В.М. Хлыстова [6]); модифицированная методика «Неоконченные предложения» (авторы: Е.В. Федотова, И.В. Скворцова [5]).
Ценностный	наличие патриотических чувств: ощущение чувства гордости за свою Родину, осознание себя гражданином своей страны.	модифицированная методика «Неоконченные предложения» (авторы: Е.В. Федотова, И.В. Скворцова [5]); модифицированная методика «Я – патриот» (автор: Н. Бирюкова [1]).
Поведенческий	патриотическая активность: желание заниматься патриотической деятельностью.	модифицированная методика «Я – патриот» (автор: Н. Бирюкова [1]).

На основании выделенных критериев и показателей нами были определены следующие уровни сформированности у детей старшего дошкольного возраста патриотической культуры.

Высокий уровень: у ребенка ярко выражен познавательный интерес к истории и культуре своего народа, семьи и Отечества; он активно изучает прошлое и настоящее своей страны, знает о ее достопримечательностях и выдающихся личностях; испытывает чувство гордости за свою Родину; проявляет желание заниматься патриотической деятельностью; осознает себя гражданином и патриотом.

Средний уровень: ребенок обладает начальными знаниями об истории Отечества и родного края, включая представления о его природе и значимых местах; его интерес к этим темам, как правило, пробуждается под руководством взрослых; он демонстрирует позитивное отношение к Родине, выражая гордость за нее; в то же время, его вовлеченность в патриотические мероприятия невысока, и он нуждается в дополнительной мотивации для активного участия.

Низкий уровень: уровень знаний ребенка об истории своего народа, страны и культуре поверхностный; он знает лишь отдельные факты; интерес к истории родного края и Отечества, а также к его памятным местам, проявляется нерегулярно; в патриотических мероприятиях он участвует без особого желания.

Результаты уровней сформированности патриотической культуры детей старшего дошкольного возраста представлены на рис. 1.

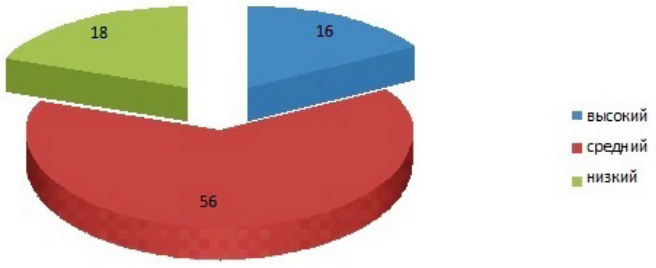

Рис. 1. Уровни сформированности патриотической культуры у детей старшего дошкольного возраста (%)

© Варфоломеева В.Р., 2026

На основании полученных результатов в ходе проведения констатирующего эксперимента можно сделать вывод о том, что патриотическая культура у большинства старших дошкольников находится на среднем уровне. Это означает, что дети обладают знаниями и представлениями о своей большой и малой Родине, однако у них невысокая активность патриотической деятельности, и не полностью сформированы мотивы этой деятельности, а также ценностное отношение к Родине.

Рассмотрев теоретические положения исследуемой проблемы, определив ее состояние в практике дошкольных образовательных организаций и выявив недостаточно высокий уровень сформированности патриотической культуры старших дошкольников, мы провели формирующий эксперимент. Его цель – формирование патриотической культуры у детей старшего дошкольного возраста средствами виртуальных экскурсий.

Нами был разработан и организован комплекс занятий с использованием виртуальных экскурсий по региону. Перспективный план работы по формированию патриотической культуры у детей старшего дошкольного возраста представлен в табл. 2.

Таблица 2

План работы по формированию патриотической культуры у детей старшего дошкольного возраста посредством виртуальных экскурсий

Раздел «Мой любимый город»		
Тема	Цели	Методы и приемы
Мой родной город	− познакомить дошкольников с городом Елец; −заинтересовать детей историей города; −воспитать чувство уважения к его истории, жителям; −развить чувство гордости за свою малую родину; − расширять и углублять знания детей о таком понятии, как «малая родина»	Беседа, рассказ воспитателя, виртуальная экскурсия «Мой любимый город»
История города	познакомить детей с историей возникновения города, его названия; вызвать интерес к своему городу, привить чувство гордости за него	Беседа, рассказ воспитателя об истории города, виртуальная экскурсия «От кольчуги до мундира»
Улицы и площади города	познакомить детей с происхождением названий некоторых улиц и площадей города	Беседа, рассказ воспитателя о людях, в честь которых названы улицы, виртуальная экскурсия «Помолчим у истории, бронзою ставшей»
Музеи города Ельца	пробуждать интерес и сформировать представление об исторической достопримечательности города.	Беседа, рассказ воспитателя, дидактические игры и упражнения, виртуальная экскурсия «Музей города Ельца».

Задачей контрольного этапа исследования являлось изучение эффективности работы по формированию патриотической культуры старших дошкольников посредством виртуальных экскурсий в условиях региона. Со старшими дошкольниками проводилась та же диагностическая работа, что и на этапе констатирующего эксперимента.

На основании выделенных ранее критериев и показателей развития патриотизма у детей старшего дошкольного возраста, нами были выделены уровни развития патриотической культуры. Они представлены на рис. 2 (см. на с. 55).

© Варфоломеева В.Р., 2026

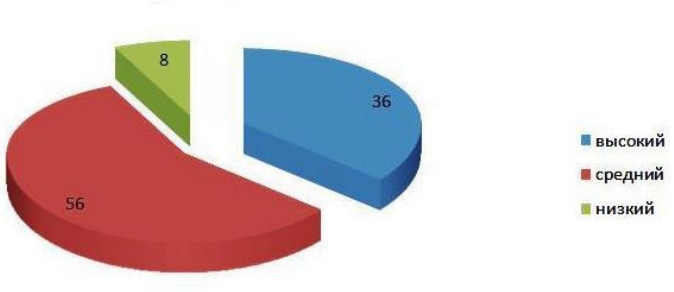

Рис. 2. Уровни сформированности патриотической культуры у детей старшего дошкольного возраста по результатам контрольного эксперимента (%)

Сравнительные результаты уровня сформированности патриотической культуры у старших дошкольников на этапах констатирующего и контрольного экспериментов представлены на рис. 3.

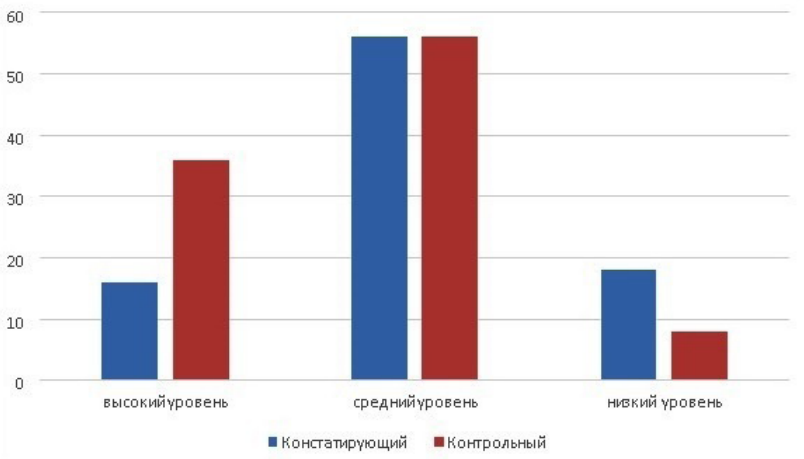

Рис. 3. Сравнительные результаты уровней сформированности патриотической культуры у старших дошкольников на этапах констатирующего и контрольного экспериментов

Результаты контрольного эксперимента показали положительную динамику, в результате чего можно заключить, что виртуальные экскурсии являются эффективным средством формирования патриотической культуры старших дошкольников.

Литература

1. Бирюкова Н.Н. Методика «Я-патриот» // Костылева Д.А. Подбор диагностик по измерению гражданско-патриотических качеств. [Электронный ресурс]. URL: https://multiurok.ru/files/podbor-diagnostik-po-izmereniiu-grazhdansko-patrio.html?ysclid=mma6a8cdpv588317501 (дата обращения: 25.12.2025).

2. Корниенко Ю.В., Фетисова К.А. Онлайн-экскурсия как средство воспитания любви к малой родине // Филологические аспекты начального образования: история, современность и перспективы развития: материалы всерос. науч.-практич. конф. молодых ученых. (г. Москва, 13 апр. 2019 г.). М.: Москов. пед. гос. ун-т, 2019. С. 76–81.

3. Нурова А.А. Виртуальная экскурсия как средство воспитания патриотических чувств у детей старшего дошкольного возраста // Педагогические науки: актуальные вопросы теории и практики: сб. ст. IX Междунар. науч.-практич. конф. (г. Пенза, 30 янв. 2025 г.). Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. С. 23–25.

4. Папенкова Ю.И., Подчасова И.И. Патриотическое воспитание детей дошкольного возраста // Интерактивная наука. 2022. № 6(71). С. 48–49.

© Варфоломеева В.Р., 2026

5. Федотова Е.В., Скворцова И.В. Диагностика формирующихся гражданско-патриотических качеств у учащихся 1–2 классов. Методика «Неоконченные предложения» // Агеева Е.Н. Диагностика формирующихся гражданско-патриотических качеств у учащихся 1–2 классов. [Электронный ресурс]. URL: https://nsportal.ru/vuz/pedagogicheskie-nauki/library/2019/05/31/diagnostika-formiruyushchihsya-grazhdansko (дата обращения: 12.12.2025).

6. Хлыстова В.М. Диагностический материал. Методика «С чего начинается Родина? // Образовательная социальная сеть nsportal.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/vospitatelnaya-rabota/2022/04/02/diagnosticheskiy-material (дата обращения: 02.12.2025).

VALERIYA VARFOLOMEEVA
Bunin Yelets State University

VIRTUAL EXCURSION AS THE MEANS OF DEVELOPMENT OF PATRIOTIC CULTURE OF PRESCHOOL CHILDREN

The experimental work of developing the patriotic culture of children of senior preschool age by the means of virtual excursions is demonstrated. This form of upbringing is aimed not only to broaden the horizons of children but also to develop the sense of pride in one's Motherland, the respectful attitude towards the ancestors' exploits and the commemoration of the significant events of the national history.

Keywords: *patriotic education, patriotic event, virtual excursion, preschool age, native culture, cognitive interest.*

© Варфоломеева В.Р., 2026

УДК 372.881.161.1

Е.А. КОСТРЫШОВА, Л.В. ХРИЧЕНКО
(kostryshova@yandex.ru, l-larina@list.ru)
МОУ «Средняя школа с углублённым изучением отдельных предметов № 81 имени Героя Советского Союза П.А. Панина Центрального района Волгограда»

РАБОТА НАД РЕЧЕВЫМИ ОШИБКАМИ, СВЯЗАННЫМИ С НЕУМЕСТНЫМ УПОТРЕБЛЕНИЕМ РАЗГОВОРНЫХ СЛОВ

Исследуется проблема работы над речевыми ошибками, связанными с неуместным употреблением разговорных слов. Рассматривается понятие «разговорная лексика» и работа с неуместным употреблением разговорных слов.

Ключевые слова: *фразеологизмы, разговорная лексика, стилистические ошибки, неуместное употребление разговорной лексики, исправление ошибок.*

Разговорная речь представляет собой особую стилистически однородную функциональную систему, настолько обособленную от книжной речи (её иногда называют литературным языком), что это позволило известному лингвисту Л.В. Щербе сделать такое замечание: «Литературный язык может настолько отличаться от разговорного, что приходится иногда говорить о двух разных языках» [4, с. 18].

Разговорная речь характеризуется особыми условиями функционирования, к которым относятся отсутствие предварительного обдумывания высказывания и связанное с этим отсутствие предварительного отбора языкового материала, непосредственность речевого общения между его участниками, непринужденность речевого акта, связанная с отсутствием официальности в отношениях.

Разговорный стиль является самым распространённым из всех стилей, т. к. обслуживает сферу непринужденного общения людей. Таким образом, ему необходимо уделять особое внимание при изучении.

Активное изучение разговорной речи началось в 60-х гг. XX столетия. Стали анализировать магнитофонные и ручные записи непринужденной естественной устной речи. Ученые выделили специфические лингвистические особенности разговорной речи в фонетике, морфологии, синтаксисе, словообразовании, лексике.

Е.А. Земская в книге «Русская разговорная речь» [1] исследовала общие вопросы разговорной лексики. Лингвист воспринимает разговорную речь как разновидность литературного языка, обнаруживающейся в условиях непринужденного общения, исследуются как вопросы общего характера, так и вопросы словообразования и синтаксиса. О.Б. Сиротинина относит разговорную речь к особому стилю [3].

В связи с тем, что разговорная речь проникла почти во все сферы жизни, школьники не всегда понимают, где уместно употреблять разговорную лексику, а где нет. Исходя из этого, мы ставим следующие задачи:

1. Проанализировать, в каких случаях ученики допускают ошибки при употреблении разговорной лексики.

2. Разработать систему упражнений, с помощью которых будет проводиться работа над речевыми ошибками, связанными с неуместным употреблением разговорных слов.

Ошибки при употреблении разговорной речи относятся к виду стилистических ошибок, т. е. ошибок, обусловленных использованием лексики одного стиля в другом, например, разговорного в научном или официально-деловом. Так, зачастую школьники при написании сочинений, публичных выступлениях употребляют разговорную лексику, которая абсолютно не уместна. . Это может происходить из-за того, что разговорная лексика активно используется в дневниковых записях и интернет-переписках, которыми в повседневной жизни часто обмениваются ученики.

Чтобы предотвратить такого рода ошибки необходимо на уроках анализировать тексты разных стилей и наглядно показывать детям, где уместно вставлять разговорную лексику, а где нет. Например, можно дать тексты в официально-деловом, научном, научно-популярном и т. д. стилях, где употреблена разговорная лексика. Детям будут предложены следующие задания:

– прочитать текст;

© Кострышова Е.А., Хриченко Л.В., 2026

– оопределить насколько благозвучен этот текст;
– назвать слова, которые режут слух;
– сказать, почему эти слова не уместны в данном тексте;
– заменить эти слова на подходящие.

Данное задание научит школьников составлять тексты стилистически грамотно и замечать ошибки, допущенные на письме. Данное упражнение подходит для 5–9-х классов.

Также эффективным упражнением по устранению стилистических ошибок, связанных с неверным употреблением разговорной лексики, является подбор синонимов разных стилей. Так, можно дать ученикам ряд разговорных слов и попросить составить к ним синонимический ряд, также необходимо проанализировать получившийся ряд: определить к каким стилям относятся синонимы, в каких ситуациях уместно их употребление, в каких ситуациях ученики не стали бы употреблять данные слова. Как вариант, данное задание можно провести в игровой форме с помощью карточек. Учитель составляет картотеку с разговорными словами и их синонимами, помещает на доску, а дети соединяют их между собой. Данное упражнение подойдет для 5–9-х классов. Оно поможет школьникам в будущем легко заменять разговорные слова, которые не подходят в той или иной речевой ситуации.

Для устранения разговорной лексики в публичных высказываниях можно применять устные ответы на вопросы. Например, после прочтения какого-либо текста дети должны ответить на вопросы учителя по прочитанному. Во время выполнения данного задания у детей должен сформироваться навык продумывания своего высказывания наперед.

Необходимо ученикам прививать культуру общения, т. е. объяснять им, с кем и как общаться. В связи с тем, что необходимо понимать, что, например, диалог с другом и диалог с учителем сильно отличается. Для этого подойдет задание по составлению диалогов. Можно предложить ученикам составить диалоги с лучшим другом, учителем, родителями, знакомым и т. д. Дети должны составить не менее двух диалогов на одну тему, чтобы была видна разница в общении. Каждый диалог должен быть проанализированным. Примерные вопросы для анализа:

1. Обратите внимание на лексику, есть ли ваших диалогах просторечия и жаргонизмы. Если есть, то в каком диалоге? Почему?
2. Какие слова в разговоре с другом вы не будете использовать в разговоре с другим человеком, например, с учителем? Почему?

Также школьники часто неверно употребляют фразеологизмы. Это обусловлено тем, что дети неверно толкуют их значение, совмещают два фразеологизма, употребляют устойчивые выражения в тех стилях, где они совершенно не нужны.

Чтобы дети запомнили их значение можно применить творческий подход. Например, на одних карточках написать фразеологизмы, а на других значения, затем расположить полученные карточки на доске в хаотичном порядке и попросить ребят соотнести фразеологизмы и их толкование. Такая же работа может быть направлена и на запоминание структуры устойчивых выражений. Различаться карточки будут в следующем: на одних – мы пишем первую часть фразеологизма, на других – вторую, т. е. дробим фразеологизм. Ещё можно попросить учеников создать и продемонстрировать ситуацию, к которой подойдет тот или иной фразеологизм. Альтернативным вариантом может служить задание по созданию иллюстрации к фразеологизму. Так, детям будет проще и интереснее запоминать полученную информацию.

Как правило, работа над фразеологизмами проводится во всех классах, но дополнительно можно просить учеников составлять устные монологи на определенную тему с использованием различных фразеологизмов. После своего монолога каждый должен ответить на следующий вопрос: «Зачем я использовал фразеологизмы в своем выступлении?». Представленное упражнение может использоваться и для работы над уместным употреблением разговорной лексики в публичном высказывании, только необходимо поменять вопрос, например: «Для чего я использую разговорную лексику в данном монологе?». Для большей продуктивности задания класс вместе с учителем может оценить выступающего и указать на недостатки, если такие имеются. Педагог должен следить за тем, чтобы все замечания были объективными и тактичными.

© Кострышова Е.А., Хриченко Л.В., 2026

Также учитель сам может читать тексты, в которых допущены стилистические ошибки по нашей теме, а ученики исправлять их. Такое задание позволит ученикам научиться воспринимать текст на слух и слышать ошибки в живой речи.

В работе над данной темой ученикам необходимо донести, что иногда автор намеренно смешивает стили, в частности употребляет разговорную лексику там, где нельзя этого делать. Чтобы дети поняли, когда можно так делать, а когда нет – можно предоставить им два текста, где в одном случае употребление разговорных слов оправдано, а в другом – нет. При анализе таких текстов необходимо ответить на следующие вопросы:

– Какой текст более благозвучен? Почему?
– С какой целью автор включает в свой текст разговорную лексику?
– Какого эффекта добивается автор?

В конце обсуждения класс должен прийти к выводу, смешение разных стилей в одном тексте допустимо только для достижения специального художественного эффекта.

В качестве закрепления работы над речевыми ошибками, связанными с неуместным употреблением разговорных слов, учитель может предложить своим подопечным составить гайд (пошаговую инструкцию) по устранению данных ошибок, т. е. каждый представит, на что необходимо обращать внимание при составлении публичного выступления и письменной работы. Этот вид работы полезен тем, что дети смогут систематизировать всю полученную информацию и тем, что у них всегда перед глазами будут эти правила, к которым они смогут прибегнуть при возникновении трудностей.

Также в качестве закрепления можно предложить составить детям чек-лист (перечень, состоящий из пунктов, которые нужно выполнить либо проверить), в котором будут представлены задания по устранению речевых ошибок, связанных с разговорной лексикой. После утверждения этих чек-листов учителем школьники меняются ими друг с другом и выполняют предложенные задания.

Почему так важно преподавателям русского языка уделять внимание изучению разговорной речи и особенно ошибкам, связанным с разговорной лексикой? Разговорная речь заполонила мир школьников, они, не задумываясь, употребляют ее во всех сферах жизни, поэтому задача учителя показать им, что употребление разговорных слов не всегда уместно, научить детей грамотно строить свои высказывания, ведь красивая речь – залог успешного человека. Существует большое количество упражнений, которые помогают избавиться от ошибок, связанных с неуместным употреблением разговорных слов.

Литература

1. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. 4-е изд, перераб. и доп. М.: Флинта: Наука, 2011.
2. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2008.
3. Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Просвещение, 1974.
4. Щерба Л.В. Современный русский литературный язык: 120 лет ЛГУ: тезисы докладов. Л., 1939.

EKATERINA KOSTRYSHOVA, LARISA KHRICHENKO
Municipal Secondary School with Advanced Study of Selected Subjects No. 81
named after the Hero of the Soviet Union P.A. Panin of the Central District of Volgograd

THE WORK WITH SPEECH MISTAKES ASSOCIATED WITH THE IRRELEVANT USE OF COLLOQUIAL WORDS

The issue of work with speech mistakes, associated with the irrelevant use of colloquial words, is studied. The concept "conversation vocabulary" and the work with the irrelevant use of colloquial words are considered.

Keywords: *phraseological units, conversation vocabulary, stylistic mistakes, irrelevant usage of conversation vocabulary, correction of mistakes.*

© Кострышова Е.А., Хриченко Л.В., 2026

УДК 373.2

Я.Ю. СИДОРЕНКО
(yanasidorenko2311@gmail.com)
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА НА ОСНОВЕ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ*

Статья посвящена актуальной проблеме современного дошкольного образования – духовно-нравственному воспитанию. В настоящее время необходимо возрождение традиционных ценностей. Основные ценности, на которых должно строиться воспитание подрастающего поколения – это любовь к Родине, семье, дружбе, взаимопомощь, любовь к природе. Автор представляет программу «Маленькие сердца», которая знакомит детей старшего дошкольного возраста с христианскими добродетелями.

Ключевые слова: *традиции, дошкольный возраст, ценности, вера, православные праздники.*

Дошкольный возраст – это время, когда дети накапливают опыт нравственного поведения. В возрасте семи лет дети учатся контролировать свои поступки усилием воли; умеют говорить и слушать, понимать и точно выполнять указания взрослого; действовать в соответствии с правилами; сосредоточивать и удерживать внимание в образовательной деятельности в течение длительного времени. Именно тогда начинается их путь к пониманию духовных ценностей, формируется их представление о добре и зле [3, с. 45]. В процессе воспитания, как отмечают О.А. Еремеева и А.М. Юдина, стоит сосредоточиться на самом главном – на формировании человечности; это то, что выходит за рамки набора умений и знаний, которые развиваются на протяжении всей жизни [4, с. 242].

Одним из средств духовно-нравственного воспитания ребенка является знакомство его с православными культурными традициями. Формы такой работы включают: празднование народных праздников, вовлечение детей в трудовую деятельность, беседы на нравственные темы, прослушивание специально отобранных народных сказок, использование малых форм фольклора (пословицы, поговорки, потешки). Особое внимание уделяется знакомству с музыкальными и живописными произведениями на основе евангельских сюжетов [2].

Несмотря на достигнутые успехи в разработке данной проблемы, остается еще немало вопросов, требующих детального рассмотрения. Например, необходимо выяснить, какими средствами и способами можно эффективно воздействовать на духовно-нравственную сферу молодого поколения, как преодолеть существующие стереотипы и предрассудки, мешающие развитию здорового патриотизма, какое место в духовно-нравственном воспитании занимает семья. Родители могут принимать активное участие в организации и проведении мероприятий, посвященных духовно-нравственному воспитанию. Такие совместные мероприятия позволяют создать атмосферу поддержки и взаимодействия между семьей и образовательным учреждением, а также позволяют усилить нравственные ценности в сознании детей.

Необходимо отметить, что каждое направление воспитания неразрывно связано с остальными и требует комплексного подхода. Например, воспитание патриота начинается с понимания культурного наследия, национальных ценностей и обычаев прошлого, переданных нам нашими предками. Одним из ярких примеров универсального подхода являются музейные уроки, экскурсии в исторические памятники и изучение народной культуры. Здесь особое внимание уделяется поддержке детской инициативы и самостоятельности, созданию ситуаций успеха и мотивации к действиям, выражающим любовь к родине.

К сожалению, выпускники детских садов имеют лишь общее и неглубокое представление о русской культуре и моральных ценностях (милосердие, добро, щедрость и т. д.). Чтобы этого избежать,

* Работа выполнена под руководством Паршуткиной Т.А., кандидата педагогических наук, доцента кафедры педагогики и профессионального образования ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

© Сидоренко Я.Ю., 2026

важно создавать в детском образовательном учреждении особую, насыщенную среду, в которой они по-настоящему могут проникнуться любовью к культурно-историческому наследию нашей страны [1, с. 40]. Мероприятия в детских садах, организованные совместно с родителями, краеведческими музеями и общественными организациями, помогают детям лучше осознать свою идентичность и значение традиций предков.

Нами была спроектирована образовательная программа «Маленькие сердца», которая знакомит детей с примерами благочестивой жизни святых, с традициями православных праздников, семейными ценностями, что способствует формированию представлений о добродетелях и потребности следовать высоким нравственным идеалам.

Задачи программы:

1) акцентировать детское внимание на красоте природы;

2) на основе Священного Писания дать представление о человеческих ценностях, способствовать укреплению этих ценностей в детском сознании;

3) создать атмосферу для возникновения между детьми дружеских отношений;

4) приобщить детей к культурно-историческим традициям нашей Родины на основе русской истории и русского фольклора;

5) повысить значение семейных ценностей;

6) развивать речь ребенка и повысить его словарный запас;

7) дать первые сценические навыки.

Планируемые результаты освоения программы:

– усвоение детьми нравственных понятий: что такое «зло» и «добро» и др.;

– представления у детей старшего дошкольного возраста о Боге, об Иисусе Христе, событиях Священного Писания, защитниках веры и Отечества, чья жизнь служит примером для подражания;

– проявление чувства сострадания, послушания, милосердия, уважения к старшим, почитания родителей, доброго отношения к окружающим, ответственности за свои дела и поступки;

– умение размышлять на духовно-нравственные темы на основе полученных знаний (библейские истории, православные мультфильмы, иллюстрации, видеоматериалы и др.);

– проявление бережного и гуманного отношения к окружающему миру, растениям, животным;

– заботливое, уважительное, ответственное отношение к людям, их достижениям, труду и поступкам; активное стремление к различным видам труда и творчества.

Мы провели комплекс занятий, позволяющих детям седьмого года жизни приобрести опыт нравственного поведения. Беседы по темам сочетают три направления: образовательное, познавательное и развлекательное.

Представим содержание программы духовно-нравственного воспитания детей седьмого года жизни «Маленькие сердца» (см. табл.).

Таблица

Программа духовно-нравственного воспитания дошкольников «Маленькие сердца»

№ п/п	Наименование темы	Реализуемые цели	Средства реализации
1	Вводное занятие «Осень в родном краю»	Знакомство с природой родного края. Воспитание бережного отношения к природе	Игра «Воздух, земля, вода, огонь». Показ иллюстраций, чтение рассказа М.М. Пришвина
2	«Животные, растения, деревья из Библии»	Знакомство детей с животными, птицами, растениями	Просмотр иллюстраций с помощью мультимедийной установки. Просмотр видео «Сотворение мира»
3	«День рождение моей мамы»	Воспитание добрых отношений	Просмотр мультфильма. Беседа о маме

© Сидоренко Я.Ю., 2026

№ п/п	Наименование темы	Реализуемые цели	Средства реализации
4	«Наш детский сад»	Беседа о профессиях в детском саду	Игра «Я-ветеринар»
5	«Наши предки»	Формирование представления о наших предках	Чтение сказки Н. Телешова «Крупеничка». Беседа «Место обитания наших предков, их быт»
6	«Наша родина – Россия»	Знакомство с городом Липецк, с его историей	Рисуем липы – символ нашего города»
7	«Дружба»	Формирование дружеских отношений	Проектная деятельность вместе с родителями: чествуем именинников осени. Беседа о празднике дне рождения
8	«Твори добро»	Воспитание добрых, гуманных чувств	Рисунок в скечбуке – щенок. Беседа о милосердии
9	«День народного единства»	Знакомство с государственным флагом	Рисунок в скечбуке: флаг России
10	«Богатыри земли русской»	Формирование представлений о «добре» и «зле», о защитниках Отечества	Просмотр отрывка из мультфильма об Илье Муромце. Беседа о бога тырях
11	«Мы все разные, мы все равны»	Формирование представлений о других, других культурах	Просмотр отрывка из мультфильма. Беседа о различиях между людьми
12	«Храм».	Формирование представления о Боге, об Иисусе Христе, событиях Священного Писания	Беседа о храмах города Москвы. Интерактивная экскурсия в храм
13	«Святитель Николай Чудотворец»	Формирование представления о Боге, об Иисусе Христе, событиях Священного Писания	Изготовление подарков для своих друзей. Беседа о Святителе Николае. Чтение рассказа о Святителе
14	«Березка-символ России»	Воспитание добрых, гуманных чувств	Просмотр презентации о березе
15	«Что такое хорошо и что такое плохо»	Формирование представлений о «добре» и «зле»	Просмотр мультфильма «Волк и семеро козлят»
16	«Рождество»	Знакомство с православными праздниками	Рисунок в скечбуке
17	«Забота о ближнем»	Формирование заботливого отношения	Просмотр мультфильма
18	«Хлеб всему голова»	Знакомство с народными традициями	Игра. Беседа о хлебе
19	«Русская изба»	Знакомство с народными традициями	Просмотр мульфильма. Беседы об истории русского народа»
20	«Русский сувенир»	Формирование понятия о народном прикладном творчестве	Поздравление именинников зимы. Проект вместе с родителями
21	«Прогулки по весеннему парку»	Знакомство с народными традициями	Рисунок ласточки. Беседа о природе
22	«Пасхальная радость»	Знакомство с православными праздниками.	Нарисовать пасхальный кулич.

© Сидоренко Я.Ю., 2026

Наша программа знакомит детей старшего дошкольного возраста с христианскими добродетелями (милосердие, добро, щедрость и т. д.), с житием защитников православной веры и Отечества, с православной архитектурой, с молитвой, со Священным Писанием, с православными праздниками, традициями и ценностями православной семьи. Она может быть использована в дошкольном образовательном учреждении.

Литература

1. Бутенко Н.В. Пути социализации детей дошкольного возраста в современном культурно-образовательном пространстве // Вестник Южно-Уральск. гос. гуманитар.-педагогич. ун-та. 2024. № 5(183). С. 40–54.
2. Ильина О.С. Духовно-нравственное развитие как новая образовательная область дошкольного образования // Вестник Тверск. гос. ун-та. Сер.: Педагогика и психология. 2025. № 1(70). С. 247–257.
3. Масюра Т.Р. Роль духовно-нравственного воспитания в личностном развитии дошкольников // Традиции и новации в дошкольном образовании. 2017. № 1. С. 45–47.
4. Юдина А.М., Еремеева О.А. Духовно-нравственное воспитание дошкольников // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 10-4(97). С. 242–244.

YANA SIDORENKO
Bunin Yelets State University

SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION OF CHILDREN OF PRESCHOOL AGE ON THE BASIS OF THE ORTHODOX CULTURE

The article deals with the urgent issue of the modern preschool education – spiritual and moral education. Nowadays it is necessary to renew the traditional values. The fundamental values that the education of the younger generation has to be based on, are love for the country, family, friendship, mutual help and love for nature. The author introduces the program "Little hearts", getting acquainted the children of senior preschool age with the Orthodox virtues.

Keywords: *traditions, preschool age, values, belief, Orthodox holidays.*

© Сидоренко Я.Ю., 2026

УДК 373.3

К.Н. ТОЛОКОННИКОВА
(tolokonnikovaksenia23@gmail.com)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ЭСКПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ ОВЛАДЕНИЯ МЛАДШИМИ ШКОЛЬНИКАМИ СТИЛИСТИЧЕСКИМ АНАЛИЗОМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА*

Рассматриваются два ключевых понятия: «читательская компетентность», «стилистический анализ художественного текста», а также их взаимосвязь. Особое внимание уделяется ключевым принципам стилистического анализа, которые необходимо учитывать педагогу при работе над художественным текстом на уроках литературного чтения. Анализируется проведенное автором диагностическое исследование по выявлению уровня овладения младшими школьниками стилистическим анализом художественного текста. Предлагаются необходимые методические рекомендации для педагогов.

Ключевые слова: *понятия «читательская компетентность», «стилистический анализ художественного текста»; всестороннее развитие младшего школьника; основные принципы стилистического анализа текста; диагностическое исследование; методические рекомендации.*

В современном образовательном процессе, который в первую очередь направлен на формирование всесторонне развитой личности младшего школьника, ключевое значение приобретает навык чтения. Прежде всего он раскрывается через работу над различными текстами как в учебниках по литературному чтению, так и в других пособиях, используемых и во внеурочное время. Чтобы учитель начальных классов смог правильно сформировать у учеников читательскую культуру, способствующую развитию критического мышления, необходимо, чтобы на уроках литературного чтения дети учились не только читать и понимать текст, выделяя основную мысль, но и анализировать художественное произведение, осознавать его структуру, а также выявлять языковые средства, используемые автором для передачи сюжетной линии.

В связи с этим в настоящее время особую актуальность приобретает обучение младших школьников стилистическому анализу художественного текста на уроках литературного чтения. Эта проблема напрямую связана с реализацией требований, заложенных в Федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования (ФГОС НОО), который ставит основную цель – развитие у учеников начальной школы на уроках чтения универсальных учебных действий (УУД), в особенности, познавательного характера, которые подразумевают: осмысленное понимание и оценку информации, содержащейся в художественных текстах и способность к ее анализу; выделение главной мысли конкретного произведения [17, с. 24]. Для успешного формирования у школьников этих навыков учителю начальных классов необходимо обучать их корректному стилистическому анализу художественных текстов. Вопрос об обучении младших школьников стилистическому анализу рассматривался ранее в педагогической науке. Развитие речевых навыков и формирование культуры чтения у детей всегда волновали выдающихся ученых, например, Л.С. Выготского, акцентирующего внимание на том, как искусство влияет на развитие психических функций [6], М.М. Бахтина, который создал концепцию диалогичности текста и понимания авторской позиции [1]. В отечественной методике обучения литературному чтения в начальной школе значительный вклад в разработку подходов к анализу художественных текста внесли В.Г. Маранцман [10], Г.Н. Кудина и З.Н. Новлянская [11], которые предоставили разнообразные приемы и методы работы с текстом, направленные на развитие у школьников способности к оценке художественных произведений.

Исходя из актуальности темы, нами была поставлена цель исследования – разработать, теоретически обосновать и экспериментально проверить эффективность методической системы обучения млад-

* Работа выполнена под руководством Бурмистровой Е.А., кандидата филологических наук, доцента кафедры теории и методики начального образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Толоконникова К.Н., 2026

ших школьников стилистическому анализу художественного текста на уроках литературного чтения, направленной на формирование базовых навыков анализа и способствующей развитию функционально грамотной личности.

Начальная школа – это первая и чрезвычайно важная ступень в жизни каждого школьника. Здесь ребенок не только знакомится со школьной жизнью, но и приобретает необходимые навыки социализации, такие как общение со сверстниками и учителями. В настоящее время перед начальным образованием стоит крайне серьезная задача – заложить прочный фундамент для успешного обучения и всестороннего развития младшего школьника [8]. Одним из ключевых компонентов для успешной реализации является развитие у учащихся читательской компетентности.

Наиболее общее и полное представление о читательской компетентности, на наш взгляд, раскрывает Н.Н. Светловская. В ее определении четко отражены личностные качества, формируемые у младшего школьника в процессе чтения. Н.Н. Светловская утверждала: «Читательская самостоятельность – это личностное свойство, позволяющее читателю при первой необходимости привычно обращаться в мир книг за недостающим ему опытом и с минимальными затратами времени и сил находить в этом мире и присваивать на максимально доступном ему уровне нужный опыт или устанавливать, что интересующий его опыт пока в книгах не описан» [16, с. 13]. Поэтому сформированная читательская компетентность позволяет младшему школьнику грамотно читать и понимать смысл прочитанного, является ключевым навыком, необходимым как для освоения школьных дисциплин, так и для повседневной жизни. «Если у ребенка в начальной школе ее не будет – это может создать значительные трудности в дальнейшем процессе обучения и во взаимодействии с окружающими» [15, с. 96].

Однако учителю начальных классов следует помнить о том, что развитие этих навыков и умений не ограничивается только правильной техникой чтения. На первое место выходит осмысление прочитанного, понимание авторского замысла, заложенного в сюжете и использовании различных средств выразительности, а также умение анализировать художественный текст в целом. В связи с этим, одним из ключевых аспектов выступает овладение учащимися навыками стилистического анализа художественного текста.

Что же подразумевается под этим термином? По мнению Е.В. Белиной: «Стилистический или языковой анализ художественного текста представляет собой исследование языковых особенностей текста, направленных на выявление авторских приёмов, которые помогают создавать эстетическое и эмоциональное воздействие на читателя» [3, с. 439]. В свою очередь, как отмечал в своей монографии ««Открытая методика» отечественный литературовед Маранцман В.Г, «предметом стилистического анализа художественного текста служит языковая организация текста, а именно, связи и отношения единиц разных уровней, в единстве выражающих ту или иную линию эстетической концепции произведения» [10, с. 120]. Что касается целей стилистического анализа, то, как утверждали М.С. Васильева, М.И. Оморокова и Н.Н. Светловская, «цель стилистического анализа художественного текста основывается на рассмотрении языковых средств разных уровней и их роли в организации текста» [4, с. 440]. Чтобы учитель эффективно реализовал работу над художественным текстом, основанную на его стилистическом анализе, на уроках литературного чтения в начальной школе ему необходимо опираться на следующие ключевые принципы: художественный текст анализируется комплексно с учетом трех аспектов взаимосвязанных между собой (смысловая нагрузка, художественный образ и лингвистическое оформление); разграничение языковых явлений (в тексте следует отделять нормативные факты от общеязыковых и индивидуальных) и признается активная роль читателя (он рассматривается как соавтор текста) [10]. Соблюдение этих принципов поможет педагогу организовать работу над стилистическим анализом художественного текста таким образом, чтобы младшие школьники могли не только понимать содержание, но и уметь находить и определять ключевую мысль произведения, выявлять языковые средства и выражать свои мысли.

В соответствии с поставленными задачами исследования нами был проведен констатирующий этап эксперимента, целью которого стало выявление уровня овладения младшими школьниками сти-

© Толоконникова К.Н., 2026

листическим анализом художественного текста. Экспериментальное исследование проходило на базе МОУ «Средняя школа № 14 “Зеленый шум” города Волжского Волгоградской области» во 2 «А» классе, количество учащихся в классе составило 32 человека. Нами были разработаны четыре диагностики, каждая из которых предназначалась для определения конкретного навыка второклассников, проявляемого при стилистическом анализе художественного произведения.

Цель первой диагностики заключалась в выявлении понимания младшими школьниками того, как слова и выражения создают яркие образы и передают настроение в художественном тексте. Вторая диагностика была направлена на оценку того, насколько ученик может понять, как автор через свои описания создает характер персонажа, передает его чувства и мотивы деятельности в определенных ситуациях. Целью третьей диагностики являлось определение способности младших школьников понимать авторское отношение к героям, распознавать эмоции, которые автор хочет вызвать у читателя, и определять основную мысль произведения. И, наконец, четвертая диагностика оценивала умения учащихся не только анализировать стилистические приемы, но и самостоятельно использовать их в собственном творчестве.

Констатирующий этап эксперимента предваряла работа, связанная с детальным изучением и анализом 1-й части учебника по литературному чтению во 2-м классе по программе «Школа России» (Л.Ф. Климанова, М.В. Горецкий) [11]. Мы выявили, что в соответствии с программой обучения и календарно-тематическим планированием школьники изучили два основных раздела: «Устное народное творчество» и «Люблю природу русскую. Осень». На момент проведения диагностики учащиеся 2-го класса только приступили к изучению раздела «Русские писатели». Поскольку в данных разделах изучались сказки и лирические произведения, мы обратились к творчеству Г.А. Скребицкого, произведения которого были рекомендованы младшим школьникам в качестве дополнительного чтения на лето. Фрагменты произведений автора разных жанров стали основой разработанных нами диагностик. Рассмотрим поподробнее одну из них. Диагностика № 1 называлась «Анализ словесных образов и средств выразительности». Материал диагностики представлял собой бланк, включающий фрагмент из художественного текста и семь заданий. Для выбора фрагмента учитывались возрастные особенности учащихся и наличие в тексте выразительных средств, таких как эпитеты, метафоры, сравнения и олицетворения. В качестве основы была выбрана сказка Г.А. Скребицкого «Четыре художника», а конкретно – отрывок, описывающий, как Зимушка-Зима создает картину зимнего леса. После работы с текстом, учащимся необходимо было выполнить семь заданий, которые были построены таким образом, что школьникам не только приходилось читать заново текст, но и подробно рассматривать конкретные предложения. В первом задании школьники должны были объяснить значение слово «разукрашу». Для этого им было необходимо обратиться к первому предложению из текста, и подчеркнуть один правильный ответ.

Во втором задании предлагалось в предложении 2 подчеркнуть слова, которые описывают, во что Зима наряжала ели, сосны и кустарники. Выполнение заданий № 3 и № 4 позволяло оценить, насколько хорошо школьники понимают позицию автора. Им предлагалось поработать с конкретным предложением и из предложенных ниже вариантов ответов выбрать и подчеркнуть правильный ответ. Например, почему в третьем предложении автор называет ели и сосны лесными богатырями? Пятое же задание, наоборот, было ориентировано на то, как школьники понимают слова автора. Им предлагалось прочитать предложение 5 из текста и подчеркнуть правильный ответ, тем самым ответив на вопрос, что автор хотел сказать этими словами: «Зима расписала весь снег узором разных следов и следочков». Задания № 6 и № 7 носили творческий характер, т. к. школьникам предлагалось самостоятельно ответить на поставленные вопросы. В шестом задании предлагалось ответить на два вопроса, тем самым мы хотели проверить, насколько хорошо школьники поняли текст автора. В седьмом задании учащиеся должны были подумать, удалось ли Зиме, главной героине этого произведения, создать картину зимнего леса. Также им предлагалось выписать из всего текста слова и словосочетания, которые помогли им сделать такой вывод. Для удобства проверки работ к бланку прилагался ключ с пра-

© Толоконникова К.Н., 2026

вильными ответами. Максимальное количество баллов, которое мог получить ученик за выполнение всей диагностики, составляло 13 баллов.

По результатам первой диагностики во 2 «А» классе были выявлены 3 уровня понимания младшими школьниками образности текста (рис.).

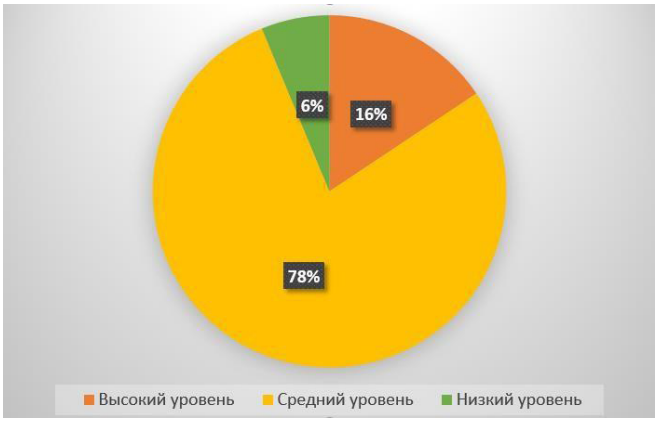

Рис. Результаты диагностики выявления уровня понимания младшими школьниками образности текста

Средний уровень преобладал у 25 человек, т. е. у 78% из всего класса, что свидетельствует о том, что большинство учащихся понимают значение таких тропов, как сравнение, олицетворение и эпитеты, но им необходимо еще потренироваться в анализе художественного текста. Высокий уровень был выявлен у 5 человек, т. е. у 16%. Эти школьники демонстрируют грамотный анализ художественного текста, уверенно распознают тропы и легко находят их в произведении. К таким учащимся необходим индивидуальный подход для дальнейшего развития их способностей. Что касается низкого уровня, то он выявлен у 2 человек, т. е. у 6%, что свидетельствует о том, что таким школьникам необходима помощь учителя в развитии навыков понимания художественного текста, а также больше практики и знания теории при работе с языковыми средствами в художественном тексте. Однако в целом диагностика показала, что большинство учащихся 2 «А» класса имеют базовые знания о стилях и жанрах литературы, однако уровень их стилистической компетенции остается недостаточным для полноценного анализа художественного текста.

После проведения анализа диагностических материалов нами были разработаны следующие методические рекомендации для учителей 2-го классов при работе над стилистическим анализом художественного текста. Во-первых, важно на уроках литературного чтения не использовать сложную терминологию, а через практические действия педагог должен подводить учащихся к пониманию того, как и почему автор использует те или иные слова, выражения, почему он описывает героев именно так, а не иначе [16].

Во-вторых, особое внимание следует также уделять развитию эмоционального восприятия текста. Важно, чтобы ученики не просто понимали, что написано, но и как это написано, и какие чувства это вызывает. Для этого можно использовать следующие приемы: обсуждение эмоций героев (после прочтения отрывка спросить: «Как вы думаете, что чувствовал герой в этот момент? Какие слова в тексте помогли вам это понять?»); прослушивание музыки, соотносимой с настроением текста (например, перед чтением отрывка, описывающего радостное событие, включить веселую мелодию); использование иллюстраций и рисунков (предложить ученикам выбрать иллюстрацию, которая наиболее точно передает настроение текста, или нарисовать свою собственную) [2].

В-третьих, необходимо акцентировать внимание на роли автора. Нужно, чтобы дети понимали, что автор – это тот, кто создал этот мир, кто выбирает слова и выражения, чтобы донести свою мысль

© Толоконникова К.Н., 2026

до читателя. Тем самым у школьников должно сформироваться свое отношение не только к изучаемому произведению, но и к его героям и автору. Рекомендуется начинать работу над анализом художественных текстов во 2-м классе, когда дети научатся читать выразительно.

Для развития речи и мышления на уроках литературного чтения учитель может использовать разнообразные задания: это может быть написание сочинений, раскрывающих смысл произведения, характеристик героев с обоснованием их поступков, а также творческие работы, такие как продолжение истории, написание письма герою или создание альтернативной концовки. Важно сделать так, чтобы уроки были интересными и запоминающимися школьникам, тем самым они не только полюбят данный предмет, но и захотят сами узнать новых авторов и ознакомиться с их творчеством самостоятельно.

В заключение хочется подчеркнуть, что теоретический анализ научно- методической литературы позволил нам определить сущность и цели стилистического анализа художественного текста в начальной школе, который должен носить, в первую очередь, эмоционально-ориентировочный характер. Его задача на данном этапе – развитие эстетического чувства языка у младших школьников, проявляемого в способности видеть образы, и на основе этого выражать собственное отношение.

Разработанная и апробированная в ходе диагностического исследования система методических рекомендаций позволит учителям начальных классах на уроках литературного чтения сделать работу по анализу художественного текста более эффективной и интересной. Ее ядром является поэтапное формирование у учащихся умений «всматриваться в текст», сопереживать главным героям произведения и грамотно аргументировать свои мысли, приводя примеры из текста. Результаты проведенной нами диагностики выявили необходимость развития у учащихся навыков стилистического анализа художественного текста, что требует от учителя целенаправленной работы.

Таким образом, методически грамотная работа над стилистическим анализом художественного текста, начинающаяся со 2-го класса, является эффективным средством достижения конкретных поставленных результатов. Хочется подчеркнуть, что дальнейшие перспективы описанного исследования мы видим в разработке конспектов и проведении уроков по литературному чтению во 2-м классе.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
2. Бекесова Д.Е. Методика развития речи младших школьников в процессе анализа языковых особенностей детских художественных произведений // Студен. электрон. журнал «СтРИЖ». 2020. № 2(31). С. 25–28. [Электронный ресурс]. URL: http://strizh.vspu.ru/files/publics/1585585633.pdf (дата обращения: 08.01.2026).
3. Белина Е.В. Формирование культуры чтения художественного текста у учащихся на начальном этапе литературного образования // Текст культуры и культура текста: материалы IV Междунар. педагогич. форума. (г. Сочи, 16–17 окт. 2017 г.). М.: Общество преподавателей русского языка и литературы, 2017. С. 439–443.
4. Васильева М.С, Оморокова М.И, Светловская Н.Н. Актуальные проблемы методики обучения чтению в начальных классах / под ред. М.С. Васильевой, М.И. Омороковой, Н.Н. Светловской. М.: Просвещение, 1997.
5. Воюшина М.П., Кислинская С.А., Лебедева Е.А. [и др.] Методика обучения литературе в начальной школе. М.: Издат. центр «Академия», 2010.
6. Выготский Л.С. Психология развития ребенка. М.: Смысл, 2004.
7. Грехнева Г.М, Корепова К.Е. Литературное чтение. М.: Дрофа, 2015.
8. Кабатай Б.Т. Восприятие художественного текста младшими школьниками // Междунар. журнал экспериментал. образования. 2013. № 7. С. 24–26.
9. Климанова Л.Ф., Горецкий М.В. Учебник по литературному чтению «Школа России» 1 часть. М.: Просвещение, 2023.
10. Маранцман В.Г. Монография. Открытая методика / под науч. ред. Н.П. Терентьевой. М.: Проспект, 2012.
11. Новлянская З.Н., Кудина Г.Н. Деятельностный подход к литературному развитию школьников. М.: Author's club, 2015.
12. Педагогика / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов; под ред. В.А. Сластенина. 12-е изд., стер. М.: Изд. центр «Академия», 2014.
13. Педагогика. Педагогические теории, системы, технологии / И.Б. Котова [и др.]; под ред. С.А. Смирнова. 5-е изд., стер. М.: Академия, 2004.
14. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б.М. Бим-Бад; редкол.: М.М. Безруких, В.А. Болотов, Л.С. Глебова. М.: Большая Российская энциклопедия, 2008.
15. Прохорова Т.Н. Творческое развитие детей на уроках литературного чтения // Гуманитарные исследования. 2015. № 2(54). С. 104–107.

© Толоконникова К.Н., 2026

16. Светловская Н.Н. Обучение чтению и законы формирования читателя. М.: Начальная школа, 2003.
17. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/53238.html/ (дата обращения: 05.01.2026).
18. Чабанова Т.А. Формирование читательской компетентности учащихся начальной школы Чтение и грамотность. Размышления в контексте. М.: Национальной программы поддержки и развития, 2007.

KSENIYA TOLOKONNIKOVA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE EXPERIMENTAL STUDY OF THE LEVEL OF MASTERING THE STYLISTIC ANALYSIS OF LITERARY TEXT BY YOUNGER SCHOOLCHILDREN

The two key concepts "reading competence" and "stylistic analysis of literary text" and their cooperation are considered. There is paid special attention to the key principles of the stylistic analysis that are necessary to take into consideration for the teacher during the work with the fictional text at the lessons of literary reading. The conducted diagnostic study to discover the level of mastering the stylistic analysis of literary text by younger schoolchildren is analyzed. There are suggested the methodological recommendations for the teachers.

Keywords: *concepts "reading competence", "stylistic analysis of literary text"; comprehensive development of younger schoolchildren; fundamental principles of stylistic analysis of text; diagnostic study; methodological recommendations.*

© Толоконникова К.Н., 2026

Психологические науки

УДК 159.9.07

В.Р. АРАКЧЕЕВА
(rom4nownav@yandex.ru)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ИНДИФФЕРЕНТНЫЙ СТИЛЬ ВОСПИТАНИЯ КАК НАИБОЛЕЕ ДЕСТРУКТИВНЫЙ ФАКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ПОДРОСТКОВ*

Анализируется влияние родительского стиля воспитания на психологическое благополучие подростков. Выделяются основные стили семейного взаимодействия: авторитарный, авторитетный, либеральный и индифферентный. Устанавливается взаимосвязь между применяемым стилем воспитания, уровнем тревожности, сформированностью самооценки и общей удовлетворенностью жизнью подростков. При этом доказывается, что индифферентный стиль проявляет себя как наиболее деструктивный фактор, оказывая самое негативное воздействие на психологическое состояние подростков.

Ключевые слова: *родительский стиль воспитания, психологическое благополучие, подростки, эмоциональная компетентность, деструктивный фактор, тревожность, самооценка.*

Данная статья посвящена актуальности изучения влияния индифферентного стиля воспитания на психологическое благополучие подростков. Данная тема обусловлена особой значимостью подросткового возраста как критического периода в становлении личности. Так как именно в подростковом возрасте происходит интенсивное становление личности, формирование самооценки, системы ценностей и жизненных целей, а также становление и развитие «Я-концепции». Психика подростка крайне ранима и сильно подвержена влиянию изве. Это находит свое выражение в учащении случаев повышенной тревожности, депрессивного настроения и девиантного поведения. В такой сложный период, именно реакция родителей на новые, меняющиеся потребности и возможности подростка играет одну из ключевых ролей.

В подростковом возрасте особенно ярко проявляется стремление понять себя, общение с друзьями и сверстниками выходит на первый план, а также повышается желание, чтобы окружающие воспринимали как взрослого и самостоятельного человека. Все процессы, включая свойственный подросткам эгоцентризм, когда собственные переживания кажутся уникальными, не могут не отразиться на отношениях с родителями. О.А. Карабанова отмечает, что развитие личности подростков напрямую связано с образцами общения в их семье [1]. Проведенный анализ позволяет выявить характер воздействия авторитарного, авторитетного, либерального и индифферентного стилей воспитания на ключевые компоненты психологического благополучия подростков. Обобщение данных современных психолого-педагогических исследований позволяет выявить, что индифферентный стиль воспитания наносит наиболее существенный урон психологическому благополучию подростка.

На основе вышеизложенного мы можем выдвинуть гипотезу, что интенсивность негативного влияния на психологическое благополучие подростков у индифферентного стиля воспитания выше.

В каждой семье складывается уникальная атмосфера воспитания, особая модель взаимодействия между родителями и подростками. Эта модель представляет собой не статичный набор правил, а живую, постоянно развивающуюся систему отношений, влияющую на психологическое благополучие подростка. В современной отечественной психологии при изучении родительских стилей воспитания часто используются западные модели, однако российские психологи активно адаптируют эти подходы, учитывая местную культуру и социальную специфику. Так в работах Э.Г. Эйдемиллера и В. Юстицкиса выделяются особые формы нарушений в воспитании, как гипопротекция, эмоциональное отверже-

* Работа выполнена под руководством Симоновой Л.Б., кандидата педагогических наук, доцента кафедры психологии профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Аракчеева В.Р., 2026

ние и повышенная моральная ответственность [6]. В исследованиях О.А. Карабановой [1] и Е.О. Смирновой [4] акцент смещается на позитивные аспекты взаимодействия, эмоциональное взаимодействие, диалогичность общения и безусловное принятие личности ребенка.

Именно через стиль воспитания формируется базовая установка о собственном «Я». Подросток бессознательно считывает, насколько ценна его личность, способен ли справляться с трудностями и имеет ли право на собственное мнение и личные границы. Диана Баумринд выделила классификацию стилей воспитания: authoritative style, authoritarian style, permissive style (авторитетный стили, авторитарный стиль, либеральный стиль)*, которые легли в основу современных исследований детско-родительских отношений [7].

В основе авторитетного стиля подхода лежит внимание родителей по отношению к эмоциональному состоянию ребёнка. Благодаря установлению четких границ, подросток учится справляться с внутренними переживаниями и развивает способность управлять своим поведением, что способствует становлению эмоционального интеллекта и успешной адаптации в социуме. Важной особенностью является постепенное разделение ответственности, родители предоставляют подростку право самостоятельно решать те вопросы, которые соответствуют его возрасту и уровню зрелости, что является важным условием для сохранения психологического благополучия подростка.

Для авторитарного стиля воспитания характерно доминирование взрослых, стремящихся навязать свои желания и установки, что игнорирует эмоциональные потребности ребёнка. Как отмечает С.Н. Рябова, «Для взрослых ребёнок абсолютно глуп, беспомощен и безволен. Его основная задача – делать только то и только так, как скажут…, ведь взрослый лучше знает и плохого не посоветует» [3, с. 314]. В отличие от полного отсутствия ориентиров при индифферентном стиле воспитания, авторитарный стиль предоставляет подростку четкую, хотя и жесткую, систему правил и границ, что может интерпретироваться как проявление заботы и интереса.

Либеральный стиль воспитания предоставляет подростку максимальную степень свободы при отсутствии четких правил и ограничений, однако родители сохраняют интерес к жизни подростка, выражая свое участие через советы и отсутствие запретов. Как отмечала Д. Баумринд «родители, которые выбирают такой стиль воспитания, стремятся больше отдавать, нежели требовать…, не ждут зрелого поведения и самостоятельности, стараются избегать конфронтации» [7, с. 62]. Сторонники данного подхода убеждены, обстановка полной самостоятельности, способствует самовыражению и творческим начинаниям, что является главным условием для становления личности [5].

Впоследствии данная классификация была расширена Э. Маккоби и Дж. Мартином [9]. Они добавили индифферентный стиль, характеризующийся одновременным отсутствием, как контроля, так и эмоциональной поддержки. Аналогичный стиль изучали и отечественные психологи Э.Г. Эйдемиллер и В. Юстицкис [6], описывая его как гипопротекцию.

Если при либеральном стиле родители эмоционально включены в жизнь ребенка и поддерживают его, то при индифферентном наблюдается полное равнодушие, поэтому он является одним из самых негативных и разрушительных подходов. Родители хоть и удовлетворяют главные потребности ребёнка, однако далеки от его жизни, они не интересуются переживаниями и чувствами ребёнка и практически его не контролируют. В большей степени, они либо большую часть своей жизни проводят на работе, либо ведут негативный образ жизни, либо вовсе погружены в собственные трудности и проблемы.

Прогнозировать поведение таких подростков бывает крайне сложно, они могут проявлять агрессию и импульсивность в одном случае, в то время как в другом могут стать тревожными и замкнутыми. Становится сложно предугадать, как он может отреагировать в той или иной ситуации. Подобная неустойчивость в поведении возникает из-за дефицита родительского внимания и поддержки. Таким образом, индифферентный стиль воспитания оказывает разрушительное влияние на психологическое благополучие подростков.

Выдвинутая гипотеза об интенсивности негативного влияния на психологическое благополучие подростков у индифферентного стиля воспитания стала главной причиной проведения практического

* Перевод здесь и далее наш. – *В.А.*

© Аракчеева В.Р., 2026

исследования. В исследовании приняли участие 87 обучающихся 8–9-х классов в возрасте 13–15 лет и 87 родителя подростков, организованной на базе МКОУ «СОШ № 4 имени героя Российской Федерации Н.М. Васильева МО «Ахтубинский муниципальный район Астраханской области».

Для подтверждения выдвинутой гипотезы для подростков был проведен опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф [8] (адаптация Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко) [5], а для родителей методика «Стратегии семейного воспитания» С.С. Степанова в модификации И.И. Махониной [2].

Результаты корреляционного анализа общего уровня психологического благополучия подростков и родительского воспитания, сделаны с помощью расчета ранговой корреляции Спирмена (табл.).

Таблица

Результаты корреляционного анализа связи психологического благополучия подростков и стилей родительского воспитания

	Авторитарный стиль	Авторитетный стиль	Либеральный стиль	Индифферентный стиль
Общий уровень психологического благополучия	0,253	0,312	0,218	0,163
Позитивные отношения	0,171	0,295	0,145	0,093
Автономия	0,230	0,147	0,138	0,240
Управление окружением	0,162	0,230	0,182	0,132
Личностный рост	0,182	0,210	0,141	0,063
Цель в жизни	0,145	0,168	0,142	0,105
Самопринятие	0,187	0,302	0,248	0,113

На основе данных результатов, можно сделать вывод, что наиболее положительная связь наблюдается между авторитетным стилем и общим уровнем психологического благополучия. Что способствует развитию позитивных отношений и самопринятия подростков. Авторитарный стиль показал неоднозначные результаты, при относительно сохранном общем уровне благополучия наблюдается дисбаланс в развитии отдельных компонентов. Либеральный стиль показал промежуточное положение, уступая индифферентному по степени деструктивности, но значительно отставая от авторитетного по эффективности. Индифферентный стиль показывает наиболее деструктивные показатели, т. к. эмоциональная депривация и отсутствие родительского руководства негативно влияют на психологическое благополучие подростка.

На основе всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что родительский стиль воспитания является ключевым фактором, от которого зависит психологическое состояние подростка. Сравнивая стили воспитания, можно выделить, что индифферентный стиль оказывает наиболее разрушительное воздействие. Авторитарный и либеральный стили, несмотря на свои недостатки, все же предполагают хоть какое-то участие родителей в жизни подростка, в то время как индифферентный стиль характеризуется полным эмоциональным вакуумом и отсутствием поддержки. Подросток, лишенный не только правил, но и простого родительского внимания, оказывается в ситуации полного одиночества, что напрямую подрывает его самооценку, повышает тревожность и лишает чувства цели в жизни. Следовательно, выдвинутая гипотеза подтвердилась, интенсивность негативного влияния на психологическое благополучие подростков у индифферентного стиля воспитания выше. Таким образом, выбор стиля воспитания родителями имеет значительное влияние на психологическое благополучие подростка.

© Аракчеева В.Р., 2026

Литература

1. Карабанова О.А. В поисках оптимального стиля родительского воспитания // Национальный психологический журнал. 2019. Т. 3. № 3(35). С. 71–79.
2. Методика «Стратегии семейного воспитания» С.С. Степанова в модификации И.И. Махониной [Электронный ресурс]. URL: https://shkolaizluchinskaya-r86.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/30/69/_Strategii_semeynogo_vospitaniya_S.S._Stepanova.pdf (дата обращения: 19.11.25).
3. Рябова С.Н. Влияние стиля семейного воспитания на эмоциональное развитие ребёнка // Молодой ученый. 2023. № 40(487). С. 311–314. [Электронный ресурс]. URL: https://moluch.ru/archive/487/106385 (дата обращения: 11.12.25).
4. Смирнова Е.О. Структура и динамика родительского отношения в онтогенезе ребенка // Вопросы психологии. 2007. № 2. С. 57–68.
5. Шевеленкова Т.Д., Фесенко Т.П. Психологическое благополучие личности // Психологическая диагностика. 2005. № 3.
6. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. 4-е изд. М.[и др.]: Питер, 2008.
7. Baumrind D. Influence of Parenting Style // Journal of Early Adolescence. 1995. № 11(1). P. 56–95.
8. Carol Ryff. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // Journal of Personality and Social Psychology, 1989. 57.
9. Macoby E.E., Martin J.A. Socialization in the context of the family: Parenthood interaction // Handbook of child psychology: Socialization, personality, and social development. Vol. 4. 1983. P. 51–59.

VICTORIYA ARAKCHEEVA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

INDIFFERENT STYLE OF EDUCATION AS THE MOST DESTRUCTIVE FACTOR OF MENTAL WELL-BEING OF TEENAGERS

The influence of parent's style of education on the mental well-being of teenagers is analyzed. There are revealed the basic styles of family cooperation: authoritarian, authoritative, liberal and indifferent. The interrelation between the used style of education, the level of anxiety, the development of self-concept and the general teenager's satisfaction with life is made. It is substantiated that the indifferent style acts as the most destructive factor, affecting the psychological state of teenagers.

Keywords: *parent style of education, mental well-being, teenagers, emotional competence, destructive factor, anxiety, self-concept.*

© Аракчеева В.Р., 2026

УДК 159.922.6

А.Ю. ЗАПАРЕВАННАЯ
(AnnaZ250406@yandex.ru)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

СЕНЗИТИВНЫЙ ПЕРИОД ДЛЯ НАЧАЛА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ*

Анализируются психолингвистические и психофизиологические особенности изучения иностранного языка, сензитивный период для начала освоения речи. В ходе исследования конкретизируется наиболее эффективный период начала изучения иностранного языка

Ключевые слова: *сензитивный период, иностранный язык, речь, интерференция, билингвизм.*

Изучение иностранных языков в раннем возрасте набирает все большую популярность. На сегодняшний день доступно множество курсов и программ для детей в возрасте от 2–3 лет. Однако хотелось бы рассмотреть аспект психологической готовности ребенка к освоению иностранного языка в возрасте, когда родной язык еще не усвоен в полной мере. Для этого, в первую очередь, стоит рассмотреть психолингвистические и психофизиологические особенности освоения иностранного языка.

С точки зрения психолингвистики, сложность обучения как родному, так и иностранному языку, заключается не в необходимости запомнить большое количество новых слов, а в готовности и способности мозга научиться составлять предложения из набора известных ему лексем. При этом, как утверждает Е.И. Негневицкая и А.М. Шахнарович, «дать какой-то готовый набор фраз невозможно: ребенок должен научиться самостоятельно создавать уникальные высказывания, поскольку нельзя предугадать, в какой ситуации он окажется» [8, с. 14]. В результате возникает вопрос: как именно происходит овладение языком? Подобные идеи также высказывает А.А. Леонтьев в труде «Основы психолингвистики». До определенного времени считалось, что в основе овладения языка лежит имитативный принцип: ребенок слышит слова, выделяет по аналогии грамматические конструкции и подмечает, к каким ситуациям они относятся. Ребенок слышит и повторяет тысячи раз, потом повторяетне просто, а «к месту», и таким образом научается говорить. Но совершенно ясно, что такая точка зрения никак не может объяснить факт создания ребенком новых высказываний. Очевидно, для того чтобы заговорить на иностранном языке, нужно овладеть соответствующими правилами употребления языка [5].

В монографии «Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность» рассматриваются психолингвистические закономерности овладения вторым иностранным языком. Согласно данной работе, основными психическими процессами, определяющими особенность овладения иностранным языком, являются:

1) формирование металингвистического сознания личности;

2) значительное расширение сферы применения такого психологического механизма, как перенос [6].

Металингвистическое сознание есть особая форма языкового сознания человека, которая заключается в способности мозга осуществлять абстрактно-логические операции с несколькими языковыми системами. Однако такая особенность чаще всего присуща естественным билингвам, т. е. детям, с детства говорящим на нескольких языках. У ребенка, начинающего изучение второго языка в более позднем возрасте, развитие металингвистического сознания затруднено [9]. Оно не аналогично тому, которое формируется у естественных билингвов. Изменения в мышлении и вербальном поведении становятся заметны спустя примерно 2 года с начала обучения. Из этого можно сделать вывод, что изучение другого языка проходит проще в периоды раннего и дошкольного детства (согласно возрастной периодизации Д.Б. Эльконина [11]), поскольку в таком случае процесс изучения будет довольно близок к тому, который переживают естественно двуязычные дети.

* Работа выполнена под руководством Симоновой Л.Б., кандидата педагогических наук, доцента кафедры психологии профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Запареванная А.Ю., 2026

Также важна такая психолингвистическая закономерность, как психологический перенос. Его роль освоении второго языка рассматривается в статье В.Е. Акосты «Психолингвистический феномен “положительный перенос” в свете овладения вторым иностранным языком». Согласно статье, положительный психологический перенос является результатом взаимодействия навыков, при котором воздействующий язык не вызывает в изучаемом языке нарушений нормы. Данное явление позволяет человеку использовать в своей деятельности то, что ему известно, при новых или относительно новых обстоятельствах. Это объективный процесс, возникающий и существующий независимо от воли и желания человека [1]. Перенос может быть как положительным, так и отрицательным: в первом случае идет речь о переносе знаний, навыков и умений в область нового иностранного языка, что обеспечивает ускорение процесса его изучения, во втором – об интерференции [7]. Согласно идее, высказанной Е.И. Берулава в работе «Проблемы языковой интерференции в процессе обучения иностранному языку», в процессе изучения второго языка родной язык постоянно интерферирует своими привычками. Таким образом, происходит замена системы правил изучаемого языка другой, построенной под воздействием системы правил родного или ранее изученного иностранного языка [2]. Соответственно процесс усвоения другого языка замедляется. При этом, как положительный перенос, так и интерференция являются двумя сторонами одной медали. Причиной этого является то, что новый язык начинает кодироваться в том же самом «пространстве», в котором располагается родной язык и иностранные языки, изученные ранее. В сознании многоязычного человека системы представлений о разных языках расположены отдельно. Они содержат детали, примеры из этих языков, специфические правила [7]. При выборе языка общения происходит торможение одной из систем и переключение на другую. При этом, несмотря на некоторую автономность, системы языков тесно контактируют между собой в сознании человека, и если одна из этих систем более привычна для индивида, то после переключения в сознании продолжают действовать привычные фонетические, лексические и грамматические правила. Следовательно, вероятность возникновения интерференции уменьшается, если для человека системы обоих языков одинаково привычны, т. к. в таком случае они являются равнозначными и ни одна не будет «более удобной». Это подтверждает мысль о том, что изучение иностранного языка необходимо начинать в раннем возрасте, когда ребенок наиболее восприимчив к освоению речи в целом.

Если рассматривать психофизиологический аспект, то нельзя не упомянуть сензитивные периоды – периоды, когда психика ребенка наиболее восприимчива и легко подвергается изменениям и внешнему влиянию. Согласно Л.С. Выготскому, ребенок наиболее чувствителен к освоению речи в следующие периоды:

1) в возрасте от 1,5 до 3 лет ребенок наиболее ярко воспринимает речь окружающих, происходит активное пополнение словарного запаса;
2) период с 3 до 4 лет – наиболее благоприятный возраст для подготовки ребенка к письму, развития осознанной речи и понимания собственной мысли;
3) в возрасте от 4 до 5 лет увеличивается активность восприятия письма;
4) возраст от 5 до 6 лет – самый благоприятный для перехода от письма к чтению [3].

В своих сочинениях «Проблема возраста» Л.С. Выготский раскладывает детскую речь на 3 аспекта: освоение звучащей стороны речи, преодоление физических и физиологических трудностей и развитие функциональных значений. Особое внимание при этом уделяется именно последнему аспекту, поскольку развитие детской речи зависит не от нарастания сложности физиологических и физических трудностей или освоения ее звучащей стороны (сам по себе звук ничего не означает), а связана с развитием функциональных значений в речи. При этом, зависимость речи от психофизиологических особенностей объясняется тем, что они сами связаны с функциональным значением речи. Таким образом, на первый план выходит освоение и дальнейшее развитие денотативного и сигнификативного аспектов овладения ребенком слова, т. е. формирование у него предметной и понятийной соотнесенности лексемы. При изучении родного языка это происходит естественно, т. е. звуковая сторона речи развивается созависимо со смысловой стороной, подчиняясь ей. В каждом языке есть различные системы, по кото-

© Запареванная А.Ю., 2026

рым строятся типы отношений значащих звуковых единиц. Ребенок усваивает систему их построения, затем овладевает различными типами отношений внутри нее и сразу овладевает структурой [4, 10].

Подводя итог, можно сказать, что психолингвистические и психофизиологические особенности в совокупности определяют соотношение родного и иностранного языков, наиболее благоприятное время для начала изучения языка и способы его освоения.

Чтобы определить, в каком именно возрасте (входящем в периоды раннего детства и дошкольного возраста) необходимо начинать изучение иностранного языка, в одном из детских садов г. Волгограда было проведено исследование с участием детей в возрасте от 3 до 6 лет. Цель исследования – конкретизировать сензитивный период для освоения иностранного языка на основе проанализированного теоретического материала.

В ходе исследования процесс изучения иностранного языка, в данном случае – английского, был максимально приближен к процессу освоения родного, чтобы сделать его естественным и непринужденным.

Детям всех возрастных групп была предложена к просмотру известная им сказка – «Колобок», однако взаимодействие с детьми и сам рассказ велся полностью на английском языке. В ходе просмотра персонажи истории выделялись на экране, а также был сделан особый акцент на словах, которые было необходимо повторить. Слова сопровождались понятными детям жестами и мимикой, поэтому все без исключения понимали, что от них требуется (без предварительных объяснений на русском языке). При этом результаты в разных возрастных группах отличаются:

1. Дети в возрасте 3 лет пытались повторять полные конструкции, а не отдельные слова (например, “this is a bear”, вместо “bear”). Они довольно быстро поняли, что от них требуется, а иностранный язык не вызвал отторжения. Некоторые дети также пытались полностью повторять сказку, говорить в унисон с рассказчиком. Однако вычленение из речи отдельных слов вызывало затруднения.

2. Дети в возрасте 4 лет также повторяли полные предложения, но при этом могли вычленять из конструкций и отдельные слова. После просмотра мультфильма им были отдельно показаны изображения персонажей, и они смогли называть их конкретными словами (“wolf”, “fox”, “hare” и т. д.). Из этого можно сделать вывод, что они поняли, что “This is a…” – указательная конструкция, которая не является частью названия персонажа, т. к. она многократно повторялась при назывании персонажей: “This is a wolf”, “This is a fox”, “This is a hare” и т. д. Английская речь также не вызывала у них отторжения, они активно вовлеклись в работу.

3. Результаты работы группы детей в возрасте 5 лет совпадают с результатами предыдущей группы.

4. Дети в возрасте 6 лет повторяли не целые предложения, а только отдельные слова. При этом, когда после просмотра мультфильма им были показаны отдельные картинки, на просьбу назвать героя некоторые дети сначала отвечали на русском языке, и только после напоминания, что необходимо говорить на английском языке, делали это правильно. Такой результат связан с тем, что у более взрослых детей лучше сформирована система родного (русского) языка. Таким образом, несмотря на то, что они так же, как и дети других возрастных групп, понимали требования и удачно повторяли слова во время просмотра, при выполнении задания они все же пользовались более привычным языком.

Исходя из теоретической базы и эмпирического исследования, можно сделать вывод, что наиболее удачный возраст для введения иностранного языка в жизнь ребенка – 4–5 лет. В данном возрасте система родного языка уже сформирована на определенном уровне, речь становится более осознанной, но при этом сензитивный период еще не окончен. Результаты исследования подтверждают, что в этом возрасте развитие металингвистического сознания происходит проще, чем в более позднем (дети данных возрастных групп легко переключились с русского языка на английский, при этом этот результат был достигнут с первого раза, без последующих повторений исследования). Также, дети в данном возрасте меньше подвержены интерференции, т. е. не возникает ярких конфликтов между системами родного и второго языков (как у более старших детей).

© Запареванная А.Ю., 2026

Литература

1. Акоста В.Е. Психолингвистический феномен «Положительный перенос» в свете овладения вторым иностранным языком // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 1(35). С. 277–280.
2. Берулава Е.И., Климчук В.А. Проблемы языковой интерференции в процессе обучения иностранному языку // Дискурсивные практики в современном мире: материалы Междунар. науч.-практич. конф. (г. Москва, 27–28окт. 2022 г.). М.: Москов. гос. област. пед. ун-т, 2023. С. 34–39.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. 5-е изд., испр. М.: Изд-во «Лабиринт», 1999.
4. Выготский Л.С. Проблема возраста // Собр. соч.: в 6 т.: Т. 4. Ч. 2. М.: Педагогика, 1983.
5. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. 3-е изд. М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003.
6. Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность / под ред. А.А. Миролюбова. Обнинск: Титул, 2010.
7. Методика обучения иностранным языкам: учебное пособие для студентов Института математики и механики им. Н.И. Лобачевского по направлению «педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)». Казань: КФУ, 2016.
8. Негневицкая Е.И., Шахнарович А.М. Язык и дети. М.: Наука, 1981.
9. Панов А.В. Особенности формирования металингвистического сознания индивида при изучении нескольких иностранных языков // Преподаватель XXI век. 2019. № 2-1. С. 192–198.
10. Урунтаева Г.А. Детская психология. М.: Издат. центр «Академия», 2013.
11. Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 6–20.

ANNA ZAPAREVANNAYA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

SENSITIVE LIFE PERIOD FOR THE BEGINNING OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING

The psycholinguistic and psychophysiological peculiarities of studying the foreign language and the sensitive period for the beginning of mastering speech are analyzed. During the study the most efficient period to start the study of foreign language is described.

Keywords: *sensitive life period, foreign language, speech, interference, bilingualism.*

© Запареванная А.Ю., 2026

УДК 159.922.2:37.015.3

Е.А. СЕРГЕЕВА
(e.sergeeva.20@mail.ru)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ СЕМЕЙНОГО СТИЛЯ ВОСПИТАНИЯ НА ХАРАКТЕР МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОДРОСТКОВ СО СВЕРСТНИКАМИ*

Представлены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение влияния стиля семейного воспитания на характер общения подростков со сверстниками. Теоретическая часть работы раскрывает психологические особенности подросткового возраста и характеризует основные стили семейного воспитания. В результате была выявлена статистически значимая связь между стилями воспитания в семье и преобладающими стилями общения подростков.

Ключевые слова: *подростковый возраст, стиль семейного воспитания, межличностное общение, сверстники, семья как институт социализации, опросник ССВ, методика Т. Лири.*

Подростковый возраст – достаточно сложный и противоречивый период [7]. У людей происходит изменение гормонального фона, вследствие чего происходят постоянные перепады настроения. Дети самоопределяются и начинают понимать, кто они и чего они хотят в этой жизни. В этом возрасте наблюдаются частые конфликты как со взрослыми, так и со сверстниками ввиду того, что идет перестройка системы отношений с окружающими [1].

К основным новообразованиям этого периода по возрастной периодизации Д.Б. Эльконина относят развитие самосознания и Я-концепции [6]. Подросток впервые задается вопросами: кто он, какие у него способности, как его воспринимают окружающие; формируется мировоззрение. Чувство взрослости тоже проявляется именно в этом возрасте: ребенок начинает считать себя наравне с другими взрослыми, считает себя самостоятельным. В основном данное явление проявляется в протестах и конфликтах с родителями, а также другими близкими взрослыми [Там же].

В этом возрасте темы разговоров между сверстниками перестают ограничиваться только общими увлечениями. Они выходят на новый уровень, а именно касаются мыслей, чувств, поступков. За счет интимно-личностного общения подростки реализуют свои потребности в понимании и признании, учатся выстраивать грамотное общение, конфликтовать, осваивают систему моральных норм. Д.Б. Эльконин считал, что «ведущей деятельностью детей этого возраста становится общение со сверстниками», – писал И.В. Шаповаленко [Там же, с. 246].

Если отдельно говорить о значении сверстников в подростковом возрасте, то здесь необходимо отменить, что сверстники являются поддержкой в непонимании мира взрослых, помогают отделиться от семьи, что впоследствии поможет сделать более уверенный шаг в самостоятельную жизнь. Компания одногодок может быть своеобразным полем для экспериментов, где подросток сможет испытать различные социальные роли: от подчиненного до лидера. Также отметим, что мнение сверстников имеет большее влияние на подростка, чем мнение родителей, родственников, учителей [6].

Несмотря на сильное влияние сверстников на становление подростка, семья остается наиболее значимым фактором социализации, влияющим на личностное развитие подростка. В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев считают: «семья формирует личность ребенка, определяя для него нравственные нормы, ценностные ориентации и стандарты поведения» [5, с 36]. Именно семья остается важнейшим институтом социализации, оказывая влияние на формирование стиля общения подростка.

Семейное воспитание – это процесс обучения и развития ребёнка, который происходит при активном участии родителей и других родственников. Современные исследования показывают, что ха-

* Работа выполнена под руководством Симоновой Л.Б., кандидата психологических наук, доцента кафедры психологии профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Сергеева Е.А., 2026

рактер общения со сверстниками во многом определяется моделью поведения, усвоенной в семье [7]. Д. Баумринд, выделила несколько стилей семейного воспитания [8]*:

1. Авторитетный (демократический). Такой стиль характеризуется приоритетной ролью родителей. Ребенок воспитывается как самостоятельная личность, но с контролем со стороны родителей. Родители активно поддерживают увлечения ребенка, ориентируются на его мнение, следят за активностью семье, способствуют его развитию. Д. Баумринд отмечала: «Они контролируют поведение детей и устанавливают чёткие стандарты. Они настойчивы, но не навязчивы и не ограничивают. Их дисциплинарные методы поддерживающие, а не карательные. Они хотят, чтобы их дети были настойчивыми, социально ответственными, саморегулируемыми и сотрудничали» [Там же, с. 62]. Авторитетный стиль не характеризуется физическими наказаниями ребенка и какой-либо другой агрессией по отношению к ребенку, наоборот, стараются договориться с ним, идя на компромиссы [8].

2. Авторитарный. Характеризуется высокими требованиями и контролем по отношению к ребенку. В такой семье родители контролируют каждый шаг ребенка, врываясь в его личное пространство, не учитывают личное мнение ребенка, независимо от возраста, все вопросы решаются за него. «Если я старше, значит, я лучше знаю» – так зачастую считают родители, придерживающиеся такого стиля воспитания. В этом стиле уже есть физические наказания и словесная агрессия, если ребенок в чем-то провинился [Там же].

3. Либеральный (попустительский). В этом стиле воспитания родитель формирует у ребенка чувство свободы. Он не вмешивается в жизнь ребенка, позволяя ему делать все, что он захочет. Родитель не помогает и не встает на пути у ребенка, не принимает никакого участия в становлении личности. Здесь отсутствуют какие-либо правила и ограничения, нет никаких наказаний [Там же].

Д. Баумринд, Элеонора Маккоби и Джон Мартин дополнили данную типологию еще одним, четвертым, стилем воспитания ребенка в семье [Там же]:

Индифферентный. Данный стиль так же характеризуется низкой вовлеченностью родителей в процесс становления личности и низким контролем. Однако здесь прослеживается отчужденность по отношению к ребенку, пренебрежительное отношение, игнорирование интересов и потребностей ребенка. Зачастую такой стиль наблюдается в семьях, где ребенок был нежеланным.

Влияние стилей семейного воспитания на самооценку и эмоциональное состояние подростка проявляется в следующем: авторитетный стиль заставляет чувствовать себя уверенно, у него нормальная самооценка, он знает, что его любят и ценят, что у него есть защита, при этом он свободен; авторитарный стиль формирует тревожность, постоянный страх быть наказанным, неуверенность в себе, замкнутость, либо же наоборот, вызвать агрессию и протесты со стороны ребенка; попустительский стиль зачастую вызывает завышенную самооценку, развивает эгоцентризм, зачастую подростки не видят границ других, что приводит к конфликтам с окружающими; и, наконец, индифферентный стиль воспитания формирует пониженную самооценку, чувство ненужности, зачастую люди впадают в депрессию, либо попадают в асоциальные группы, чтобы компенсировать отсутствие внимания в детстве и повысить чувство собственной значимости [7].

Для выявления взаимосвязи между семейным стилем воспитания и характером межличностных отношений между сверстниками был проведен опрос, составленный на основе двух методик. Опрос проводился среди учащихся 8 и 9 классов МОУ «Средняя школа № 61 Тракторозаводского района Волгограда», добровольное участие приняли 32 человека. Для диагностики стилей семейного воспитания был использован опросник «Стиль семейного воспитания» (ССВ) в адаптации В.Ю. Копытова [3], основанный на методике Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса [7]. Благодаря ей мы определили, какой стиль семейного воспитания преобладает в семьях респондентов. Далее с помощью методики диагностики межличностных отношений Т. Лири был установлен стиль общения подростков со сверстниками. Было выделено восемь типов: властно-лидирующий, независимо-доминирующий,

* Перевод здесь и далее наш. – *Е.С.*

© Сергеева Е.А., 2026

прямолинейно-агрессивный, недоверчиво-скептический, покорно-застенчивый, зависимо-послушный, сотрудничающе-конвенциональный, ответственно-великодушный [4]. Получив результаты двух разделов нашего опроса, мы сопоставили стили семейного и стили общения подростов.

Таблица

Распределение преобладающих стилей межличностного общения у подростков в зависимости от стиля семейного воспитания по результатам опроса

Стиль общения (по Т. Лири)	Авторитарный стиль	Авторитетный стиль	Либеральный стиль	Индифферентный стиль
Властно-лидирующий	23,1%	0%	0%	0%
Независимо-доминирующий	23,1%	0%	0%	50,0%
Прямолинейно-агрессивный	38,5%	0%	0%	0%
Недоверчиво-скептический	0%	9,1%	20,0%	0%
Покорно-застенчивый	7,7%	0%	40,0%	50,0%
Зависимо-послушный	7,7%	9,1%	40,0%	0%
Сотудничающе-конвенциональный	0%	36,4%	0%	0%
Ответственно-великодушный	0%	45,4%	0%	0%
Всего:	100%	100%	100%	100%

Опираясь на результаты (см. табл.), был сделан следующий вывод. Тип общения подростков имеет сильную зависимость от стиля семейного воспитания, наиболее ярким примером является связь авторитарного стиля с властно-лидирующем и независимо-доминирующем типами общения, в таких семьях ребенок копирует модель поведения родителей, перенимает грубость, жестокость и таким же образом общается и со сверстниками, а также связь авторитетного стиля с сотрудничающе-конвенциональным и ответственно-великодушным типом: в семьях с авторитетным стилем отношения построены на доверии, уважении и совместном труде, что и станет моделью для поведения ребенка в обществе в дальнейшей жизни.

Теоретический анализ проблемы показал, что семья, оставаясь ключевым институтом социализации, закладывает базовые модели коммуникативного поведения, которые подросток впоследствии переносит в систему отношений с ровесниками. Эмпирические данные, полученные с помощью опросника ССВ и методики Т. Лири, наглядно демонстрируют этот механизм переноса.

Литература

1. Выготский Л.С. Педология подростка // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1984. С. 5–242.
2. Киселева Н.Н., Крашенинников Е.Е. Классификация стилей и особенностей семейного воспитания на современном этапе развития института семьи // Вестник МГПУ. Сер.: Педагогика и психология. 2025. Т. 19. № 2. С. 235–250.
3. Копытов В.Ю. Опросник «Стиль семейного воспитания» (ССВ) // Журнал практического психолога. 2007. № 4. С. 131–144.
4. Лири Т. Методика диагностики межличностных отношений // Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции / под ред. А.И. Зеличенко, И.М. Карлинской. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1990.
5. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология развития человека. Развитие субъективной реальности в онтогенезе. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013.
6. Шаповаленко И.В. Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология). М.: Гардарики, 2005.
7. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи. 4-е изд. М. [и др.]: Питер, 2008.
8. Baumrind D. Current patterns of parental authority // Developmental Psychology. 1971. Vol. 4. № 1. Pt. 2. P. 1–103.

© Сергеева Е.А., 2026

EKATERINA SERGEEVA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE INFLUENCE OF FAMILY UPBRINGING STYLE ON THE CHARACTER OF INTERPERSONAL INTERACTION OF ADOLESCENTS WITH PEERS

The article presents the results of an empirical study aimed at studying the influence of family upbringing style on the interaction between adolescents and their peers. The theoretical part of the work reveals the psychological characteristics of adolescence and characterizes the main styles of family upbringing. As a result, there was discovered the statistically significant relationship between the styles of upbringing in the family and the prevailing styles of communication of adolescents.

Keywords: *adolescence, style of family upbringing, interpersonal communication, peers, the family as an institute of socialization, survey of style of family upbringing, methodology of T. Liri.*

© Сергеева Е.А., 2026

УДК 159.9:378

В.С. ХОРОШИЛОВА
(varya.horoshilva@bk.ru)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ВЛИЯНИЕ ПРОКРАСТИНАЦИИ НА АКАДЕМИЧЕСКУЮ УСПЕВАЕМОСТЬ СТУДЕНТОВ МЛАДШИХ КУРСОВ*

Изучается связь прокрастинации и академической успеваемости у студентов младших курсов. Корреляционный анализ Пирсона выявил отрицательную взаимосвязь: более выраженная прокрастинация связана с более низкими оценками. Разработаны рекомендации по развитию саморегуляции.

Ключевые слова: *прокрастинация, академическая успеваемость, саморегуляция, эмоциональная регуляция, мотивация, стресс.*

Актуальность исследования прокрастинации в студенческой среде обусловлена тем, что откладывание учебных задач широко распространено и часто воспринимается как «нормальная» часть студенческой жизни. Однако за внешней привычностью поведения могут скрываться значимые психологические и учебные последствия: рост тревожности перед дедлайнами, чувство вины, напряжение, ухудшение качества подготовки и переход к «авральному» стилю выполнения заданий. В условиях высокой учебной нагрузки даже небольшие регулярные задержки могут приводить к накоплению дефицита времени и снижению итоговых результатов.

Прокрастинация проявляется в противоречии между осознанием необходимости выполнять учебные задачи и устойчивым откладыванием действий даже при понимании негативных последствий.

В отличие от рациональной отсрочки, прокрастинация сопровождается внутренним конфликтом («надо начать») и подменой значимого дела менее важными действиями, дающими кратковременное облегчение, но усиливающими стресс позже [4, 8]**.

Исследование позволяет понять, как уровень прокрастинации связан с учебными результатами студентов младших курсов. Эмпирической проверке подлежит гипотеза, согласно которой склонность откладывать выполнение учебных заданий может быть связана с более низким результатом успешности обучения. Проверка этого предположения позволяет обсудить возможные механизмы такого влияния и понять, почему прокрастинация может оказывать отрицательное воздействие на успеваемость.

По мнению П. Стила, прокрастинация – это добровольное откладывание намеченного курса действий, несмотря на ожидание худших последствий от задержки [5, с. 66]. Важно разграничивать прокрастинацию и лень: при лени может отсутствовать намерение выполнять задачу и внутренний конфликт, тогда как при прокрастинации намерение сохраняется, но поведение систематически «сдвигается» во времени.

По мнению Ф.М. Сируа и Т.А. Пичила, как форма сбоя саморегуляции, прокрастинация во многом связана с краткосрочным улучшением настроения и эмоциональной регуляцией. Один из наиболее объяснительных подходов связывает прокрастинацию с эмоциональной регуляцией: откладывание выступает способом снизить неприятные эмоции (скука, тревога, страх ошибки, стыд), связанные с задачей [4, с. 115]. Получаемое краткосрочное облегчение закрепляет стратегию избегания, но в долгосрочной перспективе ведёт к росту стресса и ухудшению качества выполнения.

Теория временной мотивации (Temporal Motivation Theory) объясняет, почему активность возрастает ближе к моменту исполнения: субъективная ценность результата «усиливается» по мере приближения срока, тогда как при дальних сроках мотивация ниже [2]. Это делает прокрастинацию особенно вероятной при скучных или сложных задачах и низкой субъективной вероятности успеха.

* Работа выполнена под руководством Симоновой Л.Б., кандидата педагогических наук, доцента кафедры психологии профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

** Перевод здесь и далее наш. – *В.Х.*

© Хорошилова В.С., 2026

К.Р. Ким и Э.Х. Со подчёркивают: метаанализ показал, что прокрастинация отрицательно коррелирует с академической успеваемостью [1, с. 26] Также прокрастинация может усиливаться перфекционизмом и страхом неидеального результата: «дороговизна» старта повышается, и студент ждёт «идеальных условий», вместо постепенного чернового продвижения [Там же, с. 28]. В учебном контексте прокрастинация связана с нерегулярностью подготовки, поверхностной обработкой материала, нарушениями сна в период дедлайнов и ростом стрессовой нагрузки, что может ухудшать оценки [7, 8]. Результаты метаанализов также указывают на устойчивую отрицательную связь прокрастинации с академической успешностью [3, 5].

В исследовании приняли участие 34 студента 1–2 курсов ФГБОУ ВО «Волгоградского государственного социально-педагогического университета» в возрасте 17–20 лет: 6 юношей и 28 девушек. Участие было добровольным и анонимным; участникам разъяснялись цель исследования и условия конфиденциальности. В исследовании использовалась шкала прокрастинации Такмана (Tuckman Procrastination Scale) для измерения выраженности прокрастинации [7]. Также академическая успеваемость – средний балл за последнюю экзаменационную сессию по 5-балльной системе (2–5). И зачёты – «зачтено» или не «зачтено» не учитывались. Средний балл вычислялся как среднее арифметическое экзаменационных оценок.

Сбор данных проводился в онлайн-формате. Для проверки гипотезы применялся коэффициент корреляции Пирсона между суммарным баллом прокрастинации и средним баллом за сессию.

По данным описательной статистики средний уровень прокрастинации в выборке составил $M = 40{,}56$ ($SD = 6{,}68$), минимальное значение – 23,40, максимальное – 58,20. Средний показатель академической успеваемости составил $M = 4{,}13$ ($SD = 0{,}26$), минимальное значение – 3,61, максимальное – 4,78.

Корреляционный анализ Пирсона выявил статистически значимую отрицательную связь между уровнем прокрастинации и средним баллом за сессию ($r = -0{,}45$; $p < 0{,}001$). Это означает, что при увеличении выраженности прокрастинации наблюдается тенденция к снижению академической успеваемости.

Таблица

Описательная статистика и корреляционный анализ

Показатель	M	SD	Min	Max	Корреляция со средним баллом
Прокрастинация (шкала Такмана, суммарный балл)	40,56	6,68	23,40	58,20	–0,45
Успеваемость (средний балл за сессию, 5-балльная шкала)	4,13	0,26	3,61	4,78	–

Полученные результаты показывают, что студенты с более выраженной склонностью к прокрастинации демонстрируют более низкую академическую успеваемость. Это согласуется с представлениями о прокрастинации как о форме саморегуляторной неэффективности и эмоционального избегания [4]. В условиях дефицита времени приоритетом становится «успеть сдать», а не «разобраться», что повышает вероятность поверхностной подготовки и меньшей глубины усвоения.

С точки зрения эмоциональной регуляции откладывание может краткосрочно снижать напряжение, но в дальнейшем усиливает стресс, самокритику и тревогу, что ухудшает концентрацию и устойчивость внимания. В период сессии это нередко сопровождается нарушением сна и перегрузкой, что негативно отражается на когнитивных функциях, важных для сдачи экзаменов [7].

© Хорошилова В.С., 2026

С позиции теории временной мотивации отрицательная корреляция объясняется тем, что мотивация «включается» ближе назначенной финальной дате, и студенту остаётся меньше времени на качественное изучение материала [2]. Особенно заметно это может проявляться на младших курсах, когда навыки планирования и самоконтроля ещё формируются.

Корреляционный дизайн не доказывает причинность; возможна обратная связь (низкие оценки → рост тревоги → избегание). Также важно учитывать ограниченность выборки и самоотчётный характер среднего балла [3, 4].

По мнению Ф.М. Сируа и Т.А. Пичила, «мы ставим текущее настроение выше последствий бездействия для будущего “я”» [4, с. 118], практические рекомендации могут содержать следующее: целесообразно развивать навыки планирования (декомпозиция задач, промежуточные дедлайны), самоконтроля (короткие учебные интервалы, мониторинг прогресса), а также эмоциональной саморегуляции (снижение самокритики, работа с тревогой оценки, установка на «достаточно хороший» результат вместо идеального) [3, 4].

Прокрастинация у студентов младших курсов связана со снижением академической успеваемости: выявлена статистически значимая отрицательная взаимосвязь между баллами по шкале Такмана и средним баллом за сессию. Результаты подчёркивают значимость профилактики прокрастинации через развитие навыков планирования, самоконтроля и эмоциональной регуляции в образовательной среде.

Литература

1. Kim K.R., Seo E.H. The relationship between procrastination and academic performance: A meta-analysis // Personality and Individual Differences. 2015. Vol. 82. P. 26–33.

2. Klingsieck K.B. Procrastination: When good things don’t come to those who wait // European Psychologist. 2013. Vol. 18. No. 1. P. 24–34.

3. Sirois F.M. Procrastination and Stress: Exploring the Role of Self-Regulation Failure and Health // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2023. Vol. 20. No. 8. Article 4851.

4. Sirois F.M., Pychyl T.A. Procrastination and the priority of short-term mood regulation: Consequences for future self // Social and Personality Psychology Compass. 2013. Vol. 7. No. 2. P. 115–127.

5. Steel P. The nature of procrastination: A meta-analytic and theoretical review of quintessential self-regulatory failure // Psychological Bulletin. 2007. Vol. 133. No. 1. P. 65–94.

6. Steel P., König C.J. Integrating theories of motivation // Academy of Management Review. 2006. Vol. 31. No. 4. P. 889–913.

7. Tuckman B.W. The development and concurrent validity of the Procrastination Scale // Educational and Psychological Measurement. 1991. Vol. 51. No. 2. P. 473–480.

8. Van Eerde W. A meta-analytically derived nomological network of procrastination // Personality and Individual Differences. 2003. Vol. 35. No. 6. P. 1401–1418.

VARVARA KHOROSHILOVA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE INFLUENCE OF PROCRASTINATION ON THE ACADEMIC PROGRESS OF STUDENTS OF JUNIOR COURSES

The connection of procrastination and academic progress of students of junior courses is studied. The Pearson correlation coefficient demonstrated the negative correlation: the more expressed procrastination is associated with the lower evaluations. The recommendations to develop the self-regulation are formed.

Keywords: *procrastination, academic progress, self-regulation, emotional regulation, motivation, stress.*

© Хорошилова В.С., 2026

УДК 159.923.5

В.С. ЦЫБ
(vika.tsyb@yandex.ru)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ И СКЛОННОСТИ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ У МОЛОДЕЖИ*

Анализируется взаимосвязь между идентичностью личности и склонностью к девиантному поведению в молодом возрасте. Проводятся результаты эмпирического исследования взаимосвязи между различными статусами идентичности и склонностью молодежи к девиантному поведению. Предлагаются практические рекомендации по профилактике девиантного поведения через развитие идентичности личности.

Ключевые слова: *идентичность, статус идентичности, девиантное поведение, склонность к девиантному поведению, молодежь, профилактика девиантного поведения.*

Актуальность обращения к проблеме взаимосвязи идентичности личности и склонности к девиантному поведению молодежи обусловлена рядом обстоятельств:

– во-первых, нестабильностью и противоречивостью современной общественной и политической жизни, приводящих к росту различных девиаций у молодежи;

– во-вторых, определенным дефицитом исследований, в которых раскрывается взаимосвязь особенностей идентичности и склонности к девиантному поведению в молодом возрасте;

– в-третьих, поиском дополнительных ресурсов для профилактики девиантного поведения в молодежной среде.

Цель исследования – выявление взаимосвязи идентичности личности молодых людей со склонностью к девиантному поведению.

Объектом исследования стала личность молодых людей в возрасте от 18 до 23 лет; предметом взаимосвязь идентичности со склонностью девиантному поведению в молодом возрасте.

Гипотеза: существует взаимосвязь между идентичностью и склонностью к девиантному поведению у молодежи: нарушения идентичности (преждевременная и псевдоиндентичность) коррелируют с различными формами девиантного поведения (склонностью к преодолению норм и правил, делинквентному поведению).

Теоретический анализ психологической литературы показал, что идентичность понимается как:

– внутреннее, субъективное состояние личности, в котором выражается осознание ею себя как своеобразной устойчивой системы, переживание постоянного центрирующего Я и его сохранение [5];

– отношение человека к самому себе, становление которого происходит, прежде всего, в ходе социального взаимодействия (Е.О. Труфанова) [Цит. по: 4];

– постоянство личности в пространстве и времени, становление которой происходит в ходе социального взаимодействия (О.А. Блинова) [Там же];

– динамичный, многоуровневый и субъективный процесс самоопределения личности, который формируется во взаимодействии с социальным окружением и собственной рефлексией [11];

– результат активного процесса, отражающего представления субъекта о себе, собственном пути развития и сопровождающийся ощущением сильного «Я» в собственной непрерывности, тождественности и определённости [7].

Лидия Бернгардовна Шнейдер выделяет следующие статусы идентичности:

– достигнутую – характерна для человека, имеющего определенную совокупность личностно значимых целей, ценностей и убеждений, переживающего их как личностно значимые, обеспечивающие ему чувство направленности и осмысленности жизни;

* Работа выполнена под руководством Чижо Н.Ю., кандидата психологических наук, доцента кафедры психологии образования и развития ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Цыб В.С., 2026

– мораторий как некая отсрочка от принятия социально и личностно значимых решений в понимании того, с кем человек себя идентифицирует: по сути, в этом случае личность находится в состоянии кризиса идентичности и активно пытается разрешить его, пробуя различные варианты;

– преждевременную идентичность – свойственна людям с низким уровнем самостоятельности в поиске и нахождении себя через серию выборов; в этом случае идентичность есть результат идентификации с родителями и другими значимыми людьми;

– диффузную идентичность, при которой у человека не имеется устойчивых целей, ценностей и убеждений и отсутствуют попытки активного их формирования;

– псевдоидентичность как стабильное отрицание своей уникальности или, напротив, ее амбициозное подчеркивание с переходом в стереотипию, а также нарушение механизмов идентификации и обособления в сторону гипертрофированности, нарушения временной связности жизни, ригидности Я-концепции, болезненного неприятия критики в свой адрес, низкой рефлексии [11].

В нашем исследовании интерес представляет не сама по себе идентичность, а ее взаимосвязь со склонностью к девиантному поведению, под которым понимается «устойчивое (повторяющееся) поведение, отклоняющееся от норм», признанных в обществе [1].

И.С. Кон [3], исследуя девиантное поведение, разделяет его на две большие категории:

– поведение, отклоняющееся от норм психического здоровья (наличие явной и скрытой психопатологии);

– антисоциальное поведение, проявляющееся в нарушении социальных, культурных и правовых норм; данный вид, в свою очередь, может быть делинквентным (противоправным) и криминальным (преступным).

В классификации Е.В. Змановской описаны три основные категории девиантного поведения:

1) антисоциальное, к нему относятся преступные формы прямого нарушения действующих законов, что влечет угрозу общественному порядку и благополучию других;

2) асоциальное, направленное на межличностные отношения и идущее в разрез с морально-нравственными устоями общества;

3) аутодеструктивное, имеющее своей целью саморазрушение личности; сюда относятся различные формы зависимости (пищевая, химическая, игровая и т. д.), суицидальное, виктимное поведение и т. д. [1].

Под склонностью к девиантному поведению понимается готовность к реализации различных форм такого поведения [2].

В молодости, которая охватывает период от 17 и до 30 лет [8], одной из центральной задач является формирование идентичности. При этом огромное количество негативных социальных, экономических и политических факторов повышают риск возникновения различного рода девиаций у юношей и девушек.

Взаимосвязь идентичности и склонности к девиантному поведению представляет научный интерес, поскольку в случае ее обнаружения становится возможным определение содержания профилактической и развивающей работы с девиантной молодежью через развитие идентичности личности.

На основе анализа психолого-педагогической литературы было выяснено, что люди со сформированной идентичностью менее склонны к реализации отклоняющегося поведения, т. е. идентичность и девиантное поведение тесно связаны. Это взаимодействие носит двусторонний характер: идентичность может как толкать к девиантному поведению, так и препятствовать ему [14].

Для эмпирической проверки гипотезы был сконструирован психодиагностический комплекс, который включал в себя методики: «Исследование личностной идентичности» (Л.Б. Шнейдер) [11] и «Склонность к отклоняющемуся поведению» (А.Н. Орел) [6].

Исследование было проведено в сентябре 2024 г. Выборку составили молодые люди в возрасте от 18 до 23 лет в количестве 20 человек.

© Цыб В.С., 2026

Для определения взаимосвязи между идентичностью личности и склонностью к отклоняющемуся поведению у молодежи использовались такие статистические методы, как критерий Колмогорова-Смирнова (для проверки распределения на нормальность) и коэффициент корреляции Спирмена (поскольку распределения исследуемых переменных были далеки от нормального). Количественная обработка данных осуществлялась в программе SPSS for Windows.

Корреляционный анализ показал, что существуют статистически значимые взаимосвязи между идентичностью личности и различными формами девиантного поведения:

– *отрицательные* – между показателями:

1) преждевременной идентичности и установки на преодоление норм и правил ($r=-0,464$; $p\leq0,05$): чем выше уровень преждевременной идентичности, тем менее респонденты готовы нарушать установленные правила и нормы; можно говорить о том, что относительно рано интериоризированные родительские ценности и установки являются в некоторой степени гарантом «правильного» и нормального поведения в обществе;

2) достигнутой идентичности и склонностью к аддиктивному поведению ($r=-0,481$; $p\leq0,05$); это может свидетельствовать о том, что молодые люди с достигнутым статусом идентичности не склонны к уходу от реальности посредством изменения своего психического состояния, у них сформирована определенная совокупность личностно значимых целей, ценностей и убеждений, обеспечивающих субъективное ощущение направленности и осмысленности жизни;

– *положительные* – между показателями:

1) псевдоидентичности и социальной желательностью ответов ($r= 0,526$; $p\leq0,05$): чем выше уровень «псевдоидентичности», тем больше социально одобряемых ответов дают респонденты (т. е. более выражено стремление «быть хорошим» в глазах окружающих);

2) шкалой «преодоление норм и правил» и склонностью к делинквентному поведению ($r= 0,541$; $p\leq0,05$): чем более выражена установка на преодоление различных норм и правил, тем выше вероятность проявления делинквентного поведения.

Полученные результаты подтверждают эмпирическую гипотезу о наличии взаимосвязи между идентичностью и склонностью к девиантному поведению у молодежи: нарушения идентичности (преждевременная и псевдоиндентичность) коррелируют с различными формами девиантного поведения (склонностью к преодолению норм и правил, делинквентным поведением).

Выявленные взаимосвязи указывают на то, что в качестве одного из возможных направлений профилактики и коррекции девиантного поведения может быть развитие идентичности юношей и девушек.

На основе анализа научной литературы (Э. Эриксон [12], С.Г. Чухин и Е.В. Чухина [10], В.А. Ядов [13], Дж.С. Тернер, П.Дж. Оукс и С.А. Хеслем [9]) были определены следующие направления снижения у молодежи склонности к девиантному поведению через развитие идентичности:

1. *Самопознание и рефлексия*, для чего:

– рекомендуется вести дневник, записывая свои мысли, чувства, ценности, интересы, страхи и мечты; это помогает лучше понять себя;

– необходимо проводить самоанализ, отвечая на вопросы о своих сильных и слабых сторонах, ценностях, целях и мотивации;

– важно практиковать внимательность, обращая внимание на свои мысли, чувства и ощущения в настоящем моменте без осуждения;

– следует изучать себя, экспериментируя с различными хобби и участвуя в новых видах деятельности, чтобы узнать свои таланты и потенциальные возможности.

2. *Социальная активность и взаимодействие* предполагают:

– развитие отношений с окружением: построение прочных и доверительных связей с друзьями, членами семьи и знакомыми; для чего необходимо постоянно развивать коммуникативную компетентность и доверие к миру;

© Цыб В.С., 2026

– участие в группах, клубах по интересам, волонтерских организациях, спортивных секциях – важны для совершенствования коммуникативных и организаторских навыков;

– выход из «зоны комфорта»: общение с разными людьми, новые знакомства и посещение мероприятий, на которых ранее никогда не бывали, что обеспечивает развитие адаптационных способностей.

3. *Поиск и реализация своих собственных ценностей*, для чего:

– важно понять свои собственные ценности: какие принципы являются важными в жизни, а какие – второстепенны;

– нужно учиться находить смыслы: для чего выполняется та или иная деятельность, какое значение имеет ситуация, в которой оказался и т. п.;

– рекомендуется ставить перед собой реалистичные цели, которые не только соответствуют ценностям и интересам, но и еще достижимы (при этом не легко достижимы!);

– развивать волю для принятия решений, которые соответствуют личным ценностям, но не популярны в окружении (учиться не идти на поводу у других, не быть конформистом).

4. *Профессиональная самореализация* включает в себя:

– развитие новых навыков, талантов и способностей;

– поиск своего призвания, что невозможно без понимания того, чем хочется заниматься в жизни, что приносит удовольствие;

– построение карьеры, поиск работы, которая соответствует личным ценностям, интересам и способностям.

5. *Развитие осознанного отношения к жизни*, включающее:

– принятие себя, со всеми сильными и слабыми сторонами, успехами и неудачами;

– развитие умения прощать себя, не изводя себя чувством вины за прошлые ошибки;

– акцент в жизни на настоящем, сосредоточение на том, что можно изменить сейчас, а не на том, что произошло в прошлом.

При развитии идентичности важно помнить, что:

– развитие идентичности – это постепенный процесс (результат не может быть получен сразу), при этом он продолжается всю жизнь;

– не стоит бояться искать себя – экспериментировать с видами деятельности, способами самовыражения;

– важным ресурсом развития идентичности является умение принимать поддержку от близких и специалистов.

Дополнительными ресурсами развития идентичности выступают:

– чтение книг по психологии и саморазвитию;

– участие в различных курсах по самопознанию и развитию идентичности;

– общение и активная социальная деятельность в группах поддержки и группах по интересам.

Таким образом, одним из ресурсов профилактики и коррекции девиантного поведения в молодежной среде является развитие идентичности, что было подтверждено эмпирическим исследованием.

Перспектива дальнейшей работы в рамках данной предметной области видится нам в увеличении объема выборки для получения более достоверных данных, а также в более углубленном изучении вопроса в контексте отдельных форм девиантного поведения.

Литература

1. Змановская Е.В. Девиантология: (психология отклоняющегося поведения): М.: Издат. центр «Академия», 2003.
2. Клейберг Ю.А. Социальная психология девиантного поведения. М.: Сфера, 2004.
3. Кон И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.
4. Косенчук Л.Ф. Сущность идентичности и основные подходы к ее исследованию. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 16. С. 223–225.
5. Кузина Д.В., Акимова М.О. Идентичность как предмет психологического исследования // Вестник Костром. гос. ун-та. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26. № 2. С. 122–126.

© Цыб В.С., 2026

6. Методическое руководство. Сборник тестов программно-методического комплекса дифференциальной диагностики поведенческих нарушений несовершеннолетних «Диагност-Эксперт+» / Н.В. Дворянчиков, В.В. Делибалт, Е.Г. Дозорцева [и др.]. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2017.

7. Патырбаева К.В., Козлов В.В., Мазур Е.Ю. [и др.] Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты: коллективная моногр. / науч. ред. К.В. Патырбаева; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь: Изд-во Пермск. гос. национал. исследоват. ун-та, 2012.

8. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Категория возраста в психологии и педагогике развития // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 37–49.

9. Тернер Дж.С., Оукс П.Дж., Хеслем С.А. [и др.] Социальная идентичность, самокатегоризация и группа // Иностранная психология. 1994. № 2. С. 8–17.

10. Чухин С.Г., Чухина Е.В. Факторы и закономерности формирования идентичности личности // Инновационная научная современная академическая исследовательская траектория (ИНСАЙТ). 2021. № 4(7). С. 114–131.

11. Шнейдер Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М.: Москов. психолого-социальн. институт, 2007.

12. Эриксон Э. Детство и общество / пер. с англ. и науч. ред. А.А. Алексеев. 2 изд., перераб. и доп. СПб.: Лет. сад, 2000.

13. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. Социология. Этнология. 1995. Т. 4. № 3-4. С. 158–181.

14. Ясная В.А. Искажения идентичности у подростков с отклоняющимся поведением // Психология и право. 2013. Т. 3. № 4. С. 121–131.

VICTORIYA TSYB
Volgograd State Socio-Pedagogical University

INTERRELATION OF PERSONALITY IDENTITY AND TENDENCY TO DEVIANT BEHAVIOR OF YOUTH

The interrelation between the identity of personality and the tendency to the deviant behavior at the youthful stage is analysed. There are given the results of the empirical study of the interrelation between the different statutes of identity and the youth tendency to the deviant behavior. The practical recommendations to prevent the deviant behavior by the means of developing the identity of the personality are suggested.

Keywords: *identity, status of identity, deviant behavior, tendency to deviant behavior, youth, prevention of deviant behavior.*

© Цыб В.С., 2026

Филологические науки

УДК 811.161.1

Е.А. ТИХОНОВА
(tihonova.k3jt@yandex.ru)
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ПРИЁМ ПЕРСОНИФИКАЦИИ В ПОЭЗИИ И.А. БУНИНА*

Рассмотрены способы персонификации в поэзии И.А. Бунина, которые выполняют функции «оживления» понятий из нематериальной сферы и расширения категории лица, вводят в поэтический текст особых действующих лиц, передают душевное состояние человека, его неразрывную связь с природой, трагическое переживание своей личной и исторической судьбы, подчеркивают индивидуально-авторский стиль поэта.

Ключевые слова: *персонификация, метафора, частеречная принадлежность, обращение, И.А. Бунин.*

И.А. Бунин выступает одной из ключевых фигур в литературном процессе XX в. Поэтические произведения писателя характеризуются уникальным стилем, филигранным владением языком и отличаются особой выразительностью, достигнутой в том числе с помощью использования приема персонификации. Сам И.А. Бунин, оценивая свой творческий метод, писал следующее: «Сравнения, всяческие одушевления должны диктоваться величайшим чувством меры и такта, никогда не должны быть натянуты, пусты, “красивы” и т. д. Я почти всегда очень точно говорю то, что говорю, и до смерти буду учиться этому» [1, с. 84–85].

С помощью анализа персонифицированных объектов можно установить не только особенности мировоззрения писателя, но и авторскую стилистику текста. Являясь ведущим приемом стилистической организации текста, персонификация реализует «ингерентное свойство метафоры – ее антропометричность» [4, с. 127], т. е. «мерой всех вещей» выступает человек [5, с. 40].

Мы считаем, что прием персонификации по своей сути близок к антропоморфной метафоре (персонификация понимается нами как стилистический прием, особый вид метафоры, представляющий собой перенос качеств и характеристик человека на неодушевленный объект). Таким образом, при характеристике персонификации мы будем опираться на теорию метафоры, разработанную В.П. Москвиным [3], и использовать классификацию по основному субъекту (в соответствии с тематической соотнесённостью сравнения, лежащего в основе метафорического оборота), а также по частеречной принадлежности.

Проведенный анализ языкового материала позволяет разделить метафоры, представленные в стихотворениях И.А. Бунина разных лет, на несколько групп в зависимости от того, какие объекты или явления неживого мира подвергаются персонификации, т. е. классифицировать их по основному субъекту.

1. «Природа»

1.1 «Небесные тела» (звёзды, луна, месяц, солнце): *И осенние **звезды**, угрюмо мерцая / Безнадежным мерцанием тусклых лучей, / **Говорят** об иной – о предвечной печали / Запредельных ночей* (Звезды ночи осенней, холодные звёзды… 1901)*; И **месяц наклонялся** к балке темной, / **Грустя**, светил на скалы, на погост* (Бог, 1908).

1.2 «Растения» (розы, березы, ольха, цветы, сосна и т. п.): *И день сиял, и млели **розы**, / **Головки томные клоня**, / И **улыбалися сквозь слезы** / Очами, полными огня* (Розы, 1903–1904)*; Но тёмных **сосен** звонкие **верхи**/ **Поют**, поют над морем, точно струны* (Безнадежность, 1906–1907).

1.3 «Природные явления» (ветер, волна, туча, тень, гром): *Но я иду – и **тень**, как раб бессильный, / Опять **ползет**, опять **покорна** мне!* (Смерть, 1902)*; Над морем **тучка**, наплыла / На край луны – и вдруг широко / Нас мягкой тенью **обняла*** (Тень, 1903).

* Работа выполнена под руководством Колокольцевой Т.Н., доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка и методики его преподавания ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

© Тихонова Е.А., 2026

1.4 «Природные пространства» (отмель, бор, остров, земля, равнина, море, долина, степь, океан, река, сад, даль полей, дорога): ***Море** с голой степью **говорило**: / «Это ты меня солончаками / И полынью горькой отравила, / Жарко дуя жесткими песками!* (Укоры, 1917)*; Но **степь поет**. Как колос налитой, / Полна душа. **Земля зовет**: спешите / Любить, творить, пьянить себя мечтой!* (Ночные цикады, 1910).

Для И.А. Бунина природа – неотъемлемая часть реальной жизни, которая не воспринимается поэтом отдельно от себя, а осмысляется через внутренние ощущения и переживания. В стихотворениях И.А. Бунина персонификация строится по следующим моделям: природный объект –характеристика, часть тела, атрибут, эмоции, речь, движение, восприятие, ментальная деятельность, игра, состояние, ментальный объект/категория, статус [6, с. 369]. Такая система антропоморфных метафор в целом соответствует классической системе XIX в.

И.А. Бунин персонифицирует именно те лексемы, которые значимы для описания русского пейзажа: *березы, лес, бор, сосна, степь* и погружает их в различные состояния: *вечер, сумерки, туман, метель*. Много внимания поэт уделяет ночному времени суток, поэтому значимыми являются метафоры с лексемой *ночь* и входящие в ее лексико-семантическое поле слова: *звезды, луна, месяц*.

2. «Предметы, созданные человеком» (часы, флигель, комната, дом, фонтан, колокол, стрела, люстра, музыкальные инструменты): *Часы стучат, и старый **дом** беззвучно / Мне **говорит**: «да, без хозяев скучно!* (Запустение, 1903)*; Как дым пожара, туча шла. / **Молчала** старая **дорога**. / Такая тишина была, / Что в ней был слышен голос бога...* (Как дым пожара, туча шла… 1912).

Здесь в основном реализуется модель: **предмет – речь**. Окружающие лирического героя предметы наделяются собственными голосами и говорят наряду с человеком.

3. «Человек»

3.1 «Понятия, связанные с жизненным циклом человека» (судьба, печаль, одиночество, жизнь, смерть, душа): *Леса в жемчужном инее. Морозно. / **Поет** из телеграфного столба / То весело, то жалобно, то грозно / Звенящим гулом темная **судьба*** (Леса в жемчужном инее. Морозно… 1907)*; При виде звёзд **душа** на миг **покорна**: / Непостижим и вечен труд творца* (Сатурн, 1906–1907).

3.2 «Части тела человека» (сердце, рот): *Твой смех лукав и **лгал** твой **рот** – / Клинок мой медный раскален / В моей руке – и метко бьет* (Малайская песня, 1916)*; Тревогой странною и радостью томимо, / Мне **сердце говорит**: «вернись, вернись назад!»* (В горах, 1916).

Для данной тематической группы характерны такие модели, как: человек – речь, действие, физическое / эмоциональное состояние, мыслительная деятельность. Персонифицирование понятий, связанных с жизненным циклом человека, обусловлено тем, что на своем жизненном пути человек переживает множество состояний и зачастую осмысляет свой опыт через абстрактные категории. По той же причине «оживляются» части тела, особенно часто выделяется лексема *сердце*, которая становится символом, относящимся к сильным чувствам (любовь, печаль, страх и т. п.).

4. «Животные» (павлин, колибри, орлица, грачи, змей, птицы, соловей, комар, шакал, сверчки): ***Поют, ликуют, спорят** голосами, / Огнем хвостов... Но стоит невпопад / Взглянуть в траву – и прянет пестрый гад: / Он метко бьет раскосыми глазами* (Колибри,1907)*; Дивная **орлица**: / Плещется крылами, красными, как пламень, / В этом море диком, Все кого-то **кличет** и о белый камень / Бьется с лютым криком.* (Там не светит солнце, не бывает ночи… 1916).

Животный мир в поэзии И.А. Бунина определяется моделью: **животное** – **речь**. Чаще всего здесь описываются птицы – олицетворение свободы от земного. Экзотические животные указывают на интерес И.А. Бунина к миру Востока с точки зрения духовности и особого мировоззрения.

5. «Религия»

5.1 «Небесное царство» (звоны ангельских высот, небесный голос, горний мир, Дух, солнце Божье): ***Зовет** их **горний мир**, зовут снегов пустыни, / И тянет к ним уйти, – быть вольным, как дикарь, / И целый день дышать морозом на вершине* (Зимний день в Оберланде, 1902); *Но вот Слышит князь: опять **зовут и млеют** / **Звоны** как бы **ангельских высот**!* (Князь Всеслав, 1916).

© Тихонова Е.А., 2026

Особую группу составляют понятия, связанные с религиозным мировосприятием поэта. Здесь реализуются метафоры, отражающие связь духовного начала с природным миром и включающие в себя религиозную и мифологическую лексику. Характерная модель: **религия – речь**.

Итак, выделились три наиболее обширные тематические группы: «Природа», «Человек», «Животные», которые соответствуют метафорическим моделям, используемым в языке русской поэзии. Группа «Религия» включает в себя индивидуально-авторские метафорические модели.

По частеречной принадлежности в стихотворениях И.А. Бунина выделяются:

1) глагольные метафоры: *Здесь **жизнь** до весны **умерла**, / До весны опустели сады* (Одиночество)*; **Луна склоняет лик** и по ущелью, / Сквозь сумрак, **тянет** млечную кудель* (Вдовец, 1906–1908)*;*

2) адъективные: *Моя **печаль** теперь **спокойна**, / И с каждым годом всё ясней / Я вижу даль, где прежде знойно / Синела дымка летних дней…* (Моя печаль теперь спокойна… 1901); *Скрылось солнце. **Дик и груб**, / **Океан** гремит органами, / Гулом раковинных труб* (Покрывало море свитками… 1916);

3) наречные (предикативные наречия, т. е. слова категории состояния): ***Скучно** в лощинах **березам**, / Туманная муть на полях...* (Русская весна, 1905); *И **жутко Осени** одной / В пустынной тишине ночной* (Листопад, 1900);

4) субстантивные: *Сонный город, **думы** черных **башен**/ И **часов** задумчивый **укор*** (В старом городе, 1901).

Наиболее частотны глагольные метафоры, в которых глаголы имеют значение речевой деятельности: *говорят, поют, зовет, просит, спорит, кличет, вещает*; или её отсутствия: *молчат*. Наделение неживых объектов способностью говорить наиболее ярко реализует одну из основных в русской поэзии метафорических моделей **природа – человек**. То есть животный мир, природные объекты, такие, как небесные тела, растения, природные пространства и явления приобретают способности и характеристики, присущие только человеку. Кроме того, именно с помощью глаголов легче персонифицировать неживые объекты, обозначая их определённые действия. В адъективных, наречных и субстантивных метафорах прилагательное, предикативное наречие и существительное несут в себе экспрессивно окрашенное значение, т.е. передают эмоциональное состояние обозначенного субъекта или элемент оценки и тем самым могут «оживлять» обозначенные предметы, понятия, явления и т. п.: *злая волна* – природное явление наделяется способностью злиться; *скучно березам* – дереву приписывается чувство скуки; *думы башен* – старинное сооружение наделяется умением думать и т. д.

В некоторых стихотворениях И.А. Бунина приём персонификации реализуется с помощью обращений: *Только ты красива, / Хоть давно суха, / В кочках у залива / Старая **ольха*** (Осень. Чащи леса… 1905); *Бледны и грустны вы, горные **звезды**: / Вы созерцаете смерть. / Что же влечет к вам? Зачем же так тянет / Ваша бездонная твердь?* (В горной долине, 1903–1905). Природные объекты воспринимаются лирическим героем как живые, он разговаривает с ними: восхваляет красоту дерева, обращается с вечными вопросами к небесным телам, родной земле. Так, окружающий мир становится полноценным активным соучастником жизни человека.

Таким образом, персонификация в поэзии И.А. Бунина выполняет ряд важных функций: «оживление» понятий из нематериальной сферы и расширение категории лица; введение в поэтический текст особых действующих лиц, обладающих своим словом, которые говорят наряду с лирическим героем, расширяя тем самым возможности его голоса; передача душевного состояния человека: неразрывная связь с природой, трагическое переживание своей личной и исторической судьбы; подчеркивание индивидуально-авторского стиля.

Литература

1. Бердникова О.А. «Так сладок сердцу Божий мир...»: творчество И. Бунина в контексте христианской духовной традиции. Воронеж: Воронеж. ун-т: Воронеж. обл. типография-изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2009.

2. Бунин И.А. Стихотворения. М.: Эксмо, 2024.

3. Москвин В.П. Русская метафора: очерк семиотической теории / ред. В.П. Москвин. 2-е изд., перераб. и доп. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2006.

© Тихонова Е.А., 2026

4. Северская О.И. Метафора // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке. М.: Наука, 1994. С. 105–190.

5. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 40.

6. Хамитова Э.Р. Реализация концептуальной метафоры «природа – человек» в творчестве некоторых поэтов Серебряного века и русской эмиграции // Вестник Башкирск. ун-та. 2010. Т. 15. № 2. С. 368–372.

EKATERINA TIKHONOVA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE DEVICES OF PERSONIFICATION IN THE POETRY OF I.A. BUNIN

The article deals with the devices of personification in the poetry of I.A. Bunin, fulfilling the functions of "activating" the concepts of the immaterial sphere and the widening of the category of person, introducing the special characters into the poetic text, transferring the emotional state of man, his unbreakable connection with nature, the tragic experience of his personal and historical fate and underlining the author individual style of the poet.

Keywords: *personification, metaphor, part-of-speech belonging, address, I.A. Bunin.*

© Тихонова Е.А., 2026

Экономические науки

УДК 314.7: 331.5

В.Р. ЖУКОВ
«SPIN-код: 1860-4906» (vlad_vlad_al@mail.ru)
Казанский кооперативный институт Российского университета кооперации

МИГРАЦИЯ ТРУДОСПОСОБНОГО НАСЕЛЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СБАЛАНСИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ ТРУДА*

Рассматривается влияние миграции трудоспособного населения на динамику региональных рынков труда с учетом демографических ограничений и различий в социально-экономическом развитии территорий. Анализ основан на сопоставлении статистических данных и исследовательских подходов, позволяющих выявить количественные, пространственные и качественные эффекты миграционных потоков. Показано, что миграция снижает напряженность лишь в отдельных регионах и не устраняет структурные разрывы в квалификациях. Сделан вывод о необходимости институциональных мер, направленных на повышение эффективности перераспределения трудовых ресурсов.

Ключевые слова: *миграция трудоспособного населения, региональные рынки труда, напряженность, человеческий капитал, пространственная дифференциация.*

Демографическое старение и устойчивое сокращение численности населения трудоспособного возраста усиливают дисбалансы на региональных рынках труда, где потребность в рабочей силе растет быстрее, чем возможности ее восполнения. Пространственная неоднородность социально-экономического развития приводит к тому, что одни территории сталкиваются с нарастающим кадровым дефицитом, тогда как другие теряют экономически активное население. В условиях ограниченности традиционных механизмов воспроизводства рабочей силы, основанных на подготовке кадров и повышении производительности, возрастает значимость миграции трудоспособного населения как потенциального инструмента стабилизации. Цель состоит в выявлении условий, при которых перемещение трудоспособных реально снижает напряженность рынков труда и влияет на структуру человеческого капитала. В рамках статьи рассматриваются три ключевых вопроса, связанных с количественными эффектами, территориальными характеристиками притока и оттока, а также качественными и институциональными ограничениями.

Старение населения и сокращение численности групп трудоспособного возраста формируют долгосрочные ограничения для восполнения трудовых ресурсов. Миграция становится ключевым источником компенсации естественной убыли и важным элементом демографического развития, что подчеркивает Л.Л. Рыбаковский [7]. В условиях уменьшения доли молодых возрастов усиливается значение притока экономически активных лиц, т. к. без учета миграционных процессов региональные различия в обеспеченности рабочей силой только нарастают. Напряженность на рынке труда определяется соотношением числа безработных и вакансий, что отражает различия регионов по устойчивости спроса на труд. Различия в удельном весе потребности в работниках, коэффициенте напряженности и доле иностранных граждан в трудоспособном населении по кластерам регионов иллюстрируются данными по конъюнктуре рынка труда, представленными в табл. 1 (см. на с. 95).

Низкая рождаемость и сокращение объемов естественного пополнения трудовых ресурсов усиливают территориальные различия в напряженности и создают условия для роста потребности в миграционном притоке [9]. Влияние миграции на сокращение напряженности выражается в том, что приток трудоспособного населения способен компенсировать ограничения демографического характера, однако эффект проявляется неравномерно. Динамика миграционного прироста и изменение напряженности связаны между собой, хотя колебания показателей рынка труда имеют ограниченную амплитуду [Там же]. Трудовая миграция в целом сглаживает дисбалансы, однако отсутствует устойчивая линейная зависимость между

* Работа выполнена под руководством Гарнова А.П., доктора экономических наук, профессора ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова».

© Жуков В.Р., 2026

напряженностью и интенсивностью прибытия мигрантов [3]. Различия в интенсивности международной и внутрироссийской трудовой миграции по кластерам регионов, а также в масштабах выбытия по причине работы показывают, что параметры миграционных потоков существенно различаются, что отражено в табл. 2 [Там же].

Таблица 1

Средние значения показателей конъюнктуры рынка труда по кластерам регионов [3]

Кластер	Удельный вес потребности в работниках для замещения вакантных рабочих мест, процентов	Коэффициент напряженности на рынке труда	Доля иностранных граждан в трудоспособном населении, процентов
1	4,6	1,9	2,1
2	7,4	2,3	2,3
3	1,5	71,2	0,7
4	6,2	1,3	8,6
Всего	5,1	6,0	2,6

Таблица 2

Средние значения интенсивности трудовой миграции по кластерам регионов [Там же]

Кластер	Международные мигранты, прибывшие по причине работы, на 1000 человек рабочей силы	Внутрироссийские мигранты, прибывшие по причине работы, на 1000 человек рабочей силы	Выбывшие по причине работы, на 1000 человек рабочей силы
1	1,7	2,5	3,3
2	6,2	14,5	5,5
3	17,1	9,2	5,4
4	1,3	7,1	10,6
5	19,1	70,7	10,7
Всего	2,8	4,4	3,8

Это означает, что миграционный приток становится инструментом сокращения кадрового дефицита не во всех регионах и зависит от сочетания демографических условий и локальной конъюнктуры рынка труда.

Приток трудоспособного населения концентрируется прежде всего в экономически сильных территориях, что связано с их более высоким уровнем социально-экономического развития и стабильным спросом на рабочую силу. Миграционный прирост достигает максимальных значений именно в регионах с развитой экономикой и в то же время с высокой долей населения старших возрастов [1]. В таких субъектах миграция частично компенсирует снижение естественного воспроизводства и поддерживает обновление человеческого капитала. Выраженная дифференциация по индикаторам спроса и предложения труда формирует разные условия притяжения трудоспособных мигрантов и усиливает различия между территориями [3]. Миграция снижает напряженность внутри принимающих регионов и поддерживает их экономическую устойчивость, но одновременно углубляет межрегиональные различия по обеспеченности трудовыми ресурсами. Это показывает, что миграционные процессы выравнивают ситуацию на локальном уровне, однако при отсутствии сопоставимых возможностей развития в других субъектах усиливается пространственная поляризация, поскольку население концентрируется там, где совокупные условия жизни и труда оказываются более привлекательными.

© Жуков В.Р., 2026

В регионах с недостаточно устойчивой экономической базой наблюдается обратная динамика, характеризующаяся хроническим оттоком трудоспособного населения. Как показывает Е.Л. Мотрич, в ряде территорий Дальнего Востока численность прибывших трудоспособных значительно ниже числа выбывших или сопоставима с ней, что ведет к сокращению рабочей силы и деформации возрастной структуры населения [4]. Характер соответствия прибытий и выбытия населения трудоспособного возраста для отдельных регионов Дальнего Востока иллюстрируется данными табл. 3 (см. табл. 3).

Таблица 3

Прибывшие и выбывшие трудоспособного населения в отдельных регионах Дальнего Востока в 2019 г., человек [Там же]

Регион	Прибывшие трудоспособного возраста	Выбывшие трудоспособного возраста
Российская Федерация	3338321	3118035
Дальний Восток	247110	246884
Приморский край	60551	58431
Хабаровский край	38505	40103
Амурская область	22094	21157

В таких условиях миграционные процессы не компенсируют естественную убыль, а становятся фактором ухудшения воспроизводственных параметров. Устойчивый отток снижает кадровый потенциал и формирует зависимость регионов от внешних источников рабочей силы, а также приводит к смещению структуры занятости. Межрегиональные различия в доле молодого и трудоспособного населения усиливают потребность в притоке трудовых ресурсов и формируют дополнительные различия в параметрах напряженности [9]. Отсутствие устойчивой взаимосвязи между напряженностью и интенсивностью миграционных притоков подтверждает неоднородность территориальных эффектов [3]. Это позволяет заключить, что миграция трудоспособных не всегда работает как механизм балансировки и при отсутствии адресной региональной политики может закреплять статус периферийных территорий как доноров рабочей силы и усиливать их структурную нестабильность.

Количественный приток трудоспособного населения не обеспечивает выравнивание по структуре квалификаций, поскольку миграционные потоки ориентируются преимущественно на сегменты с низкими требованиями к компетенциям. Е.Х. Тухтарова показывает, что участие иностранной рабочей силы связано главным образом с низкоквалифицированными видами занятости, а связь миграции с валовым региональным продуктом и человеческим капиталом проявляется неодинаково и не всегда способствует совершенствованию структуры занятых [10]. Конфигурация двойного рынка труда, в рамках которого иностранные работники концентрируются в специфических нишах и не обеспечивают восполнение дефицита квалифицированных кадров, раскрывается А.П. Седловым [8]. Это создает избыточные миграционные ресурсы в отдельных секторах и усиливает риск несоответствия между потребностями экономики и реальным качеством притока рабочей силы. Таким образом, миграция может снизить формальные показатели напряженности, однако не устраняет структурные дисбалансы и иногда даже усиливает их.

Качественные и институциональные ограничения дополняют структурные разрывы и ограничивают балансирующую роль миграции. Е.М. Моисеева показывает, что механизмы саморегуляции не обеспечивают устойчивого распределения трудовых ресурсов, что требует федеральных и региональных инструментов поддержки мобильности и расширения возможностей взаимодействия между работодателями и соискателями [3]. Е.Х. Тухтарова подчеркивает, что программа переселения соотечественников используется недостаточно активно, хотя может обеспечивать целевое привлечение работников с нужным уровнем квалификаций [10]. М.В. Рим и М.С. Туракаев акцентируют, что реализация миграционного потенциала зависит от субъективных условий, среди которых важны оценка качества среды, устойчивость социальных ожиданий и доверие к институтам [6]. Все это показывает,

© Жуков В.Р., 2026

что без развития институтов отбора по квалификации, сопровождения переселения и повышения качества жизни миграция трудоспособных остается стихийным процессом с ограниченным эффектом для выравнивания региональных рынков труда.

Миграция населения трудоспособного возраста снижает напряженность региональных рынков труда и поддерживает их устойчивость, однако этот эффект проявляется неравномерно и усиливается в периоды экономических колебаний. Территориальная структура потоков формирует различия в распределении трудовых ресурсов, поскольку приток концентрируется в экономически сильных регионах, тогда как периферийные территории сохраняют статус доноров рабочей силы. В этих условиях усиливается пространственная поляризация, если меры развития и поддержки занятости не корректируют различия в возможностях привлечения населения. Структурные особенности субъектов ограничиваются качественными разрывами, т. к. сегментация рынка труда и несоответствие структуры квалификаций препятствуют полноценному использованию миграционного потенциала. Институциональные ограничения усиливают эти эффекты и требуют адресного развития механизмов регулирования. В результате миграция трудоспособных может выполнять балансирующую функцию только при комплексной демографической и трудовой политике, ориентированной на долгосрочные цели развития.

Литература

1. Воробьева О.Д., Топилин А.В., Ниорадзе Г.В. [и др.]. Взаимосвязь миграции и демографического старения населения регионов России: анализ на уровне возрастных групп // Народонаселение. 2024. Т. 27. № 2. С. 149–164.

2. Маньшин Р.В., Моисеева Е.М. Влияние международной трудовой миграции на сбалансированность региональных рынков труда // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3. № 4. С. 209–230.

3. Моисеева Е.М., Маньшин Р.В. Конъюнктура рынка труда и трудовая миграция в российских регионах // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4. № 4. С. 202–215.

4. Мотрич Е.Л. Миграция в демографическом развитии российского Дальнего Востока // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 1. С. 27–40.

5. Никулина Ю.Н., Арефьева В.А., Сарайкин В.А. Альтернативная сельская занятость и её связь с возвратной миграцией горожан // Народонаселение. 2022. Т. 25. № 1. С. 118–128.

6. Рим М.В., Туракаев М.С. Социальное благополучие жителей регионов России как фактор миграционного потенциала местного населения // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20. № 4. С. 629–644.

7. Рыбаковский Л.Л. Миграционная компонента и её вклад в демографическое развитие современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19. № 3. С. 327–337.

8. Седлов А.П. Ресурсы и риски трудовой иммиграции: императивы формирования и методология оценок // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20. № 2. С. 228–242.

9. Смешко О.Г., Ильясов Р.Х., Плотников В.А. Миграция как фактор устойчивости региональных экономических систем: сплайн-анализ структурных изменений связи // Экономика и управление. 2023. Т. 29. № 12. С. 1417–1432.

10. Тухтарова Е.Х. Влияние трудовой миграции на человеческий капитал и ВРП регионов России // Народонаселение. 2022. Т. 25. № 4. С. 163–177.

VLADLEN ZHUKOV
Kazan Institute of Cooperation of Russian University of Cooperation

MIGRATION OF EMPLOYABLE POPULATION AS THE TOOL OF BALANCING OF REGIONAL MARKETS OF LABOR

The influence of migration of employable population on the dynamics of the regional markets of labor with consideration of the demographic limitations and the differences in the social and economic development of the territories is considered. The analysis is based on the comparison of the statistics and the research approaches, allowing to identify the quantity, spatial and quality effects of migration flows. It is demonstrated that the migration reduces the tension only in particular regions and doesn't solve the structural breaks in qualifications. It is concluded about the necessity of the institutional measures, directed to the advance of the efficiency of the redistribution of the labor forces.

Keywords*: migration of employable population, regional markets of labor, tension, human capital, spatial differentiation.*

© Жуков В.Р., 2026